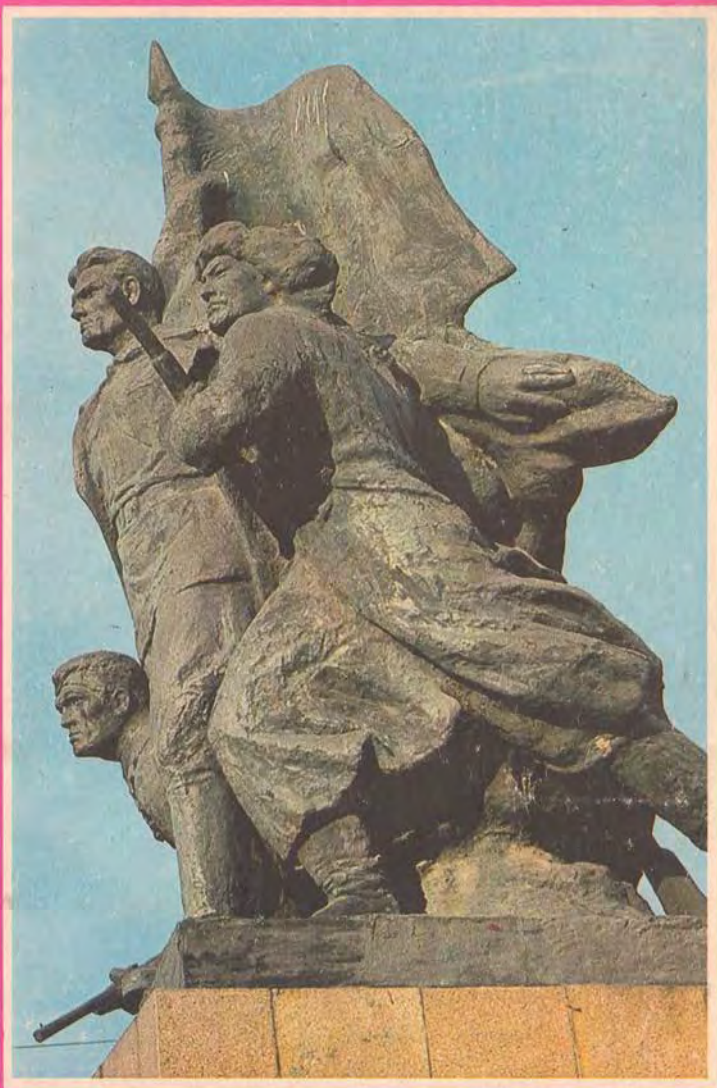

63.3/5K93 Л.6
115

ПАМ'ЯТНИКИ
истории и культуры
КАЗАХСТАНА

ПАМЯТНИКИ истории и культуры КАЗАХСТАНА

Сборник
Центрального совета
Казахского общества
охраны памятников
истории и культуры

Выпуск 3

Алма-Ата «Казахстан» 1988

03.3(216)
11 15

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Редакционный совет:

К. А. Акишев, Ш. Е. Валиханов, С. С. Джиенбаев, М. К. Каратаев, А. К. Кекильбаев, Н. С. Ровенский, А. Р. Сатаев, Р. Б. Сулейменов, А. Г. Хамидуллин (отв. за выпуск).

**Памятники истории и культуры
Казахстана: Сборник** Цент-
П 15 рального совета Казахского обще-
ства охраны памятников истории
и культуры.

Вып. 3.: Алма-Ата: Казахстан,
1988.—168 с. + офс. вкл.

Сборник открывается материалами IV съезда Казахского общества охраны памятников истории и культуры, состоявшегося в июле 1986 г. Значительное место в нем отводится статьям и очеркам, посвященным 70-летию Великого Октября, историко-революционным памятникам республики. Археологи и историки, краеведы, писатели и журналисты рассказывают о своих поисках и находках, о памятниках древности, средневековья, новой и новейшей истории, о проблемах охраны, реставрации и пропаганды памятников.

Адресуется широкому кругу читателей.

П 0505040000—55
401(05)—88 — 26—87

63.3(2К)

ISBN 5—615—00408—8

© Издательство «Казахстан», 1988

С. ДЖИЕНБАЕВ, председатель президиума
Центрального совета Казахского общества
охраны памятников истории и культуры

Культурное достояние народов республики*

Чрезвычайно многообразны культурно-духовные задачи, решаемые сейчас Коммунистической партией и советским народом. Но особенно актуальны вопросы воспитания человека-патриота и интернационалиста, которого отличает активная гражданская позиция, творческое отношение к труду. Среди факторов, формирующих гражданские качества советского человека, важное место занимают памятники истории и культуры. Они являются могучим источником воспитания народа. Не случайно на XXVII съезде КПСС остро прозвучал вопрос о сохранении историко-культурного прошлого нашей страны.

Принципы ленинского, партийного отношения к использованию историко-культурного наследия четко изложены в первых декретах, посвященных охране памятников, в Конституции СССР, законах СССР и Казахской ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Благодаря личной инициативе В. И. Ленина в первые же годы Советской власти был издан ряд декретов и распоряжений, направленных на сохранение национальных сокровищ и создание реставрационных мастерских.

* Статья подготовлена на основе отчетного доклада IV съезду Казахского общества охраны памятников истории и культуры, состоявшемуся в июле 1986 г.

В одном из декретов Совнаркома от 5 октября 1918 г. говорилось:

«1) Произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины как в виде целых собраний, так и отдельных предметов, в чем бы обладания они не находились.

2) Взять на учет находящиеся во владении обществ, учреждений и частных лиц монументальные памятники, собрания предметов искусства и старины, а также отдельные предметы, имеющие большое научное, историческое или художественное значение»¹.

Руководствуясь ленинскими указаниями, КПСС и Советское государство создают условия для сохранения и эффективного использования памятников, ибо они часть мирового культурного наследия и в то же время доказательство огромного вклада народов нашей страны в развитие мировой цивилизации. В Программе КПСС подчеркнута важность создания условий как для наиболее полного раскрытия способностей, дарований и талантов советских людей, так и для более глубокого освоения трудящимися массами богатств духовной и материальной культуры.

Охрана памятников — важная задача государственных органов и общественных организаций. «Государство, — сказано в статье 27 Конституции СССР, — заботится об охране, приумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня».

Памятники истории и культуры — это воплощение духовной силы наших народов и наших предков. Это — Кремль и Красная площадь в Москве, Смольный и легендарный крейсер «Аврора» в Ленинграде, Ленинский мемориал в Ульяновске, величественные мемориалы в Волгограде, Бресте, Киеве, архитектурные ансамбли Самарканда и Бухары, мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане, музейный комплекс Чокана Валиханова и средневековый Отрар, это и древние былины, и «Слово о полку Игореве», героические эпосы «Кобланды-батыр» и «Манас», бессмертные творения Пушкина и Абая...

В последние годы возрос интерес народа к истории, к героическим делам отцов и дедов. Все больше советских людей стремятся побывать в исторических местах, что особенно проявилось во время празднования 40-летия Победы в Великой Отечественной войне. Героев войны, павших и живых, чествовали всюду — «от Москвы до самых до окраин».

Человек, понявший значение памятников, в большей степени испытывает чувство нравственной ответственности перед прошлым и будущим. Академик Д. С. Лихачев справедливо считает, что человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. «Сохранение культурной сре-

¹ В. И. Ленин о культуре. М., 1985, с. 306.

ды — задача не менее важная, чем сохранение окружающей природы, — пишет он. — Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его "духовной оседлости", для его привязанности к родным местам, для его нравственной дисциплины и социальности».

«Запас» памятников культуры, «запас культурной среды крайне ограничен в мире, и он со временем истощается, — подчеркивает Д. С. Лихачев. — Техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей мере умерщвлению культуры, чем продлению ее жизни. Бульдозеры, экскаваторы, строительные крапы, управляемые бездумными и равнодушными людьми, могут нанести вред тому, что в земле еще не открыто, и тому, что есть на земле. Даже сами градостроители становятся порой разрушителями памятников прошлого, а не их охранителями».

Памятники культуры, будь это архитектурный ансамбль или захоронение, остатки древнего городища или каменный балбал, певзрачное на вид бронзовое или костяное украшение, скифское золото — все это память о прошлом и охраняется законом общества, в котором мы живем. Но памятники должны охраняться еще и законом совести, законом боли и тревоги за их судьбу.

Следует помнить: каждый памятник неповторим, он существует в единственном экземпляре. Чтобы желать сохранить культурное наследие, нужны знания о нем. Следует провести полный учет и паспортизацию памятников, классифицировать, установить степень их сохранности и ценности.

* * *

Учитывая большое государственное значение охраны памятников истории и культуры, Академия наук, Министерство культуры и Госкомиздат Казахской ССР при участии ЦС ООПИК приступили к подготовке издания многотомного Свода памятников истории и культуры Казахстана. Созданы отделы по Своду памятников в Академии наук и Министерстве культуры республики. Центральный совет Общества, стараясь внести свой посильный вклад в подготовку Свода памятников, ежегодно снаряжает на свои средства научно-поисковые экспедиции в различные регионы республики. Они ведут кропотливую работу по выявлению, изучению памятников археологии, истории и архитектуры, памятников прикладного искусства, фольклора, письменности и музыкального искусства. Сделано уже немало. Но нам необходима полная информация о памятниках истории и культуры каждой области, каждого района. На ее основе можно планомерно проводить работу по изучению, реставрации, паспортизации памятников, по их сохранению и охране.

Значительная доля денежных средств нашего Общества, выделяемых на реставрационные работы. Они велись и ведутся на

уникальном комплексе Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане, в мавзолеях Бабаджи-хатун близ г. Джамбула, Джоши-хана в Центральном Казахстане, Дузен в Джамбулской области, Арыстан-баба в Чимкентской, Алаша-хана в Жезказганской, Сараман-коса в Кызыл-Ординской областях, на мемориальном комплексе Т. Г. Шевченко в г. Форт-Шевченко, в здании детской городской библиотеки, где останавливался Абай, в одноименной мечети, доме-музее Ф. М. Достоевского в Семипалатинске, в соборе Михаила архангела и церкви Христа Спасителя в Уральске и в ряде других уникальных по своей значимости памятников Уральской, Жезказганской, Мангышлакской, Северо-Казахстанской областей и в Алма-Ате.

На выявление, изучение, охрану, реставрацию и пропаганду памятников за последнее десятилетие Общество ассигновало около 8 млн. руб. В 1986 г. на эти цели затрачено свыше 1,3 млн. руб. К работе с объектами материальной культуры привлечены почти все педагогические институты республики, Казахский и Карагандинский государственные университеты, Алма-Атинский архитектурно-строительный институт, а также некоторые научно-исследовательские институты АН Казахской ССР.

* * *

Для истории Казахстана большое значение имеют археологические памятники, так как они единственные свидетели его далекого прошлого. На основе археологических данных написан первый том из пятитомной «Истории Казахской ССР». Однако в нем отмечается, что для более полной реконструкции древней и средневековой эпох археологического материала еще недостаточно. Поэтому надобность в дальнейших исследованиях археологов остается.

Руководители археологических экспедиций ежегодно представляют в Центральный совет Общества научные отчеты о проделанной работе, а также выступают на заседаниях секции истории, археологии и архитектуры, председателем которой является известный археолог К. А. Акишев.

С 1974 г. работает археологическая экспедиция Казахского государственного университета им. Кирова на средневековом городище Актобе, расположенном на территории колхоза им. Калинина Чуйского района Джамбулской области. За 12 полевых сезонов на цитадели, шахристане и работе городища вскрыт культурный слой на площади около 10 тыс. кв. м.

Центрально-Казахстанская экспедиция начиная с 1976 г. исследовала большое количество разновременных памятников, главным образом на территории Жезказганской области. Особое внимание было уделено поселениям и могильникам эпохи бронзы в верховье реки Атасу.

Северо-Казахстанская экспедиция Петропавловского пединсти-

тута ведет исследования на территории Северо-Казахстанской, Кокчетавской и Павлодарской областей. Основным объектом ее изучения является поселение Ботай, расположенное на правом берегу р. Имап-Бурлук в Володарском районе Кокчетавской области. Поселение уникально по своим масштабам и насыщенности культурного слоя различными предметами. Именно поэтому в 1983 г. здесь проходил всесоюзный полевой семинар, в котором приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Киева и других городов.

Экспедиция Карагандинского государственного университета с 1980 по 1985 гг. выявила 180 памятников различных эпох, провела охранные раскопки на 6 поселениях и 9 могильниках эпохи бронзы, вскрыла два кургана раннежелезного времени, мавзоль бегазы-дапдыбаевской культуры. В рамках паспортизации обследовано 170 памятников, на 120 составлены паспорта. Материалы археологических работ послужили базой для создания музея археологии и этнографии университета.

Такую же значительную работу проделали в последние годы Семиреченская, Алма-Атинская, Талгарская и Волго-Уральская экспедиции, а также археолого-этнографическая экспедиция Казахского государственного университета и археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.

Таким образом, экспедиции Центрального совета ООНИК Казахской ССР вели свои исследования почти во всех регионах республики. В результате получен большой, порой уникальный материал, позволяющий внести коррективы в наши знания о древней истории Казахстана. Некоторые материалы уже введены в научный оборот путем публикации научных и научно-популярных статей, но их большая часть по различным причинам еще остается достоянием лишь небольшого круга специалистов. Необходима более широкая пропаганда археологических памятников среди населения, что будет способствовать их сохранению.

Идет большая работа по претворению в жизнь закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры», за личинское отношение к культурному наследию. В прокуратуру Казахской ССР поступает немало сигналов о нарушении этого закона. Да и к нам идут письма, в которых люди с болью и тревогой пишут о горькой участи того или иного памятника. Так, из Мангышлака сообщают о разрушении уникальных некрополей, из Гурьева — о плохом состоянии памятника-зпака великому поэту Махамбету, из Петропавловска — о запущенном состоянии и сносе ряда исторических и архитектурных памятников людьми, которые призваны охранять их.

На территории колхоза «Победа» Джамбулской области находится городище Аспара. В центре его устроено футбольное поле, здесь же пасутся коровы и овцы. Никаких охранных досок нет. У остатков башни Меркенского городища устроили свалку. Не

лучше обстоят дела и на Акыртасе — памятнике средневековой архитектуры VII—VIII вв. вблизи г. Джамбула. Нередко на древних захоронениях и городищах бродят «кладоискатели». Сельские строители-шабашники разбирают кирпичи древних мазаров, разрушают акыртасы и используют их для строительства кошар и коровников.

На территории совхоза «Рославльский» Алма-Атинской области есть уникальный памятник древнейшей культуры — Тамгалытасские паскальские рисунки. Возраст отдельных из них исчисляется тысячелетиями. Еще 15—20 лет назад состояние их не вызывало особых тревог, но сейчас по ущелью с грохотом ездят мощные автомашины и другая техника, пыль и влага, попадая в трещины, разрушают бесценные рисунки. Для защиты их от разрушения нужны совместные усилия организаций ООПИК с государственными охраняемыми органами.

Долг организаций Общества — исключить всякую возможность разрушения любого вида памятников. Они требуют к себе постоянного внимания и заботы. Но эта забота должна быть квалифицированной. Вот пример. Всем известный легендарный памятник Козы-Корпеш — Баян-слу стоял столетия в своей первозданной красоте и казался вечным. Но в наши дни пришел человек и решил его «улучшить». Памятник замуровали в цемент, одели в бетонный панцырь и — «задушили».

Территория Мангышлакской области известна не только щедростью недр, но и богатством памятников материальной и духовной культуры. Здесь сохранились стоянки древнего человека, поселения эпохи бронзы и железа. Наиболее изучена из них группа некрополей с уникальными надгробными сооружениями. Глядя на них, поражаешься неповторимостью архитектурного решения, обилием красок, великолепной резьбой.

Уже семь лет, как в области создана мастерская Мангышлак-реставрация, организован музей-заповедник памятников истории и культуры Мангышлака и Устюрта. Казалось бы, имеются необходимые условия для сохранения историко-культурного наследия. Но деятельность мастерской Мангышлак-реставрация вызывает даже возмущение. Часть памятников уже разрушена, многие нуждаются в реставрации. Но как она производится! Глядя на мавзолей Шоинбая, невозможно представить, что еще недавно на нем была великолепная роспись. Теперь все забелено известью.

Более печальная участь постигла подземную мечеть. В ней нужно было восстановить лишь потолок. Однако и тут реставраторы показали свою профессиональную несостоятельность — заключили в бетон не только разрушившийся свод, но и стены, не нуждавшиеся в укреплении. В итоге памятник утратил первоначальный облик.

Видимо, то же ожидает мавзолей Омар и Тур. В нем трещины замазаны цементом, основа здания не укреплена, внутри стены покрыты гуашью, а не стойкими масляными красками.

Но лучше, чем на Мангышлаке, ведутся реставрационные работы и в Чимкентской области. Разрушенные части памятников заделываются современными строительными материалами, чаще всего бетоном или цементом. Особое место в области занимает архитектурный комплекс мечети-медресе в селе Чаян, построенный в середине XIX в. Вот уже 15 лет его реставрируют, но конца работ не видно.

Памятник, находящийся в селе, городе, поселке, должен нести какую-то функциональную нагрузку, т. е. служить людям. Советские и партийные органы Чимкентской области предложили использовать комплекс в селе Чаян как центр кооперативной торговли. Действительно, здесь можно было бы организовать ярмарки, открыть базары в праздничные и выходные дни. Но руководители торговых организаций, видимо, не желают тратить свои средства на приспособление памятника под торговый комплекс, хотя основную часть расходов берут на себя государственные и общественные органы охраны памятников.

В республике остро чувствуется нехватка квалифицированных кадров по ведению реставрационных работ. Назрел вопрос об открытии факультетов, где готовили бы реставраторов, специалистов по обработке камня, дерева, металла, кости, кожи, шерсти, изготовлению керамических изделий, мастеров по естественным красителям. Надо этому всячески содействовать. В разных уголках нашей огромной республики есть еще народные мастера, готовые передать свой опыт молодежи.

В последние годы в Алма-Ате строителями уничтожено несколько древних курганов. Спасены курганы эпохи раннего железа в 12-м микрорайоне, в жилой застройке севернее плодощервного комбината, курган на углу улиц Шевченко и Космопавтов. Под угрозой срытия находится курган сакского времени на пересечении улиц Комсомольской и Баумана — здесь запроектировано строительство панельного дома. Центральный совет Общества считает целесообразным соорудить на месте расположения этого кургана музей древней истории Казахстана.

В конце 1985 г. Обществом была создана так называемая «скорая помощь» для аварийных памятников археологии или памятников, которым по тем или иным причинам угрожало уничтожение. Было несколько выездов по различным сигналам. В результате удалось предупредить разрушение нескольких археологических памятников. В выездах наряду с сотрудниками Центрального совета Общества принимали участие сотрудники отдела археологии Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, Управления охраны памятников истории и культуры Министерства культуры республики, активисты Общества.

Так, в январе 1986 г. по сигналу жителей с. Кенжыра Аксуского района Талды-Курганской области группа специалистов обследовала несколько памятников на территории совхоза им. Ленина и составила акт о том, что в могильнике сакского времени один из

царских и один рядовой курган подвергались разрушению. В акте записано, что расходы на доисследование этих курганов в соответствии со статьей 37 закона Казахской ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» должны производиться за счет совхоза.

В феврале того же года группа специалистов в целях проведения охранных мероприятий выезжала в Талгар и Исык. Она отметила безобразное отношение к одному из археологических памятников — средневековому городищу Талгар. Несмотря на решение Алма-Атинского облисполкома от 26 января 1984 г. «О грубейшем нарушении земельного законодательства» и закона Казахской ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», на территории городища устроена свалка. Здесь же без согласования с государственными органами охраны памятников зимой 1985/86 г. проведена линия электропередачи, все еще функционируют грунтовые дороги, не ликвидировано футбольное поле. Видимо, к нарушителям следует применить юридические санкции, а меру наказания огласить общественности. Это будет предостережением и для других руководителей, обязанных всемерно охранять памятники истории и культуры.

* * *

Ценнейшей частью культурного наследия казахского народа являются фонозаписи выдающихся народных музыкантов и певцов. Многие из них жили и творили в то время, когда стала возможной запись их исполнения на пластинки и магнитофонные ленты. Благодаря этому нынешнее поколение может услышать кюи в исполнении Дины Нурпеисовой, неповторимый голос Куляш Байсеитовой, Манарбека Ержапова и других.

Эти уникальные записи рассредоточены в разных учреждениях и организациях — в государственном архиве, на радио, телевидении, в студии грамзаписи, фольклорном кабинете консерватории, фонолаборатории АН Казахской ССР. Отсутствие научного, а также квалифицированного материально-технического подхода к проблеме сохранения музыкально-звукового фонда республики приведет к неправоначальному техническому использованию записей. Так, на радио воспроизводятся не копии фономатериалов, а оригиналы. Записи фольклорных экспедиций, ежегодно финансируемых Центральным советом Общества охраны памятников, оседают в личных архивах ее участников, поскольку Общество не располагает возможностью для их хранения. Вопросы, связанные с тщательным и долговечным хранением, систематизацией, публикацией и другими формами пропаганды классического и современного музыкального творчества, не входят в компетенцию названных учреждений. В результате золотой фонд звучащей истории казахской культуры постепенно может быть утрачен.

Не менее актуальна проблема сбора записей фольклорных и народно-профессиональных музыкантов. Многие ушло безвоз-

вратно. Так, не существует ни одной записи крупнейшего домбриста-композитора Сугура, скончавшегося в 1962 г. В районах и областях Казахстана живут и творят интересные и значительные музыканты, акыны, жирау, зачастую преклонного возраста. Записать и сохранить для потомков звучание их инструментов и голоса — наша обязанность. Пополнение же фонда записей происходит непланомерно, имеющиеся записи малодоступны из-за ведомственной разобщенности специалистов и общественных организаций.

Необходимо объединить разрозненные фонды, обеспечить им сохранность, в необходимых случаях организовать полноценный и планомерный сбор записей народных музыкантов, научную обработку, реставрацию, систематизацию и пропаганду с помощью ежегодных публикаций, открытий выставок, ведения прослушиваний, выполнения заказов различных учреждений — кино, телевидения, радио — в едином научно-методическом центре.

* * *

Есть в жизни народов такие события, которые не меркнут с годами. Одним из них является победа советского народа над фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне. В нашей стране много малых и больших населенных пунктов, где воздвигнуты в камне или в бронзе сооружения в честь погибших воинов-земляков. Их имена высечены на мраморе.

...С Рижского вокзала Москвы ежедневно до станции Дубоссково ходит пассажирский поезд «Панфиловец». Там совершили свой героический подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев. На месте их сражения с немецкими танками сооружен памятник.

В г. Новосокольники Псковской области в парке поставлен памятник Герою Советского Союза Алие Молдагуловой. В Ленинграде именем Алии названы школа и улица, а в школе открыт музей ее имени.

Общеизвестен героический подвиг Маншук Маметовой, совершенный при обороне древнего русского города Невеля. Благодарные невеличцы в центре города установили бронзовый памятник и одну из главных улиц назвали ее именем. Имена героев-казахов носят две улицы в Москве.

Хочется отметить, что пора создать в Алма-Ате памятники Героям Советского Союза Маншук Маметовой и Алие Молдагуловой, первым девушкам Советского Востока, удостоенным этого высокого звания.

На кладбище в Невеле, где похоронена Маншук, покоятся и останки бесстрашного сына казахского народа — командира стрелковой дивизии, полковника Абилькаира Баймолдина, героически погибшего под этим городом. Невельцы назвали одну из своих улиц его именем.

На Пулковской высоте стоит обелиск воину-казаху Султану

Баймаганбетову, повторившему при обороне Ленинграда подвиг Александра Матросова.

Среди мраморных плит с именами героев-защитников Сталинграда, выложенных у подножия Мамаева кургана, имеется плита, увековечившая имя сына казахского народа, летчика-карагандинца Нуркена Абдирова, повторившего подвиг Героя Советского Союза Николая Гастелло.

Кавалер ордена Славы трех степеней Тулеген Кабылов героически погиб в боях под Кенигсбергом. В историко-краеведческом музее города имеется уголок, посвященный его подвигам. Рыболовецкий траулер «Тулеген Кабылов» бороздит волны Балтийского моря. Герою-казаху в г. Чкалово Калининградской области поставлен памятник.

Центральный совет и местные организации Общества, готовясь к 40-летию Победы, провели большую работу по обновлению памятников погибшим воинам, возведению новых обелисков, барельефных стен. Прошли мотокроссы, походы «от памятника — к памятнику». В этом благородном деле вместе с организациями Общества охраны памятников приняли участие и другие общественные организации. Был проведен смотр-конкурс на лучшее содержание памятников боевой и трудовой славы, который способствовал привлечению внимания общественности к охране памятников и использованию их в воспитании молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа.

Хорошее впечатление оставляют памятники погибшим воинам-землякам в совхозе «Кок-Тюбе» Эмбекшиказахского района Алма-Атинской области, в совхозе «Акшимрауский» Мангышлакской области, в совхозе им. Куйбышева и колхозе «Аккуль» — Джамбулской, в селах Мадениет, Красный Казахстан и руднике Джолымбет — Целиноградской, в поселках Джусалы — Кызыл-Ординской, Осакаровка — Карагандинской, в селах Ванновка, Семиозерное — Кустанайской, Баянаул — Павлодарской областей и в ряде других населенных пунктов республики. Однако в иных селах встречаются и такие «памятники-пирамидки», которые сделаны небрежно и примитивно.

Примером деятельного участия в подготовке к 40-летию Победы может служить работа Павлодарского областного совета ООПИК. При активном его содействии отремонтировано и благоустроено 97 памятников и обелисков, установлены 23 новых. В честь юбилея в Павлодаре сооружен мемориальный комплекс. На 92-х беломраморных плитах увековечены имена 1700 воинов-павлодарцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Открыты обелиски погибшим воинам в Экибастузе и Ермаке, в Баянауле и Лебяжьем, в совхозах «Харьковский», «Жалтырский», «Саргамысский», «Березовский» и «Плодородный».

Подобные мероприятия проводились в каждом районе, городе и области республики. Это свидетельствует о понимании организациями Общества охраны памятников своих задач.

Мы живем в сложное время, когда идет яростная идеологическая борьба за умы и сердца миллионов и миллионов людей, когда решается судьба не только живущих, но и будущих поколений. В пышнейшей международной обстановке памятники играют большую роль в борьбе за мир, в установлении взаимопонимания между народами, воздействуют на становление нравственных убеждений, мировоззренческих принципов советского человека.

Секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев на XXVII съезде Коммунистической партии Советского Союза сказал: «Партия высоко ценит и поддерживает всеми нами ощущаемый подъем патриотических чувств, возросший общественный интерес к истории Отечества, к богатствам нашей многовековой, многонациональной культуры. История, революция, их памятники — это могучий источник воспитания народа. И людей наших надо воспитывать так, чтобы они были ревностными хранителями духа народного, который живет в памятниках истории и культуры, в камне и бронзе, в самом неповторимом звучании имен наших городов, сел и улиц»¹.

Пропаганда памятников истории и культуры — одно из главных направлений деятельности нашего Общества. Центральный совет разработал и разослал по областям примерную тематику лекций и докладов о памятниках со списком литературы к ним, каталог документальных, научно-популярных телефильмов о памятниках истории и культуры Казахстана.

В пропаганде памятников большую роль играют печать, радио, телевидение. В центральных, республиканских, областных и районных газетах публикуется немало материалов по проблемам охраны памятников, этому же уделяет внимание Центральное и республиканское телевидение.

Выпущен ряд документальных и научно-популярных фильмов о памятниках истории и культуры. Их можно использовать в лекционной пропаганде и при организации кинофестивалей.

Значительное развитие получила печатная пропаганда. В 1984 г. вышел первый выпуск сборника «Памятники истории и культуры Казахстана», хорошо встреченный общественностью, в 1986 г. — второй. Если первый сборник был несколько общего, программно-декларативного, ознакомительного характера, то во втором и последующих выпусках главное внимание уделяется конкретной информации, рассказу об известных памятниках, их историческом значении, сохранении и реставрации, работе первичных организаций, деятельности Центрального и областных советов.

Намечено издавать материалы наших семинаров и пленумов, лекции и рекомендации, методическую литературу. Это поможет областным, городским и районным советам в их работе и пропагандистской деятельности.

¹ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1986, т. I, с. 238.

Добрый пример в данном отношении подают многие областные советы Общества. Так, Джамбулский областной совет выпустил сборник, посвященный памятникам области, Талды-Курганский совет — альбом «Памятники Семиречья». Регулярно издают плакаты, буклеты и брошюры Карагандинский и Мангышлакский областные советы. Немало настойчивости в деле печатной пропаганды памятников проявили Семипалатинский, Кустанайский и Уральский областные советы. Но, к сожалению, так действуют не все областные советы.

Областные отделения общества «Знание», комсомольские, пионерские организации, редакции газет, музеи и органы народного образования по характеру своей деятельности прямо или косвенно соприкасаются с пропагандой памятников и совместно с организациями ООПИК проводят различные массовые мероприятия. Это хорошо. Но все же областным советам Общества надо быть инициаторами подобных мероприятий и более творчески их проводить.

* * *

За 16 лет своего существования Общество охраны памятников истории и культуры Казахской ССР выросло в многочисленную и жизнедеятельную общественную организацию. Созданы и проводят работу 20 областных (в том числе Алма-Атинский городской совет на правах областного совета), 41 городской и 250 районных советов Общества. Действуют 11 472 первичные организации (в 1981 г. их было 11 265). Коллективными членами Общества являются 6885 предприятий, организаций, совхозов, колхозов, учебных заведений и школ. За 1981—1986 гг. количество индивидуальных членов Общества возросло на 324 тыс. человек и составило 2 млн. 173 тыс. человек. Поступившие от коллективных и индивидуальных членов Общества денежные взносы позволили финансировать работы по реставрации, консервации, благоустройству памятников, а также организовать научно-поисковые экспедиции по выявлению и изучению памятников истории и культуры.

К сожалению, в некоторых областях не уделяется должного внимания росту членов Общества и укреплению первичных организаций. В таких областях, как Чимкентская, Джезказганская и Тургайская, количество индивидуальных членов Общества в 1986 г. по сравнению с 1981 г. даже снизилось. Это объясняется тем, что в них слабо поставлена массово-разъяснительная работа среди населения, запущен учет членов Общества. Областные и районные советы, их работники мало занимаются вопросами вовлечения в Общество новых членов, хотя резервы тут большие. Число индивидуальных членов Общества в среднем по республике по отношению к численности населения составляет лишь

14 проц., а в Чимкентской области — 6,2, в Тургайской — 10,1, в Мангышлакской — 10,8 проц.

Наше Общество работает на добровольных началах, поэтому сбор взносов также добровольен. Надо добиваться, чтобы на всех предприятиях, в учреждениях, организациях, совхозах, колхозах, школах, профтехучилищах, высших и средних учебных заведениях были созданы первичные организации Общества. Для улучшения и совершенствования организационно-массовой работы необходимо выполнять уставные требования по созыву пленумов, заседаний президиумов советов, собраний первичных организаций, работе с активистами Общества и т. д. Во многих областях так и поступают.

Алма-Атинский областной совет Общества, например, регулярно проводит рейды по районам и селам в целях активизации деятельности членов Общества в деле учета, сохранности, реставрации памятников, а также для уточнения коллективного и индивидуального членства. Результаты рейдов обсуждаются на заседаниях президиумов областного и районных советов Общества.

Восточно-Казахстанский областной совет разработал и утвердил перспективный план и разослал его всем райгорсоветам для руководства и исполнения. Здесь регулярно заслушиваются сообщения о проделанной работе районных, городских советов и первичных организаций.

Семипалатинский областной совет практикует ежеквартальный выпуск бюллетеней, в которых информирует о состоянии охраны и пропаганды, благоустройства памятников и ходе выполнения плановых заданий по вовлечению в члены Общества, сборе членских взносов, что способствует гласности социалистического соревнования и активизации работы советов.

В результате целенаправленной работы Целиноградского областного совета за последние годы заметно улучшилась деятельность районных, городских советов и первичных организаций Общества. В этой области значительно возросло число индивидуальных членов ООПИК.

Нельзя не сказать и о том, что организации Общества охраны памятников выросли не только количественно, но и качественно, пополнились активными и инициативными людьми, подлинными энтузиастами. У нас теперь их сотни. Одним из них является подполковник в отставке, ветеран партии, участник гражданской и Великой Отечественной войн Леонид Яковлевич Каюшин. Ему 85 лет, но он продолжает активную работу по восстановлению памятников Талды-Курганской области. Среди подобных энтузиастов можно назвать и заслуженного работника культуры Казахской ССР Константина Сергеевича Ушкова, персонального пенсионера, бывшего партийного работника Сергея Михайловича Преспякова из Северо-Казахстанской области, ветерана и инвалида войны Егизбая Смаилова из Шетского района Джезказганской

области, краеведа из Усть-Каменогорска, автора интересных научно-популярных книг Станислава Евгеньевича Черных, пенсионера Габбаса Баталова. Все они ревностные хранители памятников истории и культуры в своих районах и областях. Их выступления помогли и помогают сохранять многие памятники от порчи и уничтожения.

Работникам Центрального и областных советов Общества необходимо усилить работу по укреплению первичных организаций, чтобы охватить индивидуальным членством не менее 20 проц. населения.

Мы должны глубже уяснить, что дело, которое ведет наше Общество,— это гражданский и патриотический долг каждого из нас. Историю, культуру нашей великой страны должен знать каждый. Это касается всех, пет человека, которому не нужна была бы история. История — основа культуры.

Одними из главных задач нашего Общества являются использование памятников истории и культуры для патриотического, интернационального и эстетического воспитания трудящихся и широкое вовлечение их в многообразную работу Общества. В этом направлении нам еще предстоит многое сделать.

В нашей республике, как и по всей стране, осуществляются большие социальные преобразования: идет массовая застройка городов и сел, реконструируются предприятия, появляются новые многоэтажные здания. Важно, чтобы в этом бурном росте не пострадали памятники истории и архитектуры, здания и сооружения, связанные с историческими событиями, жизнью и деятельностью выдающихся деятелей нашей партии и государства, науки и культуры.

Не случайно в Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года среди многих актуальных проблем поставлена задача: «Активнее вести работу по сохранению и приумножению национального культурного наследия, по сбережению памятников отечественной и мировой истории и культуры»¹.

Сохранению и приумножению культурного наследия народа в значительной мере будет способствовать организации Советского фонда культуры. Одна из их главных задач — содействовать более полному и глубокому освоению трудящимися богатств отечественной и мировой культуры, эстетическому, патриотическому и интернациональному воспитанию советских людей, формированию чувства высокой гражданской ответственности за рост общенационального культурного достояния, духовного потенциала нашего народа. Советский фонд культуры разворачивает целенаправленную и планомерную работу по мобилизации общественности на выявление и вовлечение в народное пользование художественных

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 273.

ценностей, произведений искусства, исторических реликвий, книжных собраний, рукописей, фотографий, архивов и других значимых материалов.

На торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул: «Переход советского общества в качественно новое состояние, прорыв в будущее может быть совершен лишь на широком фронте, включающем в себя и духовную сферу социализма — науку и образование, литературу и искусство, всю совокупность социальных и нравственных ценностей советского народа. Духовная культура — не только украшение общества, а сфера его жизнеобеспечения, интеллектуальный и культурный потенциал общества. Это как бы легирующий материал для его социальной прочности и катализатор для его динамичности.

Мы должны еще выше поднять авторитет социалистической культуры»¹.

Центральный и местные советы, многочисленные активисты Казахского общества охраны памятников истории и культуры должны направить всю свою деятельность к этой благородной цели, занимать активную гражданскую и социальную позицию в деле охраны нашего историко-культурного наследия.

В Казахстане имеется множество памятников историко-революционного прошлого. Необходимо шире привлекать к поисковой краеведческой работе активистов Общества, комсомольцев, пионеров по установлению имен активных участников революционных событий, по увековечению их памяти. Сохранение верности революционным традициям, верности заветам революционеров, отдавших свою жизнь во имя коммунизма, во имя свободы, счастья народа, — наша главная задача.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДЕЛЕГАТОВ

У. Д. ДЖАНИБЕКОВ, зам. председателя
исполкома Алма-Атинского областного
Совета народных депутатов, председатель
областного совета ООПИК *

В наши дни вопросы охраны памятников истории и культуры стоят весьма остро. В области под угрозой исчезновения находятся памятники старины в районе обводнения Акдалинского, Шенгельдинского и Каройского массивов. Всего за каких-то 10—15 лет в связи с освоением новых земель под рисовыми чеками оказались городища Карагаш, Бакбакты, Бояулы, частично Агашаяк. На Еки-Огызе Талгарским МРСХО пробурена самоизливающаяся скважина, выбрасывающая воду во двор древнего караван-

¹ Коммунист, 1987, № 17, с. 25.

* Сейчас секретарь ЦК Компартии Казахстана.

сарая. Если не принять срочные меры, могут исчезнуть с лица земли городища Актам и Карамерген. На уникальнейшем памятнике — кургане Жуаптобе в Кегенском районе — пытались установить телевизионную башню, срезав верхнюю часть древнего сооружения. Мало кто помнит в районе, когда и кем было «обезглавлено», хотя это произошло сравнительно недавно, каменное изваяние воина, так называемый «кегенский камень». Наиболее уникальные памятники (32), в их числе могильник Бесшатыр, Исыкские курганы, относящиеся к XII—IV вв. до н. э., петроглифы Тамгалытас на Или, городище Талгар, Капчагайский гидроузел, комплекс литературно-мемориального дома-музея Джамбула и другие, взяты государством под охрану. В список занесено 315 памятников, ведется работа по составлению их каталога.

Пожалуй, ни в одной области республики нет такого большого скопления сакских и тюркских курганов, древних петроглифов, наскальных рисунков, как в нашей. С глубокой древности почти до XV в. здесь проходила часть караванного «шелкового пути». От Еки-Огыза, находящегося на территории нынешнего пос. Шенгельды, что на правом берегу Или, через пески Сарышичик-Отрау к озеру Балхаш, в желтые дали дашти-кипчацких степей тянулись на расстоянии 40—50 км друг от друга хорошо укрепленные города, поселения, караван-сарай. Некогда в этих местах протекали полноводные реки, от которых отводились десятки каналов, орошавших плодородные земли.

На южном берегу Балхаша, в районе узкого перешейка, к которому подходила цепь этих поселений, археологами обнаружено безымянное городище — немое свидетельство того, что всего тысячу с лишним лет назад озеро состояло из двух самостоятельных лож. Между ними пролегал путь, ведущий в Сары-Арку. Где-то в этом районе затерялось в песках знаменитое урочище Ынырагансай — место решающего сражения казахских джигитов с джунгарами в 1728 г.

Алма-Атинская область в историческом плане еще мало изучена. Ничего не осталось от древнего Алматау — предтечи современной Алма-Аты. Постепенно разрушается всемирно известный Исыкский могильник, погребение «золотого» человека. Колхоз и местные предприятия сносят древние курганы, ставя органы государственной охраны памятников перед свершившимся фактом. Здесь же находятся участки садоводов-любителей, которых мало интересуют памятники истории.

В целях обеспечения сохранности и пропаганды историко-культурного наследия прошлого мы считаем необходимым создать на территории Эбекшиказахского, Талгарского и частично Илийского районов государственный археологический заповедник, чтобы музефицировать группу курганов с экспонированием мумия «золотого» человека и других археологических находок. Желательно устроить и светозвуковую панораму парадного быта, обычаев и символов эпохи саков.

Расширение сети школьных и общественных музеев, совершенствование их экспозиций должны стать для нашего Общества задачей первостепенной важности. Мы планируем провести в 1987—1988 гг. аттестацию школьных и общественных музеев и одновременно обсудить вопросы, связанные с оформлением экспозиций, систематизацией фондов, передачей наиболее уникальных вещей, документов на хранение в государственные музеи.

В интересах дела следует проработать некоторые положения советского законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры, чтобы наделить государственные органы охраны памятников в лице районных, городских отделов, областных управлений и Министерства культуры Казахской ССР правами самим применять штрафные санкции, приостанавливать строительные и прочие работы, начатые во вред памятнику, его охранный зоне, т. е. придать им функции государственной инспекции. Мне кажется целесообразным преобразовать Управление охраны памятников Министерства культуры Казахской ССР в Главное научно-реставрационное и производственное управление министерства, которое сочетало бы административные функции с производственной деятельностью.

С. И. ЕЛАМАНОВА, зам. председателя
исполкома Актюбинского областного Совета
народных депутатов, председатель областного
совета ООПИК

Отрадно, что в Актюбинске открылась специализированная мастерская объединения Казреставрация, сотрудники которой ведут работы по восстановлению памятников архитектуры. Но в своей деятельности мы сталкиваемся с серьезными трудностями. Острой остается проблема кадров, дефицитными стали профессии плотника, столяра, резчика по дереву, позолотчика. В немалой степени качество реставрации зависит и от используемых материалов — специального кирпича и металла, пород дерева. Между тем снабжение необходимыми материалами, оборудованием и инструментом оставляет желать лучшего. Слаба еще материально-техническая база мастерской, низка ее производительность. Усложнено и оформление документов на реставрационные работы. В Актюбинске следовало бы открыть филиал института Казпроектреставрация для подготовки такой проектно-сметной документации. Этот филиал также помог бы наладить работу наших мастерских в областях Западного Казахстана.

В. Т. ТУЯКБАЕВА, директор института Каз-
проектреставрации Министерства культуры
Казахской ССР.

В республике лишь сравнительно недавно изучению и сохранению исторического и культурного наследия стали уделять внимание. С каждым годом этот вопрос приобретает все большее значение. В службе государственных органов охраны памятников Казахстана произошли важные изменения: почти во всех областях созданы реставрационные мастерские; с конца 1980 г. функционирует специализированный институт по изучению и реставрации памятников, объем его работ превысил 9 млн. руб. в год. Но, несмотря на эти успехи, состояние историко-культурного наследия в целом вызывает тревогу.

Учитывая важную роль памятников в формировании национального и индивидуального облика городов и сел, Министерство культуры и Госстрой Казахской ССР в 1982 г. приняли решение о корректировке 38 ранее разработанных генеральных планов. Однако некоторые областные, городские и районные исполкомы Советов не принимают во внимание этих уточнений и продолжают сносить исторически ценные постройки. До сих пор ни один из обласполкомов, кроме Джамбулского, не определил в исторически ценных районах городов и сел зон охраны. Даже в таком городе, как Туркестан, хорошо известном широкой общественности, историко-градостроительный опорный план, рассмотренный и одобренный многими инстанциями республики и Союза, из-за волокиты горисполкома не утверждался более трех лет. Границы зон охраны до сегодняшнего дня не установлены Чимкентским обласполкомом. В Чимкенте начался снос района, в котором расположены средневековый город и цитадель.

Негативную позицию в отношении памятников истории и культуры занял и Уральский обласполком. В Уральске один за другим сносятся старые капитальные сооружения, на их месте создаются крупнопанельные массивы, вследствие этого город утрачивает свой исторический облик.

В 1981 г. Союз архитекторов Казахстана провел в Уральске пленум, на котором обсуждалась практика проектирования и строительства города с учетом исторической зоны, призвано необходимым по возможности сохранить застройки в исторической части Уральска. Но это не изменило позиции Уральского обласполкома. Уже после пленума были снесены здания железнодорожного вокзала — первого в Казахстане, телеграфа — памятника архитектуры XIX в. По заданию горисполкома в Уральске провели даже рейд по снятию металлического архитектурного декора со старых построек и сдаче в металлолом. Уральский обласполком и его градостроительные органы явно игнорируют принятые решения и не дорожат историей города.

Конечно, не всюду такое упорное непонимание обязанностей по сохранению памятников истории и культуры. Так, в Алма-Ате

и Джамбуле уже включены в генеральные планы меры по сохранению памятников.

Очень ответственна роль Общества в формировании общественного сознания по отношению к наследию прошлого. В этом проявляется живая связь с настоящим.

Э. П. ГЕРАСИМОВА, зав. отделом Свода памятников Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР

Отличительной чертой культурной жизни нашего общества стало широкое участие общественности, в том числе научной, в благородном деле охраны и использования историко-культурного богатства советского народа. Коммунистическая партия призывает активнее вести работу по сохранению и приумножению национального культурного наследия. Этим задачам должно отвечать издание в республике Свода памятников истории и культуры.

В Институте истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР образован отдел Свода памятников. Но с первых же дней работы он столкнулся с рядом трудностей. Прежде всего сказалось отсутствие опыта в подготовке подобного рода изданий, а также необходимых кадров — в отделе 12 человек. Кроме того, отдел не получал методической помощи со стороны Министерства культуры СССР и Академии наук СССР. Лишь в июне 1986 г. пришли утвержденные методические указания по подготовке материалов Свода.

С 1985 г. к работе подключилась археологическая группа редакции Свода. Сейчас в основном скомплектован первый том по Чимкентской области, идет работа и над вторым томом (Джамбулская область). Но до сих пор не определено, какое издательство будет выпускать многотомное издание, не создана Главная редационная коллегия. А время не ждет!..

Ш. Е. ВАЛЛХАНОВ, зам. директора института Казграждансельстройпроект, член президиума Центрального совета ООПИК

Время уносит в небытие все: города, страны, народы. И лишь память, способность передать мысль следующему поколению спасают человечество от забвения — устанавливают связь между прошлым и настоящим, образуя то, что мы называем историей. Академик Д. С. Лихачев пишет: «Навязчиво и настойчиво творения прошлого, в которые вложены талант и любовь поколений, входят в человека, становясь мерилем прекрасного. Человек учится уважению предков, чувству долга перед потомками». В этом плане почетную миссию выполняет Общество охраны памятников истории и культуры, так как способствует бережному отношению к национальным сокровищам. Наши корни могучи и глубоки, их

сберечь — значит, вырастить новые поколения, от разума и совести которых зависят реализация намеченных планов и будущее Родины.

Многое сделано Обществом за последние 3—4 года. Очень радует выпуск сборников, в которых представлены интересные материалы по истории и культуре Казахстана. Весьма полезны организация экспедиций по выявлению памятников, а также пополнение библиотеки Общества редкими книгами.

В уставе Общества говорится, что оно должно интересоваться памятниками литературы и искусства, расположенными не только на территории Казахской ССР, но и за ее пределами. Такие возможности имеются. Недавно я обнаружил в отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина рукопись первого русско-казахского словаря, составленного еще в XVIII в. В предисловии записано: «Сей перевод по алфавиту собран старанием генерал-майора и кавалера Скалона с тем желанием, не можно ли иногда из одного сочинять российскими литерами, азбуками букварь и другие, приличествующие сему народу книжки. Августа 8 числа 1774 года Сибирской губернии Иртышской линии в крепости Усть-Каменогорской». Как видите, мысль о создании казахского алфавита высказывалась еще два века назад. Спустя сто лет Чокан Валиханов отмечал: «Выражение звуков тюркских русской азбукой без особых фонетических знаков чрезвычайно их уродует... для составления хорошего словаря или грамматики нужны фундаментальные знания тюркского языка». С этой задачей лингвисты успешно справились только в советское время.

Еще один пример.

В надежде найти что-либо, проливающее свет на биографию казахского ученого Ч. Ч. Валиханова, мы давно пытаемся установить связь с потомками его друзей. Из знакомства с правнуком и правнучкой Ф. М. Достоевского мы узнали, где живет правнук Г. Н. Потанина. Обрадовало меня и знакомство с внуком русского поэта XIX в. Вс. Крестовского — друга Ч. Ч. Валиханова. Он написал нам, что его дед «держал большую квартиру с видом на Фонтанку и Летний сад». Валиханов бывал в этом доме. Рукописи деда, переписка с Ф. М. Достоевским и другими писателями (возможно, и с Чоканом), а также с художником Верещагиным хранились у его дяди Владимира Всеволодовича. В конце письма сообщалось, что в их семье хранятся «некоторые дедушкины вещи, китайский фарфор, картины». Когда я прочитал это, у меня екнуло сердце. Дело в том, что Ч. Ч. Валиханов привез из Кашгарии много книг и китайский фарфор. Его дядя Муса Чорманов жаловался, что Чокан ничего ему не оставил и успокоился только тогда, когда узнал, что все вещи отправлены в Петербург. Думаю, что встреча с наследниками Вс. Крестовского прольет на это свет.

Так поддерживается связь времен, эпох и поколений.

Мы постоянно ищем новые формы и методы работы в целях улучшения деятельности Общества. И это дает свои результаты. Так, в последние 3—4 года на многих предприятиях и в учебных заведениях усилилась пропаганда по истории коллектива путем создания уголков, комнат и музеев боевой и трудовой славы. По инициативе областного совета проводятся смотры их работы, лучшим вручаются призы.

В целях обеспечения сохранности памятников, по предложению областного совета Общества, облисполком принял решение о проведении один раз в год месячника по благоустройству памятников. За каждым из них закреплены шефы. В Целинограде проведена капитальная реконструкция сквера имени Октябрьской революции, в котором увековечена память борцов за Советскую власть. Воздается должное памяти Сакена Сейфуллина, Ильеса Есенберлина и других прославленных земляков. Вместе с тем в нашей работе имеются недостатки и упущения. Мало активности проявляют некоторые райсоветы города, а также многие первичные организации Общества. На своих прошедших отчетно-выборных собраниях и конференциях в их адрес было высказано немало критических замечаний и предложений. По их реализации намечены конкретные меры.

Одной из кардинальных задач Общества является пропаганда памятников. Но и в этой работе имеются пробелы. Центральный совет Общества разрабатывает недостаточное количество лекций и докладов. Все еще мало выпускается документальных фильмов о памятниках истории и культуры. Республикаские газеты, кроме «Казак адебиети», не в пример центральным органам печати, не затрагивают эту тему.

Вопросы охраны памятников слабо освещают и писатели республики. На мой взгляд, лишь книга Акселеу Сейдимбекова «Поющие купола» заслуживает похвалы.

Работники и активисты Общества нуждаются и в специальной методической литературе.

Имеются серьезные пробелы в пропаганде деятельности исторических личностей. Министерство культуры и его управление по охране памятников, да и Центральный совет Общества в этом вопросе крайне не расторопны. Приведу два примера.

В истории нашего народа значительна роль батыра Богембая в отражении нашествия джунгар, однако ничего не сделано по увековечению его памяти. В недавно открытом прекрасном республиканском музее не сочли нужным хотя бы одним словом обмолвиться о нем. Кстати, у потомков батыра сохранились его личные вещи, оружие и другие предметы, которые следовало бы выставить в музее.

В экспозициях того же музея нет и фотографии Хаджи-Мука-

на Мунайтпасова, неоднократного чемпиона мира по вольной и французской борьбе, интернационалиста и патриота. Эти факты вызывают сожаление.

Наболевший вопрос — вопрос о реставрации памятников. Три года назад и в нашей области создана научно-реставрационная мастерская Министерства культуры республики. Название громкое. Но, к сожалению, свои обязанности мастерская не выполняет. За эти три с лишним года из запланированных пяти объектов она отреставрировала только один и то не полностью. Причина такой работы — отсутствие необходимых ремонтных материалов, задержка в составлении проектно-сметной документации и выделении оборотных средств, слабое руководство и со стороны института Казпроектреставрация.

А. С. СЕЙДИМБЕКОВ, главный редактор
журнала «Билим жане енбек», председатель
секции пропаганды Центрального совета
ООПИК

Благодаря усилиям исследователей введен в научный и общественный оборот комплекс замечательных памятников Центрального, Западного и Южного Казахстана. Особенно интенсивно памятники архитектуры республики изучались экспедициями Общества охраны памятников и Министерства культуры Казахской ССР в 70-е годы. В рамках небольшой проектной группы в течение десятка лет формировался коллектив специалистов по исследованию и реставрации памятников: архитекторы, реставраторы, историки и т. д. В итоге была создана надежная научная, кадровая база для деятельности крупного научно-реставрационного центра. Им был признан институт Казпроектреставрация, организованный в 1980 г. С этим событием общественность республики связывала большие надежды. Но они не оправдались.

В последнее пятилетие институт сосредоточил основное внимание на восстановлении исторических городов. Затрачены огромные средства на проект восстановления «мифического Тараза» и других городских объектов, в то время как аварийные памятники гибнут. Безусловно, реставрировать памятники XIX в. легче, чем заботиться о консервации памятников многовековой давности. Поэтому нет сдвигов в деле консервации и реставрации таких уникальных памятников, как мавзолей Баланды II, Бабишмулла, Уйтас, Абат-Байтак, Козы-Корпеш и Баян-слу, Бегимана, памятники Мангышлакско-Устьюртского района.

В свое время газета «Социалистик Казакстан» поднимала вопрос о восстановлении усадьбы Сырымбет, где прошли детские годы Ч. Валиханова. Редакция получила ответы Министерства культуры, ЦС ООПИК, Казреставрации о положительном решении этого вопроса. Еще в 1981 г. усадьба Сырымбет была включена в план реставрации, но никаких работ там так и не проводилось.

Весьма оригинальный подход обнаруживают специалисты проектно-реставрационных организаций в выборе средств сохранения памятников. Распространилась практика полного восстановления объектов под видом реставрации. Таким образом изуродованы замечательные средневековые мавзолеи Бабаджи-хатун и Жубан-ана, та же участь ожидает уникальный памятник мирового зодчества Айша-Биби. Многих трудностей в реставрационном деле можно бы избежать, если бы широкая научная общественность участвовала в обсуждении принципиально важных проектов. Однако судьба уникальных памятников решается узким кругом специалистов. Весьма прискорбно, что за последние 30 лет в республике не издано ни одной монографии или сборника статей по проблемам реставрации.

О. В. ГОРБАНЬ, рабочая Семипалатинского мясокомбината им. Калинина, председатель первичной организации ООПИК, член президиума Семипалатинского областного совета ООПИК

Одним из центров идейно-воспитательной работы, проводимой в коллективе мясокомбината, является музей боевой и трудовой славы. Здесь данью уважения отмечен и на долгие годы увековечен труд первостроителей и передовиков предприятия. Наш музей посещают не только работники комбината, но и школьники, студенты, рабочие и специалисты промышленных предприятий, ветераны войны и труда, гости Семипалатинска. Никого не оставляют равнодушными стенды и материалы музея, рассказывающие о боевом и трудовом героизме тружеников мясного гиганта на Иртыше. Только за минувший год в музее побывало более 40 тыс. человек.

В Абайском районе нашей области находится урочище Жидебай — одно из памятных мест республики, бóтчая земля великого Абая. Здесь, на бывшей зимовке поэта, где он провел последние 10 лет жизни, ныне открыт дом-музей, филиал Республиканского литературно-мемориального музея Абая Кунапбаева. Недалеко от него находится могила поэта. Здесь же захоронены родные и близкие Абая.

В этом урочище имеются и другие исторические и мемориальные объекты, связанные с жизнью и творчеством Абая и основоположника абаеведения Мухтара Ауэзова. Каждый из объектов представляет собой большую историческую ценность. С 1978 г. функционирует маршрут «На родину двух талантов». Однако туристы посещают только дом-музей и могилу Абая. Остальные объекты в маршрут не входят. Нам кажется, что необходимо преобразовать урочище Жидебай в исторический, литературно-мемориальный и природный заповедник, подобно Ясной Поляне, Пушкинскому заповеднику, заповеднику Шолохова. Центром нашего заповедника мог бы стать дом-музей Абая.

Общество охраны памятников истории и культуры Казахской ССР организовано в 1972 г. Тогда же впервые на казахском языке вышли первые тома универсальной Казахской советской энциклопедии. Эти два знаменательных события говорят о многом, и прежде всего о заботе партии и правительства о сохранении духовных ценностей народа как основы воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма, любви к Родине. И Общество, и Энциклопедия призваны хранить и умножать наследие прошлого — памятники истории и культуры народа.

В 15-томной Казахской советской энциклопедии сделана попытка рассказать о памятниках истории, археологии и культуры республики от древнейших времен до наших дней. В ней помещены многочисленные статьи об отдельных археологических и исторических памятниках — городищах, древних городах, крепостях, мечетях, башнях, мавзолеях, мазарах, о работе экспедиций, даны биографические справки об ученых-археологах, историках, искусствоведах, приведены снимки и схемы памятников. Только по разделу археологии опубликовано около 400 различных статей, энциклопедический фонд стал достоянием читателей. Эта работа продолжена в энциклопедиях «Алма-Ата», «Караганда. Карагандинская область» и др.

В подготовке материалов о памятниках мы столкнулись с большими трудностями. Выяснилось, что только незначительная их часть описана или имеет паспорта. Исследовательская работа движется очень медленно. Такое положение отражается на запланированном издании Свода памятников истории и культуры Казахстана. Для ускорения его подготовки необходимо создать координационный центр.

В. Г. ЗАПОРОЖАН, рабочий Дзезказганской реставрационной мастерской, председатель первичной организации ООПИК

Дзезказганская область известна не только своими полиметаллическими рудами, но и историко-культурными памятниками.

Уникальны памятники археологии, находящиеся в Дзездинском, Улытауском, Жанааркинском, Агадырском, Актогайском, Шетском районах, в окрестностях Дзезказгана. Большинство из них расположены в долинах рек Сарысу, Кара-Кенгир, Сары-Кенгир, Талды, Атасу, в горных ущельях. Для восстановления и реставрации архитектурных памятников в 1981 г. была создана мастерская Дзезказганреставрация. Она укомплектована ква-

лифицированными рабочими, имеет собственную промышленную базу.

Мастерская выполняет работы по проектно-сметной документации, которую составляет институт Казпроектреставрация. К сожалению, она не гарантирует получение необходимых материалов. Кирпич приходится привозить из Туркестана, т. е. за 800 км. Причем потребность удовлетворяется лишь на 50 проц. К тому же этот кирпич по цвету и качеству не соответствует тому, из которого построены памятники.

По неизвестным причинам институт Казпроектреставрация составляет проектную документацию с расчетом приостановки самих работ на год-два. Так было с восстановлением памятников Джучи-хан, Аяк-Камыр, Домбаул, Дузен. Мы и сейчас не знаем, когда продолжим реставрацию названных памятников.

К. М. БАШАКОВ, зав. сектором Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, доктор исторических наук

Историками, востоковедами, археологами, краеведами открыты и изучены тысячи археологических памятников в областях Казахстана. Особенно интенсивно археологические работы ведутся в течение последних четырех десятилетий, т. е. после организации АН Казахской ССР. Широкую известность в республике, в Советском Союзе и за рубежом получили раскопки могильников эпохи бронзы в Центральном Казахстане, сакских могильников Бешатыр и Иссык в Семиречье, Уйгарака и Тегискепа на юге, средневековых городищ Отрара, Куйрук-тобе и Кок-мардана в Отрарском оазисе.

Одновременно идет и другой процесс — гибнут десятки памятников. Часть из них разрушается временем, большинство же утрачивается в результате различной строительно-промышленной и сельскохозяйственной деятельности, особенно интенсивной в последние десятилетия. Причем «убыль» памятников идет несравненно быстрее, нежели их «прирост» вследствие новых открытий.

Весьма печально, когда памятники исчезают не в результате необратимых процессов, а в результате нарушения закона об их охране, слабой обеспеченности органов охраны специалистами, а также из-за халатности должностных лиц. Разрушаются знаменитый на весь мир Иссыкский могильник, Талгарское городище, находящееся рядом с Алма-Атой. В прошлом году в зону сельскохозяйственных работ попали курганы известного могильника Джеты-тобе рядом с г. Джамбулом. Это величайшее сооружение. К счастью, беду удалось предотвратить — сейчас исследованы малые курганы, а большие включены в охранную зону.

В Джамбуле под мусорной свалкой оказались курганы еще одного сакского могильника Уштобе.

Если до недавнего времени археологи только копали, не заботясь о дальнейшей судьбе памятника, то теперь встает вопрос о консервации и сохранении раскопанных объектов, т. е. о превращении их в музей под открытым небом. Оправдывает себя опыт создания музеев-заповедников, в которых раскопки, консервация и музеефикация идут параллельно.

Почему бы не музеефицировать Талгар — средневековую столицу Илийской долины? Музей сакской культуры можно и нужно создать в Алма-Ате. Такой музей станет украшением нашей столицы, даст возможность показать яркую культуру сакских племен.

Пора решить вопрос об организации музея-заповедника в Иссыке, на одном из немногих сохранившихся курганов сакских царей. Это будет древнее неповторимое лицо нашего края, нашей республики.

Необходимо ускорить организацию работы по охране памятников и составлению Свода памятников истории и культуры. Этому будет способствовать кооперация усилий Академии наук, Министрства культуры, ООПИК Казахской ССР и членов Общества.

С. АКАТАЕВ, кандидат исторических наук

Среди 25 тысяч исторических и культурных памятников Казахстана, охраняемых государством, особо выделяется группа памятников, посвященных великому поэту-просветителю Абаю Кунанбаеву. В истории каждого народа есть имена, которые символизируют собой высшие достижения культуры. Для нас — это Абай. Все еще в большом долгу перед его памятью монументалисты Казахстана и Общество охраны памятников республики. Памятники Абаю имеются в Семипалатинске, на родине поэта — в Абаевском районе и в Алма-Ате. По-моему, памятник, что у Дворца имени Ленина, не вписывается в созданный архитектурный ансамбль.

Без должного внимания остались широко известные народу абаевские места: населенные пункты и объекты природы, связанные с творчеством, биографией и общественной деятельностью Абая. К празднованию 150-летия поэта их следует включить в комплекс абаевского мемориала.

Особую тревогу вызывает художественная ценность имеющихся памятников.

Место захоронения поэта и его любимого брата Оспана в Жидебае покрыто железобетоном, над которым возвышается десятиметровый шпиль, облепленный квадратными плитами. Могила огорожена цепями. Все вместе напоминает обелиск павшим морякам.

Памятник — символ определенной идеи. Что же выражают цепи и квадраты обелиска, стоящего над могилой поэта и философа? Разве, что цепью запутывали ноги скакунам и руки батырам. Спрашивается, почему в качестве выразительных средств использованы именно эти нетрадиционные формы. Какие эстетические принципы легли в основу сооружения памятника поэту?

Как активист Общества, я обращаюсь к сидящим в зале членам Союза художников Казахстана. Товарищи монументалисты! Стройте, где угодно и сколько угодно: земли в Казахстане хватит, но пощадите же место площадью всего 2×2 м: это же святыня!

Есть в истории понятие аутентичности источника. Жидебай и есть почти единственный памятник, передающий запах абасвских стихов, родник, вспоивший титана казахской общественной мысли, «Кааба» казахских поэтов и поэзии. По-моему, всю зону Жидебая надо объявить историко-культурным заповедником.

В то же время следует позаботиться об открытии мемориала Абаю в Алма-Ате к 150-летию со дня рождения, которое будет отмечаться 14 июля 1995 г.

А. К. АБИЛЕВ, зав. кафедрой Карагандипского университета, руководитель археолого-этнографической экспедиции

Благодаря кропотливой работе энтузиастов-активистов, специалистов и ученых на территории нашей области выявлено 608 памятников истории и культуры. Закончена паспортизация памятников архитектуры и искусства, завершается паспортизация памятников археологии. На средства ООПИК у нас организованы комплексная археолого-этнографическая и историко-этнографическая экспедиции. Пятый сезон занимается охраняемыми раскопками специализированный научный студенческий строительный отряд «Краевед». Немало находок на его счету. Все они экспонируются в музее археологии и этнографии университета. В этом году (1986) совместно с институтом Казпроектреставрации создан аналогичный отряд «Эврика», который будет вести раскопки средневекового дворца Кзыл-Кент.

Памятники археологии — это национальное богатство, гордость, свидетельство древней культуры нашего народа. Поэтому их охрана — святая обязанность. Мне думается, настало время сектору археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР взять в свои руки координацию и контроль за ведением раскопок в республике. Необходимо строго учитывать выдачу Открытого листа. В Казахстане нет единого координационного центра по изучению и охране всех памятников. Опыт некоторых союзных республик убеждает в необходимости такого органа.

Надо усилить работу по разъяснению законов СССР и Казахской ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В эту работу более активно должны включаться телевидение, радио и печать. В нашем университете на историческом факультете читается курс «Охрана исторических памятников». Такой курс введен на спецотделении филологического факультета. Ежегодно выпускаем 20—25 специалистов, имеющих знания по данному вопросу. В связи с перестройкой высшей школы следовало бы включить этот спецкурс в учебные планы гуманитарных факультетов, что будет помогать в воспитании новой коммунистической личности.

М. Ж. ХАСАНАЕВ, директор Центрального государственного архива Казахской ССР

Перед научной общественностью стоит задача — выделить круг объектов, относящихся к документальным памятникам. Для этого необходимо выяснить, чем они отличаются от документальных исторических источников и архивных документов. До сих пор этот вопрос не ясен.

В соответствии с законом санкцию на сбор текстовых, нотных и звуковых записей фольклора дает Главное архивное управление при Совете Министров Казахской ССР с последующим их учетом и передачей на государственное хранение. Между тем много записей фольклора оседает у частных лиц.

Ценностные установки общественного сознания могли быть более конкретными и действенными, если бы Казахское ООПИК взяло эту работу под свой контроль. Однако у нас в республике даже не ставится вопрос о составлении Свода документальных памятников. Началом этой важной работы могли бы стать перечни особо ценных документов. Вызывает тревогу и состояние их сохранности. Слабая материальная база архивов не позволяет ее улучшить. Для решения этих задач необходима планомерная и согласованная деятельность архивов, музеев и библиотек. Она будет способствовать приобщению широких слоев населения к богатствам культуры, пониманию ими важности охраны памятников.

У. К. ДЖАЛИЛОВ, начальник управления охраны памятников Министерства культуры Казахской ССР

В отчетном докладе и выступлениях делегатов прозвучало немало критических замечаний в адрес Министерства культуры Казахской ССР, института Казпроектреставрация и объединения Казреставрация. Во многом они справедливы. Над улучшением деятельности проектно-реставрационных организаций мы рабо-

таем и будем работать. Вместе с тем хотелось бы ответить на некоторые критические замечания. Главный редактор журнала «Билим жане енбек» т. Сейдимбеков поставил под сомнение правильность выбора институтом Казпроектреставрация направления работ. Мы же считаем разработку историко-архитектурных опорных планов охраны развивающихся исторических городов самой актуальной задачей, так как интенсивная урбанизация, неучтенность памятников способствовали утрате многих из них.

Работа, проделанная институтом, обсуждалась на республиканских, региональных и союзных научно-практических конференциях, а также Госстроем Казахской ССР и Гражданстроем СССР и получила одобрение. В январе 1982 г. Совет Министров Казахской ССР подтвердил постановлением необходимость таких работ. Тов. Сейдимбеков показал свою неосведомленность, утверждая, что проекты обсуждаются только в стенах института. Проекты Казпроектреставрации регулярно рассматриваются республиканским научно-методическим советом по охране памятников, в состав которого входят ведущие ученые и специалисты Академии наук, Госстроя, Минвуза, Минпромстройматериалов, а также Общества охраны памятников истории и культуры республики. Проблемы восстановления памятников союзной категории охраны обсуждаются на научно-методическом совете по охране памятников Министерства культуры СССР.

Мы хотели бы также поставить в известность делегатов съезда о том, что решение о переносе здания церкви, находящейся в п. Спасском Балкашинского района, в г. Атбасар было принято в 1979 г. Целиноградским облисполкомом без участия института Казпроектреставрация. Институт к этому делу был подключен лишь в 1984 г. Но разработанный им проект воссоздания церкви уже второй год лежит без движения в Атбасарском горисполкоме.

Г. М. ЧЕРНИКОВА, зам. зав. Талды-Курганского облоно, член президиума областного совета ООПИК

На территории нашей области выявлено и взято на учет 640 памятников, в том числе археологии — 410, истории — 45, монументального искусства — 181, архитектуры — 4. Из них 66 взяты под государственную охрану.

Огромную работу ведет областной совет ООПИК по охране, благоустройству и пропаганде памятников истории и культуры. Особенно активизировалась работа членов Общества в период подготовки к 40-летию Победы. По-особому прозвучали слова «Никто не забыт — ничто не забыто». Только в 1985 г. установлены 22 обелиска в честь героев Великой Отечественной войны. Активно помогали в этом школьники. Школьные организации Общества ведут работу в двух направлениях. Одно — изучение истории

родного края, второе — охрана и уход за памятниками. Большинство из них нуждается в значительном ремонте или реконструкции. По возможности мы стараемся поддерживать памятники в хорошем состоянии.

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ IV СЪЕЗДА КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА ОПИК

Всемерно содействовать государственным органам в выявлении, сохранении и широком использовании в целях коммунистического воспитания трудящихся памятников и памятных мест, пропагандировать среди населения знания о памятниках культуры и воспитывать на этой основе любовь к Родине, ее истории, уважение к труду и таланту народа, привлекать общественность к непосредственной работе по охране и пропаганде памятников, повышать роль Общества как массовой патриотической организации.

Памятник Алиби Джангильдину в Алма-Ате. *Скульптор Т. Досмагамбетов, архитектор Ш. Валиханов.*

Мемориальный комплекс борцам за Советскую власть на Октябрьской площади г. Петропавловска.

Петропавловск. Здание, в котором размещался в ноябре 1919 г. штаб 5-й Красной Армии под командованием М. Н. Тухачевского. Справа — мемориальная доска на этом здании.

Номера Грязнова в г. Верном, слева — дом Суших, в котором находилось Управление Особоуполномоченного Туркфронта по Семиреченской области. В 1920 г. в нем жил и работал Д. А. Фурманов. Здания снесены в 1984 г.

Памятник на братской могиле усть-каменогорских совдеповцев, погибших от рук колчаковцев в 1919 г.

Памятник юной революционерке Насте Прокопичевой в Петропавловске.

Здание бывшего Народного дома в Усть-Каменогорске. В марте 1918 г. здесь была провозглашена Советская власть.

Здание бывшего кинотеатра «Эхо» в Усть-Каменогорске, где в 1918 г. находился штаб красновардейского отряда. Ныне — кинотеатр «Октябрь».

Здесь проезжал Ленин

— Действительно ли Ленин проезжал в сибирскую ссылку через Петропавловск? — недавно спросил нас один из ответственных работников. И еще раз пришлось объяснять:

— Да, это достоверно. Из Челябинска он не мог ехать в Красноярск через Тюмень. Это бы только продлило дорожные мытарства, усложнило всю поездку и без того нелегкую в ту пору.

Речь шла о том, чтобы по примеру новосибирцев и красноярцев установить в память об этом знаменательном событии на здании старого железнодорожного вокзала ст. Петропавловск мемориальную доску.

— Когда Ильич проезжал Петропавловск? Можете ли назвать точную дату?

— Видимо, в конце февраля 1897 года по старому стилю.

Слово «видимо» собеседника не удовлетворило.

— Но исследователи не располагают документами, которые позволили бы назвать время в часах и минутах. Безусловно, хотелось бы знать точные данные прибытия и отправления того поезда с великим пассажиром.

Ни расписание движения поездов, ни предположения и догадки историков пока не помогли точно установить час пребывания Ленина на станционных путях Петропавловска. Гипотез высказывалось немало.

В биографической хронике Владимира Ильича Ленина говорится, что Владимир Ильич в сопровождении родственников выехал из Москвы в Сибирь в 14 часов 30 минут 23 февраля 1897 г. (по старому стилю)¹. Но сибирские исследователи (Б. В. Яковлев, Н. Малеванов и др.) утверждают, что отъезд Ленина состоялся в 23 часа 30 минут 22 февраля. Разница немалая — 15 часов. Для железнодорожного движения это много. Как же уточнить день и час проезда Владимира Ильича через Петропавловск? Тем более, что от Москвы до ст. Кривощечково (ныне часть Новосибирска) Ленину пришлось сделать две пересадки, сменить три поезда, четыре вагона.

Убедительно утверждение Н. Малеванова в статье «На пути в Шушенское» («Сибирские огни», 1972, № 4). Он ведет отсчет времени проезда В. И. Ленина через сибирские станции не от Москвы, а от его остановки в Кривощечково. Выясняется, что Ленин проехал Петропавловск утром 28 февраля (или 12 марта по нов. стилю) почтово-пассажирским поездом № 4 Челябинск — Кривощечково.

Некоторые документы, связанные с поездкой В. И. Ленина в Сибирь, не найдены. Известно, что с дороги Владимир Ильич отправил три письма М. И. Ульяновой. Сегодня из них опубликовано только одно — последнее, посланное 2 марта со станции Обь (Новосибирск). Возможно, в первых, не разысканных, он и описал часть своего пути в ссылке. Однако, по нашему мнению, они не могли содержать впечатлений Ленина о здешних местах, поскольку были отправлены им еще до прибытия в Самару (ныне Куйбышев) и Челябинск. Опубликованное (третье) письмо с дороги нам дорого и важно тем, что в нем описан, хотя и бегло, именно наш край. «Несмотря на дьявольскую медленность передвижения, я утомлен дорогой несравненно меньше, чем ожидал, — писал Владимир Ильич. — Можно сказать даже, что вовсе почти не утомлен. Это мне самому странно...»².

Дорога была, конечно, не легкой. Владимир Ильич всегда чутко и бережно относился к матери и в некоторой мере преуменьшал путевые невзгоды, чтобы излишне не огорчать мать, и без того переживавшую за тяжелую участь детей-революционеров.

Далее В. И. Ленин описывает окрестности дороги от Челябинска до Оби. «...Голоая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редки деревни, изредка лес, а то все степь»³.

— Нет, нет. Это не о наших местах! Это, видимо, о Барабинской степи! — часто слышим мы при разговоре об этом письме Ленина.

¹ Владимир Ильич Ленин. Биография. М., 1981, с. 51.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 22—23.

³ Там же, с. 23.

— Может, и о Барабинской. Но и о стенах Северо-Казахстанской, Курганской, Омской областей — тоже.

Нельзя забывать, что этот огромный край сто лет назад был населен чрезвычайно редко. От Кургана — небольшого в ту пору поселения — до Петропавловска имелось два-три селения, от Петропавловска до Омска — одно, Исилькульское, которое представляло собой десяток полуземлянок на болоте. Вот и все на 600 верст дороги. И покатил утлый паровозик мимо редких деревень, что же оставалось на безбрежном горизонте? «Снег и небо — и так в течение всех трех дней»¹.

Один из авторов, богатый воображением, писал без каких-либо доказательств, что Ленин пробыл в Петропавловске несколько часов и увидел здесь неприглядную картину бедности и нищеты. Но обратимся к источникам, хотя бы к «Указателю железнодорожных сообщений» за 1896 г. Почтово-пассажирские поезда, как указывается в нем, останавливались на ст. Петропавловск на 20 или 26 минут. Самая длительная стоянка была у товарно-почтового поезда № 12—1 час 13 минут. Но В. И. Ленин ехал в вагоне 1-го класса, а в этом составе таких вагонов не было.

Можно предположить, что пассажиры выходили из вагонов во время стоянки поезда, могли воспользоваться местным кипятком и даже позавтракать. Ведь это было утро. Среди них мог быть и Владимир Ильич. Но если вооружиться документами, то выясняется, что картина перед глазами пассажиров была менее приглядной. Станция Петропавловск, имевшая в ту пору четыре пути, мало чем отличалась от современного небольшого развезда. Причем регулярное движение на участке Челябинск — Обь началось только за пять месяцев до проезда Ленина. К тому же прошло немногим более двух лет с тех пор, как пришел сюда первый поезд — маленький паровозик с четырьмя вагонами, и полтора года, как был построен железнодорожный мост через Ишим. На станции повсюду оставались следы незавершенного строительства: кучи мусора и прочего хлама. Перед вагонами — площадка с утрамбованным песком, слева — деревянная будка с надписью «кипяток», прямо — пассажирское помещение, а справа — строящиеся мастерские и паровозное депо. За всем этим станционным хозяйством и прилинейными службами располагалось чуть более десятка домиков и три-четыре временных барака рабочих. В противоположной стороне, где ныне улицы рабочего поселка, из-под снега торчали метелки камыша. А дальше на юг «...снег и небо», говоря словами Владимира Ильича.

Сам город пассажиры видеть не могли. Он находился в трех верстах от станции. Глухой окраиной была улица Новомечетная — современная улица Мира. За ней в сторону станции, на болотистых берегах трех озер, только-только появились редкие домишки городских обывателей и кустарные хлебпекарни. В рай-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 23.

оне нынешнего универмага до стадиона «Локомотив» рос реденький березовый колок. На пустыре от мясокомбината до колхозного рынка — тоже чахлый березовый лесок, изрядно вырубленный строителями дороги, и большое, заросшее камышом и кочкарником озеро.

Город соединился со станционным поселком только в 1912 г. и то одной улицей, а слился с железнодорожным поселком лишь в первое десятилетие Советской власти.

Современный залинейный рабочий поселок появился в виде десятка полужемлянок в 1919 г., т. е. через двадцать с лишним лет после проезда В. И. Ленина.

— Пусть все так. Но леса! Наша область скорее лесная. Какая же тут «голая степь»?! — часто высказывают удивление.

Обратимся за ответом к таким источникам, как «Очерк гидротехнических работ в районе Сибирской железной дороги», опубликованный в 1907 г. В нем сказано: «Сплошных лесных пространств в Петропавловском уезде нет. Леса на больших или малых площадях в виде „колоков“, т. е. острового характера».

Заглянем еще в научный труд «Гидрологические исследования и разведывательные работы по линии Сибирской железной дороги», изданный в Петербурге через год после отъезда В. И. Ленина в Сибирь. «В общем местность между Челябинском, Тоболом и Ишимом представляет степь...», — говорится в нем. И еще: «...На расстоянии 164 версты к востоку от Петропавловска перелески и кустарники составляют от 7 (на восток), до 15 (на запад) процентов линейного протяжения». Оказывается, и в ту пору напа сторона была не богата лесами.

В печати часто говорят о поездке Ленина в Сибирь, но редко о его возвращении в центр опять-таки через Петропавловск.

Он ехал из ссылки вместе с Надеждой Константиновной и ее матерью на Уфу той же дорогой в феврале 1900 г. Если и на этот раз поезд проходил через Петропавловск в дневное время, то на остановке Владимир Ильич и Надежда Константиновна не увидели ничего нового. За три года город существенно не вырос, не разрослись и леса. За окном вагона та же картина — снег и небо.

В «Указателе железнодорожных, пароходных и плавных пассажирских сообщений» за 1900—1902 гг. отмечается, что пассажирские поезда проходили через Петропавловск ночью. В среднем в сутки через местную станцию по однопутке продвигались три с половиной пары грузовых и пассажирских поездов. Это была предельная пропускная способность станции.

Словом, оснований достаточно, чтобы по примеру Новосибирска и Красноярска, установить на старом здании вокзала Петропавловска мемориальную доску в память о проезде Ленина через Северный Казахстан.

В. ПРОСКУРИН, член Союза журналистов СССР

О памятных местах Алма-Аты в романе «Мятеж»

С волнением ждал Д. А. Фурманов встречи с городом Верным. «Много кружили мы за гражданскую войну, — писал он в романе «Мятеж», — по Уралу, по самарским степям, по уфимским горам... и все эти центры: Урал, Самара, Уфа — это целые полосы жизни. Каждая имеет свою особую печать, свое лицо. А ты, новый наш незнакомец, какое будешь иметь лицо? Как развернется здесь наша работа?»

И далее: «Мы верим, что расправим здесь крылья, размахнемся в плодотворной творческой работе. Так, здравствуй новый труд на новой ниве! Мы любим тебя в новой обстановке, в любых условиях. И всегда готовы отдать тебе всеми знаниями, всем накопленным опытом жизни, всем пылом молодости, всей горячей верою в нашу победу, в нашу неперемнную победу!»

По улицам Верного тянулись одна за другой повозки с ранеными красноармейцами, маршевые роты Семиреченского, теперь уже бывшего, фронта.

Еще в феврале 1920 г. М. В. Фрунзе разработал план ликвидации остатков белогвардейских банд и обратился к населению Семиреченской области с призывом усилить борьбу, чтобы изгнать врага из родных мест. Вскоре Сергиопольская группа Красной Армии заняла Урджар. Одновременно перешли в наступление части Северного Семиреченского фронта, сведенные в 3-ю Туркестанскую стрелковую дивизию. 29 марта 1920 г. они заняли город Капал. Атаман Анненков, позорно бросив свои части, ушел за кордон. Началось освобождение населенных пунктов.

Политотдел при Реввоенсовете Семиреченского фронта Ленинского направления сообщал в Ташкент: «...Гражданская война в Туркестанском крае, как и по всей территории России, заканчивается полной победой трудящихся. Первое, силы на экономический фронт, на борьбу с разрухой, на восстановление железных дорог, фабрик, заводов, мастерских. Мы пойдем на этот фронт с тем же оружием, с теми же средствами, с какими шли и победили белогвардейщину. Централизация, дисциплина, неслыханное самопожертвование — этим оружием мы одержим столь же блестящую победу».

Ликвидация фронта дала возможность семиречкам перейти к мирному труду, партийным и советским органам больше уделять внимания вопросам хозяйственного, культурного и советского строительства. В середине марта 1920 г. Реввоенсовет Туркфронта направил в Семиречье большую группу ответственных работников во главе с комиссаром Д. А. Фурмановым. По прибытии группа развернула энергичную деятельность по реорганизации и

укреплению органов Советской власти, по налаживанию экономической и общественной жизни области.

* * *

«А вот и Каскелен — последняя станция перед Верным, — пишет в романе «Мятеж» Фурманов. — Скорей, скорей!.. Мы катим по шоссе. Нервно чаем. Ожидаем, как он покажется, Верный. И где-то вдруг вдалеке мелькнули церковные купола и кресты, потом стали видны окраины города, вырисовывались отдельные домики».

Почтовые тройки резко сворачивают на тепистую, густо засаженную карагачом улицу. Из конца улицы быстро надвигается знаменитый Туркестанский собор, а за ним — громада Зайлийского хребта.

Дмитрий Андреевич жадно всматривается в лица прохожих, с интересом оглядывает добротню посаженные верненские дома и все расспрашивает молчаливого семиреченского извозчика. И неожиданно восклицает:

— Ну, здравствуй, Верный!..

Первая улица Алма-Аты, тогда еще города Верного, которая гостеприимно встретила Дмитрия Фурманова, была улица Пушкина. Она упирается в городской парк имени 28-ми гвардейцев-панфиловцев. Весной 1920 г. он назывался «Парк борцов, павших за свободу». Здесь 10 марта 1918 г. были преданы земле останки революционеров К. В. Овчарова и А. П. Березовского, а затем С. М. Журавлева, И. Е. Мамонтова, Л. П. Емелева и других героев революции и гражданской войны.

Тропинками парка спешил комиссар в различные учреждения и организации Верного, и особенно часто в те, что размещались на Советской улице. Здесь находился исполнительный орган области — Военно-революционный комитет. Первое знакомство с домом отмечено такими строками в романе: «Мы подкатили к ревкому: рослый стильный домина по главной улице (теперь проспект им. В. И. Ленина. — В. П.). Он на углу выпирает вперед, кидается в глаза. Еще и не зная, что это за дом, мы поняли, что он должен быть ревкомом».

История дома восходит к концу прошлого столетия, когда после страшного землетрясения 1887 г. Верный был полностью разрушен. На месте рухнувшего губернаторского дома построили новый. Однако без былого величия. Новое здание растянулось одноэтажной (достроен в 1936 г.) приземистой казармой вдоль главной улицы, тогда улицы Колпаковского. Решением Совета рабочих и солдатских депутатов от 3 мая 1917 г. бывшая канцелярия губернатора стала именоваться Домом Свободы. Здесь 5 марта 1918 г. была провозглашена Советская власть в Семиречье.

...Еще не так давно на фронтоне старинного дома по улице Октябрьской, 46 (тогда ул. 19-го февраля; к сожалению, дом снесен в 1984 г.) висела мемориальная доска, установленная к 60-летию со дня рождения писателя. Она рассказывала о том, что здесь в 20-х годах работал коммунист Дмитрий Андреевич Фурманов. В этом доме находилась канцелярия уполномоченного Реввоенсовета Туркфронта в Семиречье. 14 апреля 1920 г., сменив ушедшего в отпуск товарища, Фурманов вступил в должность и энергично принялся за работу. В книге дом назван кратко: «Управление уполномоченного». Отсюда на места ежедневно отправлялись приказы уполномоченного Советской власти, полные глубокого государственного и политического смысла.

В западном направлении улицы, на углу с улицей Сергипольской (ныне М. Тулебаева), находилась знаменитая в Верном гостиница «Европа» или попросту «грязновские номера», по фамилии владельца. Возможно, именно здесь останавливался Д. А. Фурманов. Однако распространено мнение, что он жил по другому адресу — в «белорусовских номерах» (в книге ошибочно «белоусовские»). С мая 1920 г. они получили новое название «Общежитие партийных и советских работников». На месте «номеров» теперь высится великолепная гостиница «Отрар».

Итак, мы на улице Гоголя. Это старейшая улица Алма-Аты. До 1909 г. она именовалась Штабной, так как на пересечении с улицей Первогильдийской (ныне ул. Пролетарская) размещался штаб войск Семиреченской области. На «Гоголевской перспективе» все было первым — первый городской кинотеатр «Иллюзион XX век» (сгорел в 1918 г.), первый газетный киоск «Юлдуз», первые гостиницы — номера Куватова — Белорусова, Прохорова, Налимова (они упоминаются в связи с приездом в Верный семьи Фрунзе), первая типо-литография Зыряновых. В 1920 г. по улице Гоголя впервые проехала карета скорой помощи. Еще вчера она принадлежала архиерею, а сегодня по постановлению облревкома была национализирована в пользу Семиреченского отдела народного здравоохранения.

Словом, улица Гоголя определяла лицо города.

Секретарь Фурманова Л. Отмар-Штейн вспоминала, что квартира Дмитрия Андреевича была открыта для каждого. Мог ли предположить владелец маленькой гостиницы, оказавшийся не у дел верненский прокурор К. П. Белорусов, что его сугубо коммунальное предприятие станет весной 1920-го средоточием огромной работы местных партийных и советских работников. «Зашумели здоровым шумом Белорусовские номера. Здесь заработала теперь какая-то новая машина, которой не было до приезда всей группы из Ташкента. И эта новая машинка своими зубьями, своими крючечками, своими колесиками скоро коснулась и зацепилась за все живые и крепкие места старой, издавна работавшей здесь

машины, — объединила с нею свои действия, взяла на себя какую-то невидимую, но значительную долю общей тяжести, разделила с нею нелегкое бремя, и день за днем — все глаже, все согласней, все легче и успешней развернулась совместная работа».

Писатель Фурманов, сравнивая механизм партийной работы с действиями ткацкого станка, не раз обращался на страницах «Мятежа» к далекому Иванову, который своими рабочими традициями и на расстоянии помогал Дмитрию Андреевичу в его деятельности на посту особоуполномоченного Реввоенсовета Туркфронта по Семиреченской области. И не случайно, что истоки романа «Мятеж» мы находим в очерках, статьях, воззваниях, обращениях, которые печатались Фурмановым в иваново-вознесенской газете «Рабочий край», а также в местной, семиреченской «Правде» в период работы комиссара в Верном.

Если пройти по улице Гоголя от улицы Карла Маркса к проспекту Коммунистическому и остановиться на месте, где стоял некогда дом Люкевича (теперь угол ул. Фрунзе), то мы окажемся, согласно страницам книги, у гарнизонной школы грамоты, организованной 5 апреля 1920 г. Д. А. Фурманов горячо поддерживал это начинание и рекомендовал партийным и советским работникам принять самое активное участие в работе школы, в овладении ими казахским языком. «...Нельзя работать без знания языка. Душу народа нам знать надо, а ведь только изучение казахского языка поможет нам в этом. Нам нужны подготовленные казахи, киргизы, уйгуры и дунгане. Весь смысл организации школы в этом», — писал Д. А. Фурманов.

Вверх от дома, где размещалась школа, в квадрате сегодняшних улиц Панфилова, Калинина, Гоголя и проспекта Коммунистического, узкой полосой располагались приземистые казармы, образуя к улице Калинина небольшую площадь — старый плац-парад. В мае 1920 г. Фурманов вместе с военкомом области Б. Шегабутдиновым, командиром дивизии И. П. Беловым здесь принимали по случаю окончания гражданской войны парады войск Верненского гарнизона, здесь же проходили демонстрации трудящихся города и военно-спортивные выступления. В 1927 г. площадь назвали Красной.

1 июня 1920 г. Фурманов присутствовал при открытии Первой трудовой школы, размещенной в здании бывшего городского училища, где некогда учились М. В. Фрунзе и наш замечательный земляк А. П. Березовский. Преподавательский состав городского училища примыкал к Верненской группе РСДРП. Здесь преподавал Г. Л. Вяткин, автор известных в России революционных песен и поэмы «Сказание о Ермаковском походе».

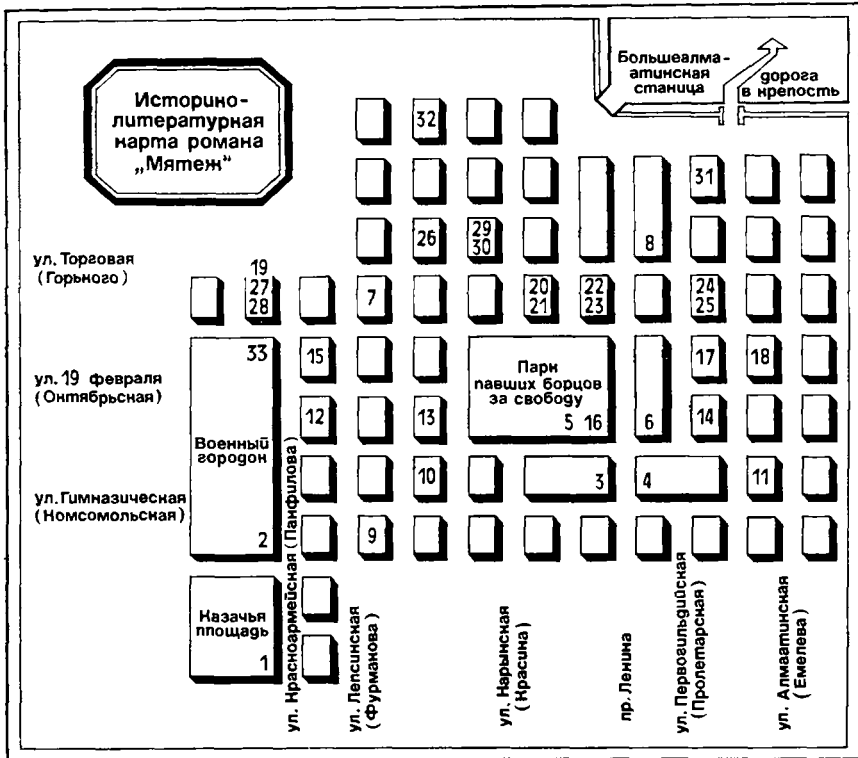
По делам службы Дмитрий Андреевич бывал в земельном отделе Военревкома, который располагался ниже, по улице Казначейской (ныне ул. 8-го Марта) в доме Браженцева. «...Надо было выяснить в земельном отделе, — пишет Фурманов, — что можно отсюда двинуть из инвентаря на помощь разоренным хозяйст-

вам;... точно выяснить наличие хлеба в... районах... прикинуть места для ссыпных пунктов, куда можно было бы и хлеб свозить и семена на запашку...» При отделе, по инициативе Фурманова, были открыты агрономические курсы. Подготовка специалистов сельского хозяйства в те годы имела особое хозяйственное и политическое значение. Это прекрасно понимал и Фурманов и заведующий курсами Н. Н. Пальгов (географ, позднее академик АН Казахской ССР). Группа командированных в сельскую местность курсантов развернула работу на селе, организовала революционные комитеты, партийные ячейки, кружки молодежи.

Роман «Мятеж» подсказывает еще несколько адресов, где неоднократно бывал комиссар.

В доме, стоявшем на пересечении улиц Гоголя и Ленина с 15 мая 1920 г. размещалась рота 1-го стрелкового мусульманского батальона имени III Коммунистического Интернационала. Фурманов отмечает в романе, что «в этом батальоне семьсот пятьдесят — восемьсот стрелков. При умелом руководстве — это сила». В следующих строчках дается характеристика комбату Барню Шегабутдинову: «...Развивал невероятную энергию в работе, относился честно, серьезно, заботливо к каждому поручению, к любой очередной задаче — болел ее неудачами, радовался, как ребенок, ее успехам. И как товарищ — был один из милейших, один из сердечнейших, с которым приходилось сталкиваться когда-либо в жизни». Дмитрий Андреевич частенько забегал на квартиру Б. Шегабутдинова, который жил в доме Никифорова по улице Церковной (ныне пересечение улиц Фурманова и Маметовой). Любопытно, что, по некоторым архивным документам, улица Фурманова имела несколько названий: Лепсинская, Б. Шегабутдинова и 8-е июня — день образования в республику союза «Кошчи».

История вышеуказанного дома связана и с именем героя гражданской войны, красного летчика Семиречья Александра Шаврова, трагическая судьба которого описана в «Мятеже» и, к сожалению, почти забыта потомками. Незадолго до описываемых в романе событий в доме размещался фотографический павильон С. А. Лейбина. Сын фотографа, А. С. Лейбин, его внуки Павел и Борис известны своими работами по этнографии казахского народа, как их дед по семипалатинским снимкам Ф. М. Достоевского и Ч. Ч. Валиханова. По приезду Александра Шаврова в родной Верный П. А. Лейбин был прикомандирован к нему для фотографирования боевых участков Северного Семиреченского фронта. В какой-то мере павильон Лейбиных был первым предприятием по аэрофотосъемке города Верного и области. Найти бесценные фотографии, сделанные со старенького боевого «Сопвичка», — дело будущего. Подвигу Шаврова, его мужеству и стойкости посвящены лучшие страницы романа «Мятеж». К сожалению, дом Шаврова, стоявший на углу улиц Талгарской и Гоголя, спелен в 1983 г. Но память обязывает на этом месте что-либо установить.

1 — гарнизонный плац-парад; 2 — казармы; 3 — Дом просвещения, здесь же областная публичная библиотека и архив (ныне пр. Ленина, 15), 4 — Советская школа им. Ж. Н. Толстого и горком комсомола (ныне ул. Советская, 28); 5 — Дом Свободы, потом обком РКП(б) (ныне пр. Ленина, 12); 6 — Парк павших борцов за свободу; 7 — сад архиепископа; 8 — верхний рынок; 9 — Гостинодворская площадь; 10 — горком РКП(б); 11 — клуб РККА; 12 — дом Фидлера, Особый отдел РВС Туркфронта по Семиреченской области (ныне ул. 8-е Марта, 52); 13 — дом Суших. Управление особобполномоченного РВС Туркфронта по Семиреченской области и начальник гарнизона г. Верного (ныне ул. Октябрьская); 14 — дом архиепископа. Редакция газеты «Детский друг», филиал областной публичной библиотеки; 15 — дом Шахворостова. Реввоен трибунал Туркфронта по Семиреченской области (ныне ул. Фурманова, 90); 16 — партийный клуб; 17 — почта и телеграф (ныне ул. Пролетарская, 24); 18 — дом Бруслова. С апреля 1920 г. политотдел 3-й Туркестанской стрелковой дивизии (ныне ул. Октябрьская, 27); 19 — дом Лжевича. Гарнизонная школа грамоты; 20 — номера Белорукова. С мая 1920 г. общежитие советских служащих. Предположительно, Фурмановы жили в комнате № 10; 21 — Советский театр (ныне ул. Пуш-

кина, 63); 22 — дом Харина. Штаб 2-й отдельной Казахской кавалерийской бригады; 23 — дом Шарфа. Рота 1-го стрелкового мусульманского батальона им. III Коммунистического Интернационала; 24 — городское училище, 1-я трудовая школа (ныне ул. Гоголя, 37); 25 — дом Бражницова. Земотдел облревкома, агрономические курсы; 26 — магазин Михайлова и Малышева. Типография и редакция газеты «Правда» (орган обкома РКП(б) и облисполкома Семиреченской области; с мая 1920 г. — орган политотдела 3-й Туркестанской стрелковой дивизии); 27 — дом Алимбаева, 2-я отдельная Казахская кавалерийская бригада и ее политотдел; 28 — дом Сейдалина. Облмусбуро. Редакция газеты «Учкун» и отдел печати облревкома (ныне ул. Панфилова, 99); 29 — Торговый дом Габдуллаева. Место сдачи оружия мятежниками (ныне ул. Горького, 63); 30 — дом Мурова. Штаб 3-й Туркестанской стрелковой дивизии. Средоточие советских учреждений и организаций во время мятежа. Здесь была выработана программа ликвидации мятежа (ныне ул. Красина, 43); 31 — Переселенческое управление, 1-я школа партийных и советских работников им. К. Либкнехта; 32 — дом Ходжаева, Конспиративная квартира Д. А. Фурманова (ныне ул. Пастера, 61, территория филиала № 1 объединения «Джетысу»); 33 — облвоенкомат.

* * *

Рядом с Домом Свободы располагался некогда мужской пансион гимназии, а в 20-е годы — Дом просвещения. Областной публичной библиотекой и архивом заведовал энтузиаст И. Л. Брызгалов. С ним Фурманов неоднократно встречался в доме Бреусова (Октябрьская, 27), известного в Верном садовода. В этом же доме одно время размещался политотдел 3-й Туркестанской стрелковой дивизии. Брызгалов жил в доме Бреусова. К нему на квартиру приходили многие верненцы, в частности Э. О. Баум. И на квартире Брызгалова, и в библиотеке создавалась историческая канва будущего романа.

Фурманов видел в развитии библиотечного дела один из главных путей просвещения народа и всячески содействовал открытию культурно-просветительских и массовых организаций в Верном. Так, в бывшем архиерейском доме был создан детский отдел областной библиотеки. Здесь выпускался специальный журнал «Детский друг». Текст печатался на машинке, а нередко журнал редактировал сам Дмитрий Андреевич.

Фурманов был одним из зачинателей пионерского и комсомольского движения в Семиречье. При его поддержке в апреле 1920 г. был проведен первый областной съезд рабочей, крестьянской, мусульманской и красноармейской молодежи. Заседание состоялось на улице К. Маркса, в бывшем здании Коммерческого собрания, которое в 1920-м стало клубом РККА.

* * *

У верненских купцов было немало домов. На Гостинодворской площади, на пересечении улиц Первогильдийской и Гостинодворской, особо выделялся один из домов Харина. На этом месте теперь проходная кондитерской фабрики. Трудно себе представить, что в 1920 г. здесь располагались первые пролетарские учреждения города, в которых проходили полные тревоги и неизвестности июньские переговоры и совещания с мятежниками. Последнее приходило в доме, где размещался штаб 2-й отдельной Киргизской (Казахской) кавалерийской бригады на углу улиц Горького и Пушкина — тоже в доме Харина.

До 1917 г. верхний этаж этого купеческого особняка занимал известный в Верном ресторан «Париж», а нижний — переселенческое управление. Из каких только российских губерний не приходили сюда, к парадному подъезду, обездоленные, лапотные крестьяне в поисках земли обетованной. В годы становления Советской власти комнаты просторного дома по улице Первогильдийской заполнили опаленные фронтами рабочие и солдаты, слушатели 1-й Верненской школы советской и партийной работы. В протоколе заседания военного совета 3-й Туркестанской дивизии от 23 июля 1920 г. сказано: «Партийная школа имени

К. Либкнехта доказала в трудные минуты мятежа 12—19 июня свою сознательность и революционную стойкость. Военный совет 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, выражая свою пролетарскую благодарность партийной школе в целом, постановил наградить ее самым ценным для пролетариата подарком — Красным знаменем».

В бывшем доме Харина размещались и кавалерийские курсы красных командиров. Активное участие в укомплектовании курсов приняли комсомольцы Семиречья. В апреле 1920 г. первый областной съезд РКСМ (мы упоминали уже о доме, в котором он состоялся) в резолюции о работе комсомола в Красной Армии записал: «Отдавать лучшие свои силы в поддержку Красной Армии, посылая членов (союзов) на командные и политические курсы...». Молодежь откликнулась на призыв партии и комсомола.

Заслуживают внимания и другие дома, окружавшие Гостинодворскую площадь. Так, в доме Иванова, который стоял на углу улиц Станичной и Ленина (ныне Слободской и Ильича), размещался облвоенкомат. Здесь работал отдел по формированию красных мусульманских частей под руководством военного комиссара области Б. Шегабутдинова. Огромная политико-просветительская работа, которую вели «ташкентцы» во главе с Фурмановым среди широких масс трудящихся, приобщала население к социалистическому строительству, разъясняла, что с оружием в руках надо защищать завоевания Октября. По инициативе мусульманского отдела облвоенкомата еще в конце 1919 г. в Семиречье начали формировать Казахский кавалерийский полк, а в январе 1920 — отдельную Киргизскую (Казахскую) конную бригаду.

Сама Гостинодворская площадь, отведенная в 20-х годах под плац-парад, стала называться площадью Кавкомкурсов. Пройдут месяцы и во время коммунистического субботника на площади при разборке ветхих «гостинных рядов» из-за нелепой случайности погибнут красноармейцы, среди них боевой командир латыш А. Эглит. Похоронили их в братской могиле в парке, где сегодня в память героических дел горит пламя Вечного огня. Площадь после торжественных похорон стали величать именем Эглита.

Здесь же вскоре состоялся парад пионеров Алма-Аты. Чекая шаг, под звуки горна и барабана юные ленинцы исполнили собственный гимн, переложенный на мотив «Интернационала»:

Мы полны веры в наше дело,
Хоть малыши, но все вперед!
Идем мы неуклонно, смело —
Нас жизнь к коммуне приведет.

Вместе с шефами Кавкомкурсов площадь дружно подхватила гимн:

Пионеров отряды,
Выше знамя держи.
К свету знаний, к науке
Нам путь ты укажи.

В тот день созвучно светлому ребячьему празднику были изменены названия прилегающих улиц: Первогильдийская стала Комсомольской (с 1927 г. Пролетарская), Гостинодворская — имени Юных Коммунаров.

Рассказ наш о рыночной площади будет неполным, если не добавить, что в те дни здесь устраивались народные гулянья. Игры смеялись катанием на единственном в городе автомобиле вокруг площади, качелями, каруселями, «гигантскими шагами», кегельбаном. В цирке-шапито под руководством «человека-мячика» Сосина исполнялись полные революционной патетики представления «Колчак в ловушке — смех до слез», репризы и куплеты артистов цирка про Юденича, Деникина, Анненкова и др. Сосин, в последние годы артист Ленинградского цирка, вспоминал, что однажды во время одной из демонстраций на площади перед цирком дрессированные слоны, не выдержав бурной реакции толпы, вырвали столбы, к которым были привязаны, и разбежались по городу.

* * *

«Художником революции» назвал Фурманова один из крупнейших советских писателей А. С. Серафимович. Он писал о новаторском и художественном значении «Мятежа». Дмитрий Андреевич читал главы из романа у него на квартире. После встречи Александр Серафимович сам прочел книгу и впоследствии признался: «Я читал всю ночь напролет, не в силах оторваться, перечитывал отдельные куски, потом долго ходил, потом опять перечитывал. И я не знал, хорошо это написано или плохо, потому что не было передо мной книги, не было комнаты, — я был в Туркестане, среди его степей, среди его гор, среди населения, типов, обычаев, лиц; среди удивительной революционной работы...»

4 апреля — 26 июня 1920 г. — это верненский период жизни писателя и большевика-ленинца, комиссара знаменитой Чапаевской дивизии Дмитрия Фурманова (1891—1925 гг.). Имея за плечами богатейшие наблюдения революционного борца, политического работника, Фурманов принес в советскую литературу горячее ощущение романтики и героики тех дней, когда рушился старый мир и в жестоких схватках возникал новый, дотоле неведомый. Романы, повести, очерки писателя тесно связаны с его деятельностью и жизнью. Пример тому — роман «Мятеж», где с большой силой раскрыта тема партии, пролетарского гуманизма. Казахстанскому читателю «Мятеж» дорог еще и тем, что стал первым романом об Алма-Ате. На историко-литературной карте романа угадывается 33 городских адреса, по которым автор ведет читателя. Что ни страница, то новая улица, что ни строка, то знакомый дом или ажурное верненское крыльцо. Правда, современному читателю прежде, чем отправиться в путь по страницам книги, предстоит кропотливая работа в архивах, библиотеках, му-

зях. Отчасти так началось и мое знакомство с фурмановским романом, дневником, путеводителем в прошлое Алма-Аты.

Прочитать «Мятеж» — значит по-новому перелистать памятные страницы истории ныне орденоносной столицы республики.

А. ИЗОТОВ, член Союза журналистов СССР

Почин прекрасный!

Так определил В. И. Ленин коммунистическое движение трудящихся, стихийно выплеснувшееся сразу же после Великой Октябрьской революции. Тогдашнему парком земледелия Ленин писал: «г. Коллегаев! Помогите, пожалуйста, подателям советом и указаниями (1-ое Росс. общество землеробов-коммунистов) насчет того, как и где достать земли. Почин прекрасный, поддержите его всячески»¹.

Питерские коммуны явились частью революционного творчества масс, ответом на призыв Ленина двинуться на окраины страны, чтобы закрепить завоевания пролетарской революции.

Коммуны Порохового, Путиловского, Обуховского, Семяниковского, Балтийского и других петроградских заводов были не только зачинателями «обработки земли на коммунистических и братских началах», как записано в их уставах, но и боевыми отрядами в борьбе с контрреволюцией на окраинах страны. «История обуховской и семяниковской коммун на Алтае,— отмечала Н. К. Крупская,— одна из ярчайших страниц героической борьбы пролетариата за новый уклад жизни на селе... Без таких начинаний, без инициативы масс не могла бы разгореться во всю пролетарская революция».

Значение коммун этим не исчерпывалось. Первые коммуны — это пионеры непосредственного перехода земледельцев к социалистическому строительству путем производственного кооперирования крестьянских хозяйств.

Главной задачей они считали воспитание нового человека — коллективиста, сознательного строителя социалистического общества. Коммуны рабочих стали ярким подтверждением того, что личная свобода возможна лишь в органической связи со свободой коллектива. «Коммуна,— отмечалось в уставе коммуны «Солнечная»,— содействует самостоятельному развитию производительных и творческих сил человека, его познаниям, просвещению, организации воспитания и образования детей и вообще стремится удов-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 38.

летворить все духовные, научные, художественные, музыкальные, эстетические и физические потребности... Для этого коммуна организует интенсивное сельское хозяйство с расчетом получения наивысшего процента продуктов потребления... пользуясь всеми техническими усовершенствованиями труда, соединяя в одно целое добывающее производство с обрабатывающим, применяя все научные методы».

Устав Путиловской коммуны «Наш путь» во многом совпадает с уставом «Солнечной». Эти уставы в 1919 г. Наркомзем положил в основу «Нормального устава производственных коммун». В нем говорилось, что «коммуна является прообразом истинного братства трудящихся», что «труд должен учитываться как количественно, так и качественно».

Коммуны в то время оказались маленькими островками среди огромного моря мелких крестьянских хозяйств. Это островное положение возложило на них историческую миссию быть маяками социалистической культуры, пропагандистами новых норм и приемов земледелия.

Документы свидетельствуют о пролетарской организованности и солидарности петроградских коммунаров. «Коммуны,— сказано в сводке Петроградского справочного бюро по переселению за 1918 г.,— явление новое, исключительно любопытное в бытовом отношении, крайне полезное для развития народного хозяйства в Сибири». В документе подчеркивалось, что коммуны состоят из стойких, выносливых и предприимчивых людей, спаянных общностью идей, с высокоразвитым творческим чувством, сознательно относящихся к трудному делу переселения. Далее в обзоре отмечалось, что «в коммунах нет места случайным, бесполезным элементам. Здесь все роли распределены, всякий человек на учете, приняты в расчет интеллигентные силы каждого». В коммуне, помимо рабочих, состояли агрономы, врачи, учителя и воспитатели.

В замечательной поэме «Первороссийск» о питерских коммунарах Ольга Берггольд писала:

Теперь Октябрь дает им власть и право
осуществить желание до конца —
И с новой силой за глухой заставой
мысль о коммуне вспыхнула в сердцах.

Первыми из Петрограда в январе 1918 г. выехали путиловцы, примерно около тысячи семейств. Большая часть остановилась в Омске, организовав там завод по изготовлению и ремонту сельскохозяйственных машин. Завод был любовно назван «внученком путиловца». Другая часть, примерно 150 семей, выгрузилась на станции Локоть и создала в семипалатинских степях коммуны «Наш путь» (ныне целинный совхоз «Коростелевский»). Ехавшие вместе с ними коммунары завода «Арсенал» осели в Барнауле, открыли там мастерские по ремонту сельхозмашин. «Первая

петроградская коммуна» проследовала в Минусинские степи, где некоторые из коммунаров раньше отбывали ссылку. В Алтайской губернии обосновалась одна московская сельхозкоммуна в количестве 640 человек (председатель Любомудров), а другая в количестве 600 человек (председатель Шиялев) — в Акмолинской области.

В начале марта на Алтай выехали Первое и Второе российские общества землеробов-коммунистов, чтобы, как говорилось в их песне, «жить трудовой коммуной, вместе жить пролетарской семьей». В конце марта покинула Петроград и коммуна «Солнечная». Все три встретились в Семипалатинске. Еще одна коммуна Третьего российского общества землеробов-коммунистов, возглавляемая металлистом Стегалиным, осталась в Оренбургских степях.

19 апреля 1918 г. Семипалатинский Совет вынес решение о выделении коммунарам земельных участков, предоставлении им на льготных условиях парохода и оказании денежной помощи. Любопытно, что за 9 месяцев до этого семипалатинский эсеро-меньшевицкий областной съезд крестьянских и казачьих депутатов записал: «Не допускать нового переселения в Семипалатинскую область впредь до выяснения земельных запасов, потребных для устройства местного русского и инородческого населения». Семипалатинцы встретили коммунаров восторженно. В лице петроградских рабочих они видели передовых борцов за новую жизнь. Об этом красноречиво говорит письмо семипалатинца А. М. Калинина, опубликованное в местной газете «Трудовое знамя». «И если мы, товарищи, сидящие у власти, не дадим поддержку коммунарам, — писал он, — то нет нам места на земле».

1 мая 1918 г. все три коммуны — Первое, Второе российские общества землеробов-коммунистов и «Солнечная» — погрузились на баржу, выделенную Семипалатинским Совдепом, и отбыли на Бухтарму. Казачья верхушка и зажиточные старожилы встретили питерцев враждебно. В то же время трудовое население, особенно переселенцы, отнеслись к ним по-братски.

«Люди труда, — рассказывают бывшие коммунары «Солнечной» К. Д. Дорофеев и П. М. Цыпленков, — были нашими желанными гостями. Иногда они приходили издалека, чтобы своими глазами посмотреть на нашу жизнь. А местные жители, как крестьянин Кудияр Перикатиполь и пастух Касым Жамантаев, вступили в нашу коммуну». Об этом рассказывает и Д. А. Зинченко, у которого квартировали коммунары и который бесплатно перевозил имущество коммуны «Солнечная» с пристани Гусиная в урочище Кокобаз.

Коммунары прибыли на Бухтарму, когда там, по существу, еще не было Советской власти. При их содействии состоялся первый съезд представителей края, который признал Советскую власть и избрал бухтарминский Совет народных комиссаров во главе с Л. Ф. Козьмодемьянским.

По примеру петроградских рабочих стали создавать коммуны и местные жители. Например, риддерским рабочим С. Д. Шишкиным была организована коммуна из местных горняков и убинских лесорубов. Возникли коммуны вблизи сел Новая Шульба и Убинское. Рождались коммуны и в других районах Казахстана. В том же 1918 г. возникла коммуна «Стень», которой руководил актюбинский большевик А. М. Заворитко (в 1931 г. он стал заместителем председателя ЦИК Казахстана). На примере петроградских коммунаров крестьяне молодой Советской республики убеждались в том, что рабочий класс не только беззаветный труженик, но и талантливый организатор, воспитатель, их опора и поддержка в борьбе за счастье земледельца.

Эсеры, меньшевики и анархисты пытались разлагать коммуны, клеветали на большевиков. Ожесточенной травле они подвергли председателя Первого российского общества землеробов-коммунистов А. Ф. Климкевича, о котором коммунары с любовью пели:

Наш Климкевич с соборья поехал,
Он Ленину все рассказал.
Сам Ильич начинанье одобрил,
Скоро-скоро вагоны нам дал.

Бухтарминские казаки неоднократно угрожал Климкевичу расправой. Поэтому, когда стало очевидным свержение Советской власти на Бухтарме, он перебрался в Барнаул, где вел подпольную работу.

Вынужден был скрываться от расправы эсеров и меньшевиков и большевик Г. Т. Поздняков. Если бы он этого не сделал, с ним поступили бы так же, как с руководителями Второго российского общества землеробов-коммунистов. Когда казаки налетели на эту коммуны, меньшевик И. Митрофанов указал место хранения оружия, дав повод казакам арестовать и посадить в Усть-Каменогорскую крепость руководителей коммуны Б. А. Петрова, А. Богданова и П. Махова. Двое последних бесследно исчезли в этом застенке.

Наиболее жестокому разгрому подверглись путиловская («Наш путь») и пороховская («Солнечная») коммуны. Семипалатинские и бухтарминские зажиточные казаки, локтевские кулаки растащили собственность коммун по кускам. Они заключили в семипалатинскую тюрьму друга М. И. Калинина, председателя Путиловской коммуны большевика с 1908 г. Г. С. Ивкина и с ним восемь человек. Три месяца эсеро-меньшевистские власти продержали их в тюрьме. Вырвавшись из контрреволюционных застенков, путиловцы направились в крупное переселенческое село Зимино и создали там подпольную организацию, которая подвела на Алтае знамя партизанского движения. Путиловцы стали костяком партизанской армии Е. М. Мамонтова. Г. С. Ивкин воз-

главл агитационный отдел, а М. К. Сизов — революционный трибунал.

Путиловец И. Светлов-Топтыгин подготовил в Славгороде восстание против эсеров-меньшевистского Временного сибирского правительства. Другой путиловец К. Буданов стал связным армии Мамоптова с подпольщиками Семипалатинска, Змеиногорска, Барнаула и Усть-Каменогорска.

В организации большевистского подполья в Семипалатинской губернии важную роль сыграли коммунары «Солнечной». Председатель совета коммуны В. В. Васильев и председатель ее правления Д. А. Александров были участниками штурма Зимнего, член правления А. К. Войцеховский, впоследствии погибший в борьбе с белобандитами в Каркаралинске, состоял в партии большевиков с 1910 г. и участвовал в революционном движении с 1905 г.

Видными большевиками были и другие коммунары. Так, В. В. Мей, например, являлся членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, А. А. Азаданов — хранителем подпольной библиотеки Пороховской группы РСДРП, после Февральской революции он избирался в состав Выборгского районного Совета, в 1917 г. работал помощником комиссара милиции Петрограда. А. Н. Мохов был участником первой русской революции, не раз подвергался арестам за революционную деятельность. Во взятии Зимнего дворца участвовал К. Д. Дорофеев.

Коммунаров «Солнечной» отличала боевитость и сплоченность. Это они 23 сентября 1919 г. организовали в деревнях Богатырево, Быково, Путинцево и в других селах на Бухтарме крупное восстание. Но силы оказались неравными. Белым удалось подавить выступление, погибло 37 повстанцев, в том числе и коммунар «Солнечной» Г. С. Гаврилов. Вместе с ним зарубили и местных крестьян: П. А. Матвеева, А. М. Трескина, К. А. Козлова, Ф. К. Выходцева и др.

Хотя восстание потопили в крови, палачи оставались в крайней растерянности. 24 сентября начальник бухтарминской колчаковской милиции получил телеграмму из Усть-Каменогорска, в которой сообщалось, что «движутся красные в количестве двух тысяч человек на Поперечную — Риддер — Усть-Каменогорск». 28 сентября начались аресты петроградских коммунаров. Одну партию в количестве 37 человек отправили в Змеиногорск, другую — 29 коммунаров — в Усть-Каменогорск. 1 октября у Старой Александровки всех расстреляли, распространив при этом версию о гибели коммунаров якобы при попытке к бегству.

Через пять месяцев после расправы палачи — атаман Злобин и Решетников — предстали перед советским судом и признались, что первыми открыли огонь по раздетым до нижнего белья коммунарам.

Незадолго до староалександровской трагедии под руководством урядника Щербакова и вахмистра Вишнякова, белоказачки арестовали более 170 курчумских подпольщиков, из них 45 рас-

стреляли, в том числе красного путиловца Василия Никифорова, присланного сюда для укрепления Советской власти.

Жестокою расправу учинили и над зайсанскими подпольщиками, их руководителем — петроградским коммунар-ом Андреем Лаптевым. В Семипалатинске колчаковцы убили коммунаров: Василия Блинова, одного из организаторов восстания в семипалатинской тюрьме, Ефима Георгиевича Бутусова и Франца Ракошина.

Жестокими репрессиями колчаковцы пытались заугать население, сломить его боевой дух и стремление к свободе. Однако своими действиями каратели только усиливали ненависть к себе широких слоев трудящихся, которые в лице петроградских рабочих видели своих вожakov, борцов за торжество идеалов Октября. Такими были путиловец Л. Лаврушко, большевик с 1912 г., возглавлявший революционный трибунал пемопайхинских повстанцев, коммунар-путиловец И. Е. Юрченко, большевик с 1914 г., руководивший васильевским партизанским отрядом, посланец Петрограда А. Фисун, командовавший новошуйбинским партизанским отрядом.

В Бухтарминской и Нарымской долинах подпольную работу возглавляли коммунары А. К. Войцеховский, Ф. Ф. Коптакевич *, Г. Т. Поздняков **, И. И. Иванов ***, К. Я. Михалкович и др.

Активно участвовали петроградские коммунары в подготовке и проведении восстания против колчаковцев и анненковцев в Семипалатинске. Н. Д. Некрасов, В. В. Мей, М. В. Стефановский и Н. Б. Александров руководили повстанческими отрядами. После восстановления Советской власти в Семипалатинске они направляли работу горкома партии.

Документы свидетельствуют об огромном авторитете петроградских коммунаров среди бедноты. Всюду, где они появлялись, возникали подпольные партийные организации. Ярким примером тому являются партийные ячейки, созданные коммунарами К. Я. Михалковичем и Ф. Ф. Коптакевичем в с. Никольское, А. К. Войцеховским и А. В. Азадановым — в с. Бородино, Г. С. Гавриловым, К. Д. Дорофеевым и А. В. Васильевым — в селах Богатыреве и Быкове.

* Ф. Ф. Коптакевич до и после Отечественной войны работал председателем Рубцовского горисполкома.

** Г. Т. Поздняков был растерзан белыми казаками в 1920 г.

*** И. И. Иванов после разгрома колчаковцев вступил в коммуну «Свет» в с. Богословском Семипалатинской губернии, с 1930 г. работал в Поволжье, за большие достижения в колхозном строительстве был награжден орденом Ленина.

«До встречи с петроградскими коммунарами,— писал герой гражданской войны на Бухтарме Василий Лицеванов,— я многое не понимал в революционных событиях. После встречи с ними я не хотел уже оставаться посторонним наблюдателем, захотелось самому строить новую жизнь».

С глубокой признательностью отзывался о питерских коммунарах А. М. Заворитко, председатель коммуны «Степь», а также организаторы алтайской коммуны «Майское утро», становлению которой помогал путиловец Г. С. Ивкин. Коммуна «Майское утро» сразу же после организации отказалась от уравнительного распределения продуктов труда и придавала большое значение политико-воспитательной работе с массами.

В борьбе за торжество Советской власти не остались в стороне и жены коммунаров. М. С. Мей, например, была хозяйкой конспиративной квартиры, где встречались семипалатинские подпольщики с известным партизанским вожаком В. И. Громовым, со связными из Бухтармы, Курчума и Зайсана.

Под влиянием петроградских коммунарок крестьянки с. Полтавка Бухтарминского уезда приняли решение: «...Мы, жены расстрелянных колчаковцами в 1919 г., решили организовать у себя ячейку сочувствующих рабочей коммунистической партии, стоящей на защите Советской власти, и сами, как работницы подпольной организации в 1918—1919 гг. при белом терроре, постановили произвести запись в ячейку РКП и обратиться в уездное бюро женщин РКП, чтобы выслали нам как Программу РКП, так и руководство для культпросвета, чтоб мы могли учиться и перевоспитывать наше молодое поколение».

И дети коммунаров были достойны своих отцов. В Восточном Казахстане хорошо помнят Дмитрия и Гурия Грибакиных, Дмитрия Лобзу — организаторов комсомола в Усть-Каменогорске, Зою Косинскую, отважно сражавшуюся с белыми бандами на Бухтарме, Александра Ворожко, активного организатора колхозов, а затем руководителя крупной МТС. До сих пор с благодарностью вспоминают в селах Парыгино и Снегирево коммунаров-комсомольцев К. Н. Гебеля, председателя парыгинского волкома, его жену Альму и брата Брунко, организаторов культпросветработы среди крестьян.

Не без влияния петроградских коммунаров 75-летний казак Илья Дмитриевич Путинцев решил поехать к Ленину, чтобы передать вождю поклон от жителей Сибири. Свидание его с вождем революции состоялось в середине 1920 г.

Судьбы коммунаров... Они ярки, полны подвигов. Например, К. Я. Михалкович. В январе 1920 г., сразу после изгнания колчаковцев, он был назначен заведующим отделом Бухтарминского ревкома. В марте создал коммуны «Алтай», причем на том же самом месте, где в 1918 г. была Обуховская коммуна.

Газета «Степная правда» 22 ноября 1922 г. рассказывала о подвиге С. М. Игнатьева. Сын петроградского рабочего и сам рабочий,

Игнатьев с первых дней революции встал на стражу интересов трудового народа, самоотверженно сражался на опасных фронтах гражданской войны. Погиб в 30 лет.

Потомки не забыли прометеев преобразования деревни на социалистический лад. В их честь в историко-краеведческих музеях оформлены стенды, на местах гибели коммунаров воздвигнуты обелиски. Величественно стоят они в Большенарымске и на Бухтарме в Восточно-Казахстанской области и в Каркаралинске Карагандинской области. На взметнувшемся к небу монументе, что возвышается в Большенарымске, выбиты имена 28 коммунаров, расстрелянных у Старой Александровки. На этом обелиске было бы и имя коммунара Андрея Михайлова, сына члена ленинского Петербургского союза борьбы, рабочего Федора Михайлова. Но он не дошел до того скорбного места, где были расстреляны 28 питерцев. Андрея колчаковцы раздели и бросили в пропасть на Кондратьевском перевале.

Вскоре после разгрома колчаковщины была восстановлена под Новой Шульбой путиловская коммуна «Наш путь». В нее помимо питерских рабочих вошли и местные крестьяне. В 1921 г. в коммуне состояло 174 семьи. На том месте, где прежде была коммуна «Солнечная», возникла крупнейшая в Казахстане коммуна «Восходящее солнце Сибири». Бывший член правления «Солнечной» А. Войцеховский под Осакаровкой организовал коммуну «Цвет жизни». На территории нынешней Уральской области появилась коммуна «Женский труд». В ней объединились 423 жепщины, потерявшие мужей в годы империалистической и гражданской войн. Коммуна считалась «самой образцовой по своим коммунистическим целям». И когда встал вопрос о ее ликвидации в 1922 г. в связи с засухой, то коммунарки, в лице председателя В. Чернышевой и секретаря коммуны А. Ивановой, обратились с письмом к властям, чтобы они сохранили коммуну, как «имеющую государственное и политическое значение».

Газета «Степная правда» 24 ноября 1920 г. сообщала, что в Семипалатинской губернии зарегистрировано 16 коммун. Их было бы значительно больше, если бы не белогвардейско-кулацкие банды. «Заседание Семипалатинского губбюро, — отмечалось в протоколе от 3 ноября 1920 г., — слушало заявление Путиловской коммуны о разгроме коммуны бандой и о возможности получения ею оружия для самообороны. Постановили: предложить губревкому через соответствующие организации оказать необходимую помощь».

В коммуну шли бедняки и батраки. Так, в 79 коммунах Акмолинской области в 1922 г. было 35,7 проц. батраков, 53,3 — бедняков и 5 проц. — середняков. Одновременно с ростом коммунарко-колхозного движения шло укрепление коммун.

Чтут потомки и память наследников дела петроградских коммунаров — славных 25-тысячников. Об одном из них, Г. О. Комиссарове, посланце Ленинграда, ставшем председателем коммуны

«Путь» и погибшем в 1931 г. от кулацкой пули, написана книга «Дорогой счастья». Помнят и других 25-тысячников: Назарова, Селюнова и Былкина. Первый из них был зверски убит кулаками, а на двух последних совершались покушения.

«25-тысячники,— рассказывает первый председатель колхоза, созданного на основе реорганизованной петроградской коммуны „Алтай“, А. П. Сорокин,— вели решительную борьбу против уравниловки в распределении, разоблачали кулацкие провокационные требования распределять поровну, мол „раз идем к коммунизму, где не будет ни бедных, ни богатых, значит, и сегодня мы должны быть равными“».

Двадцатипятидесятники были такими же революционными мечтателями, как и их предшественники — петроградские коммунары. Они не давали беспочвенных обещаний, не давали повода для разочарований в смелых преобразованиях деревни. Это подтверждает решение 25-тысячников, прибывших в Бухтарму из Ленинграда, Москвы и Иваново-Вознесенска. «Рост коллективизации,— записано в одном из решений в 1930 г.,— сопровождается классовой борьбой, свидетельствующей о правильной генеральной линии в деле перестройки деревни на социалистические рельсы и двуручнической политике правых оппортунистов, блокирующих в своей практической деятельности с контрреволюционными элементами».

Были у посланцев рабочего класса и другие сложности. «Главной трудностью,— писал в Казкрайком партии 25-тысячник Михаил Башкиров,— является нехватка нужных кадров. Сплошь и рядом глухая неграмотность, религиозность, предрассудки. Трудно найти человека, который бы мог вести хотя бы примитивное счетоводство, учет труда».

Коммунистический энтузиазм, упорство в достижении цели унаследованы молодежью. В многотиражке «За социалистическое земледелие» от 23 ноября 1934 г. напечатаны стихи Мильчакова о трактористе-комсомольце Корниенко, который, «не по-юношески хмурия брови», руководил тракторной бригадой. Стихи несовершеннолетнему, но трогает своей искренностью и пафосом. «Тыщу га нам дали план, но для нас, ребята: тыщи маловато!»— так заканчиваются они. В целом комсомольцы Казахстана, как указывается в рапорте краевого комитета комсомола, в 1930 г. участвовали в организации 816 сельхозартелей и 275 тозов. Они собрали и очистили более 300 тыс. центнеров зерна, отремонтировали большое количество сельскохозяйственного инвентаря и т. д.

В кабинете политического просвещения Серебрянского горкома партии хранится адрес, преподнесенный бухтарминцам рабочими ленинградских заводов имени В. И. Ленина и «Большевик»: «От всей души радуемся и гордимся вашими успехами и победами, с которыми вы, окруженные отеческой заботой нашей родной Коммунистической партии и Советского правительства, отмечаете славное шестидесятилетие первых коммун».

На Бухтарме не ограничиваются только сбором документов и оформлением паглядной агитации. Здесь установлена тесная связь с ленинградскими рабочими, обмениваются делегациями, письмами.

«Мы,— пишут большенаримды ленинградцам,— высоко ценим то, за что коммунары заплатили кровью. Со всей ответственностью сознаем, что на наши плечи легли заботы — беречь и приумножать их завоевания».

Бухтарминские партийные и комсомольские организации понимают, как важно воспитывать молодежь на славных традициях коммунаров. Они организуют походы по местам революционной, боевой и трудовой славы перворосийских коммунаров, устраивают чествование коммунаров, которые живут и трудятся в Первомайском, Зыряновском, Обуховском совхозах.

Благодарные наследники коммунаров не забывают прекрасный почин петроградских рабочих. Внуки коммунаров помнят и рассказывают своим детям, как их голодные и разутые деды и прадеды шли в бой и побеждали.

Вот почему с такою силой
во мне по-новому звучит
история Перворосийска...
Не пепел — это кровь стучит.
Не пепел — пламень новой жизни,
всю землю озаривший вновь,—
твой, Революция — Отчизна —
Россия — Партия — Любовь.

Эти вдохновенные строки О. Берггольц еще и еще раз подтверждают бессмертие подвига питерских коммунаров на просторах Казахстана.

От редакции.

Центральный совет Казахского общества охраны памятников истории и культуры считает необходимым принять конкретные меры по сохранению памяти первых сельскохозяйственных коммун. Многие сделано в этом отношении в Восточно-Казахстанской области. Между тем в ряде областей, где были коммуны, нет никаких памятных знаков, музеев, рассказывающих о славных делах первых коммунаров, их борьбе за новую жизнь. Так, в Семипалатинской области не увековечена история знаменитой путилевской коммуны «Наш путь». Ничего не предпринято по сохранению памяти московских коммун в Целиноградской области, первых коммун в Актыбинской и Уральской областях.

Вечно живая память

В Петропавловске охраняется немало памятных мест, зданий и сооружений, связанных с созданием первых большевистских организаций, со становлением Советской власти и защитой завоеваний Великой Октябрьской революции. Память об этих незабываемых событиях увековечена в названиях площадей и улиц, в обелисках, мемориальных комплексах и охранных досках, в экспозициях и документах музея и архивов. Мемориал Славы, сооруженный на Октябрьской площади города, стал местом проведения торжественных ритуалов и обрядов горожан. Он установлен в память борцов за Советскую власть: 22-х членов Петропавловского Совдепа, расстрелянных в июне 1918 г. и 217-ти коммунистов, красноармейцев и рабочих, зверски замученных белобандитами в феврале 1921 г. У мемориала — всегда цветы. Их возлагают взрослые и дети.

Весть о победе Февральской революции пришла в Петропавловск 1 марта 1917 г. В здании кинематографа «Экспресс» (ныне кинотеатр «Ударник») в тот же день состоялся митинг. Рабочие города и солдаты 33-го запасного Сибирского пехотного полка приняли резолюцию, в которой выразили готовность бороться за дело революции. На следующий день ликующие толпы народа вышли на улицу. Началась демонстрация, в ней участвовало около пяти тысяч человек.

Ночью солдаты 704-й пехотной дружины и рабочие арестовали коменданта города, начальника гарнизона и нескольких чиновников. 5 марта на городской площади состоялся большой митинг. Собравшиеся приветствовали выступление А. М. Поволоцкого, руководителя социал-демократической организации, возгласами «Да здравствует единение рабочих и солдатских масс!».

Вечером на квартире Поволоцкого группа социал-демократов приняла решение создать в городе Совет рабочих и солдатских депутатов. Но выборы в Совет проходили при недостаточной организованности пролетариата и солдатских масс, под сильным влиянием меньшевиков и эсеров. В Совет прошли в основном эсеры и меньшевики. Секретарем Совдепа был избран меньшевик-интернационалист Александр Моисеевич Поволоцкий — человек большой энергии, прекрасный оратор, весьма популярный среди рабочих города. Совет рабочих и солдатских депутатов разместился в двухэтажном здании в центре города. Оно сохранилось до наших дней (ул. Ленина, 18).

Большевики Петропавловска, руководствуясь Апрельскими тезисами В. И. Ленина и решениями VII апрельской партийной конференции РСДРП, развернули борьбу за переход власти в руки Советов.

Внутри социал-демократической организации под воздействием большевиков сложилась активная группа, в состав которой вошли П. С. Калюжная, П. С. Голубов, Г. И. Идрисов, М. Н. Качков, К. Р. Сутюшев и др. 28 апреля 1917 г. Совдеп принял постановление о введении 8-часового рабочего дня, реквизиции хлебных запасов у спекулянтов, нормировании цен на продукты питания. Совдеп направил в села и аулы уполномоченных для организации крестьянских Советов.

Под руководством большевиков в Петропавловске состоялась первомайская демонстрация. В ней под лозунгом «Долой войну» приняли участие две тысячи человек. Большевики вели работу по разоблачению соглашательской политики меньшевиков и эсеров.

Весной в Петропавловск с фронта прибыли большевики М. Д. Дубынин, В. С. Трацевский и др. Они развернули энергичную работу по изоляции правых кругов и мелкобуржуазных партий.

Петропавловск и уезд входили в состав губернии, центр которой находился в Омске. С помощью партийной организации Омска большевики Петропавловска повели настойчивую борьбу против местной буржуазии, которая не хотела признавать завоеваний рабочих. Большевики решительно выступили против попытки управления железной дороги отозвать из Совета рабочих и солдатских депутатов железнодорожников Петропавловска. Последовательная защита интересов трудящихся способствовала росту влияния большевиков на массы города. С сентября начинают создаваться отряды Красной гвардии.

Большевики Карим Сутюшев и Гариф Идрисов вели агитацию среди казахского и татарского населения, Демин и Долгополов — в воинских частях гарнизона, Дубынин — среди рабочих консервного завода и других предприятий города.

Тогда же был распущен «батальон смерти», сформированный в Петропавловске контрреволюционерами. Большевики — депутаты Совдепа — выступили против продолжения империалистической войны, за отмену смертной казни, восстановленной Временным правительством, и поддержали инициативу рабочих по организации профсоюзов. Вскоре был восстановлен разгромленный в годы реакции союз мастеров и рабочих железнодорожников, а затем созданы профсоюзы типографских рабочих и др.

4 октября 1917 г. в связи с повышением цен на муку и спекуляцией местных торговцев в городе произошли выступления солдаток. Собравшись у здания продовольственной управы, женщины требовали снижения цен. Петропавловский Совет, обсудив события 4 октября, постановил усилить борьбу со спекуляцией, произвести учет наличных товаров и упорядочить цены. Осенью 1917 г. успешно закончилась борьба рабочих местной типографии «Сотрудничество» за повышение заработной платы.

В обстановке нарастания революционного движения в Петро-

павловске и уезде большевики усилили работу среди масс под лозунгом «Вся власть Советам».

Известие о победе Октябрьской социалистической революции было получено в Петропавловске в конце октября. Повсюду на крупных предприятиях — в паровозном депо, на станции, консервном и кожевенном заводах — состоялись собрания рабочих. На них большинство высказалось за резолюцию о передаче всей власти в руки Советов.

12 ноября 1917 г. состоялось коалиционное заседание Петропавловского Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, социал-демократической и других общественных организаций, на котором был избран Временный революционный комитет, взявший власть в свои руки.

29 ноября Петропавловский Совет заслушал доклад делегата II Всероссийского съезда Советов, члена ВЦИК, большевика А. А. Звезда и записал в своем решении: «...Петропавловский Совет рабочих и солдатских депутатов при огромном стечении граждан и солдат города Петропавловска приветствует революционный Петроград и высказывает полное доверие и решительную поддержку Советскому правительству, присоединяется и будет проводить ту решительную революционную политику, которую проводит Совет Народных Комиссаров».

Вслед за этим была распущена городская дума, арестованы эсеры, выступавшие против Советской власти, закрыта эсеровская газета «Степная речь». В селах уезда упразднились волостные управы, изгонялись волостные управители и аульные старшины. Всюду создавались Советы, которые теперь должны были управлять хозяйственной и культурной жизнью.

31 января 1918 г. был образован городской Совет народного хозяйства, взявший в свои руки руководство народным хозяйством.

Крестьянская беднота приветствовала Советскую власть, давшую трудящимся мир, землю, свободу.

Крестьяне села Троицкого вынесли решение о ликвидации в селе земской квартиры и ямщины, а узнав о приезде эсеровского инструктора по введению земства, заявили, что им управа не нужна. В селе Новониколаевке крестьяне разогнали земскую управу и образовали Совет крестьянских депутатов. Общее собрание станицы Конюховской 25 февраля 1918 г. постановило: «...Хозяином земли должен быть сам трудовой народ в лице Советов крестьян, рабочих и солдатских депутатов».

С весны 1918 г. Советы начали осуществлять первые декреты Советской власти: о земле, о национализации предприятий и др. Кожевенные заводы Зенковых, Мездряковых, мельницы Полякова, Мазаева, Кучковского, консервный завод перешли в ведение фабрично-заводских комитетов. Реквизируется имущество иностранных фирм, в частности склады сельскохозяйственных машин акционерного общества «Р. и Т. Эльворти», нефтепромышленные

и керосиновые склады «Братьев Нобель». Петропавловский Совет наложил контрибуцию на представителей английских, французских, датских, шведских фирм и конфисковал их имущество.

18 марта 1918 г. принимается постановление об отмене частной собственности на недвижимое имущество, стоимость которого 5000 и более рублей. Было национализировано имение графа Потопкого в местности Бажакуль (у озера Чаглы) и 17 000 десятин принадлежавшей ему земли. В имении организовали сельскохозяйственную школу (теперь совхоз-техникум). Были реквизированы частные дома для размещения советских учреждений и поселения семей рабочих.

Национализация проводилась не только в городе, но и в уезде. В протоколе Петропавловского уездного Совета народного хозяйства от 21 апреля 1918 г. записано: «Предложить гражданам станицы Новорыбинской кожевенный завод Мариупольского взять в народное достояние и в свое полное распоряжение».

Почта, телеграф, участок железной дороги, городские учреждения перешли под контроль городского Совета. С местной буржуазии была взыскана контрибуция в размере 2 млрд. руб.

Одновременно в Петропавловске началось формирование частей Красной Армии. Для этого исполком городского Совета образовал организационную комиссию во главе с И. Д. Дубыниным и штаб Красной Армии, в который вошли Заикин, Трацевский, Парфенов. В состав частей Красной Армии вступили венгры, австрийцы, немцы. Из них были сформированы пехотная рота и кавалерийский эскадрон. Продолжали комплектоваться отряды Красной гвардии.

В городе была организована милиция, одним из ее первых руководителей стал член Совдепа, котельник депо Ф. К. Юрасов.

Партийная организация, городской и уездный Советы уделяли большое внимание продовольственному вопросу. В «Известиях Петропавловского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» было опубликовано письмо В. И. Ленина «К питерским рабочим». В связи с этим Петропавловский Совдеп постановил: «Ввиду безвыходного положения, наступившего вследствие голода у рабочих Иваново-Вознесенска, немедленно отправить туда семь вагонов муки». Эшелоны с хлебом посылали также в Москву, Петроград и другие промышленные центры.

Петропавловский городской и уездный Советы весной 1918 г. из числа депутатов создали народный суд, который руководствовался революционным правосознанием. Несмотря на суровое время, Совет занимался упорядочением работы школ, медицинского обслуживания населения. Были открыты медицинские пункты в Петропавловске, в селах Ильинском, Дмитриевке, Веселовке, Семиполке.

Совет создал секцию для работы среди нерусского населения, ее возглавили К. Р. Сутюшев, И. Н. Кабеков, Г. И. Идрисов. Сек-

ция открыла в городе национальный клуб, стала издавать листовки на казахском и татарском языках.

По решению Совета весной 1918 г. намечались ремонт и расширение электростанции. Готовились люди для оказания помощи деревне в период весеннего сева, открылись новые магазины. Шла подготовка к съезду учителей и земельных работников.

Большевистской организации и Совдепу приходилось вести работу, преодолевая сопротивление свергнутых классов. Контрреволюционеры подготовили диверсионные вылазки офицеров и белоказачества, создав подпольные военные дружины из сынков зажиточного казачества, городской буржуазии и кулаков станиц Петропавловской, Плоской, Бишкульской, Архангельской. Напряженное положение усугубило прибытие 25 мая 1918 г. в Петропавловск эшелонов чехословацкого корпуса. Чехи установили связь с белоказаками Подгорья. Город был объявлен на осадном положении. В ночь на 1 июня белочехи подвляли мятеж против Советской власти.

Член Петропавловского Совдепа Василий Петрович Соловьев вспоминал: «Силы мятежников превосходили силы защитников города более чем в пять раз. Белые напали на отряд Красной гвардии на консервном заводе и полностью уничтожили его. И пошли потом на соединение с подгорным белоказачеством. Их было намного больше, чем нас, и они захватили город. Начались массовые аресты и расстрелы большевиков и сочувствующих им. Арестованными были заполнены почти все подвалы магазинов, не говоря уже о тюрьмах».

10 июня 1918 г. после непродолжительного суда за городом в Пятом логу были расстреляны 22 совдеповца. Охарактеризуем некоторых из них.

Исидор Дмитриевич Дубынин — член партии с 1912 г., первый председатель Петропавловской организации РСДРП, член первого Совдепа, комиссар медицины, руководитель Военно-революционного комитета, стойкий большевик и талантливый организатор масс. В январе 1918 г. он был избран делегатом III Всероссийского съезда Советов. Враги люто ненавидели Дубынина и верски расправились с ним. Именем И. Д. Дубынина названа одна из улиц Петропавловска.

Яков Степанович Побелянский. Член партии с 1905 г. В 1917 г. — член Петропавловского Совдепа, в начале 1918 г. вошел в состав местного Совета народного хозяйства, а с мая в должности комиссара хозяйственно-строительного отдела Совдепа.

Прасковья Саввична Калюжная, член и заведующая отделом Совета, затем комиссар социального обеспечения, член комиссии по реквизиции продуктов первой необходимости и распределению их между нуждающимися. Враги Советской власти люто ненавидели неутомимую труженицу-большевичку и ждали случая расправиться с ней. И случай представился — контрреволюционный

переворот. Светлое имя героини носит одна из улиц Петропавловска.

Анастасия Михайловна Прокофичева. Она росла и воспитывалась в семье коммунистки Марии Александровны Прокофичевой, вела пропагандистскую работу среди рабочих и солдат, активно помогала разоблачать врагов Советской власти. Свергнув Советы, 2 июня белогвардейцы арестовали 18-летнюю Настю. Одна из школ города теперь носит имя Насти Прокофичевой. В сквере на ул. Пушкина Петропавловска установлен памятник юной участнице борьбы за Советскую власть.

Петр Ефимович Рыжов. Революционер, рано связавший свою судьбу с партией. С ноября 1917 г.— член ревкома, делегат Западно-Сибирского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, делегат IV Всероссийского чрезвычайного съезда Советов. Все свои силы и энергию отдавал восстановлению промышленного производства в Петропавловске.

Иван Яковлевич Филиппенко. В раннем детстве узнал батрацкий труд, служил в армии, там и вступил в партию. Дейтельно участвовал в установлении Советской власти в Петропавловске и защите завоеваний революции. Был начальником местного штаба Красной Армии, а затем комиссаром военного отдела Совдепа.

Порфирий Саввич Голубов. Работал на ответственных участках, где решалась судьба революции в Северном Казахстане. В январе 1918 г. назначен председателем судебно-следственной комиссии. Одновременно исполнял обязанности секретаря комитета РСДРП (б). Был беспощаден к врагам революции и в то же время чутким и внимательным к простым людям. Этим и завоевал себе у трудящихся высокий авторитет.

Гариф Ибрагимович Идрисов. Один из организаторов в городе социал-демократического кружка среди местной казахской и татарской молодежи. В 1918 г.— член исполкома Совдепа. Здесь его кипучая энергия, организаторский талант проявились с новой силой. Он входил в финансовую комиссию, был назначен помощником начальника благотворительного отдела. Гариф жил для людей и отдал свою жизнь за народ. Ему было 25 лет.

Все расстрелянные были храбрыми и верными сынами и дочерьми трудового народа и смерть встретили мужественно, героически, как подобает солдатам революции. Не обо всех из них сохранились документы и свидетельства, мы так и не знаем имена некоторых. Но фамилии большинства их помнят и чтут североказахстанцы. Они золотыми буквами вписаны в историю борьбы за Советскую власть.

Кроме названных это — Ф. Е. Шананин, В. С. Трацевский, И. Колмейченко, Е. Т. Люстерник, П. П. Темлянцева, Заикин, Землянский, А. И. Иванов, В. Н. Иванов, К. Гаповов.

После освобождения Петропавловска от белогвардейских банд тела героев, расстрелянных и замученных, были перенесены в братскую могилу на Октябрьской площади.

Трудящиеся области, ветераны войны и труда, учащиеся и студенты приходят сюда, чтобы почтить память тех, кто погиб за власть Советов, за то, чтобы жизнь людей труда стала счастливой и свободной.

М. ЕРЕМЕЕВ, научный сотрудник Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея

Вехи незабываемых дней

Историко-революционные памятники напоминают нам о таких далеких и в то же время таких дорогих днях борьбы за власть Советов. Большой идеологический заряд несут в себе эти памятники, рассказывающие о Великом Октябре, о гражданской войне, героизме, проявленном нашими отцами и дедами, братьями и сестрами в годы суровой борьбы за торжество идеалов социалистической революции.

Советская власть пришла в Восточный Казахстан в 1918 г., 14 марта большевики Усть-Каменогорска организовали демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам». В здании Народного дома состоялся митинг, на котором было провозглашено о переходе власти в городе в руки большевистского Совдепа.

Здание бывшего Народного дома (ныне облдрамтеатр) взято под государственную охрану как памятник истории и архитектуры. Построено оно в 1902 г. по инициативе О. Ф. Костюрина и других ссыльных народников на собранные пожертвования. В доме размещались библиотека, музейная комната, зрительный зал. Во время революции 1905—1907 гг. в этом здании проходили многолюдные митинги, а весной 1920 г. работала первая комсомольская ячейка.

Усть-Каменогорский Совдеп во главе с Я. В. Ушановым существовал всего 87 дней, но за это время было сделано немало. Хлеб и золото дал революции, голодающему Питеру Рудный Алтай. Совдеп занимался вопросами электрификации, народного образования, помощи безработным и многодетным матерям. Его заседания проходили в условиях ожесточенной классовой борьбы в здании бывшей городской управы, где сейчас находится областной историко-краеведческий музей.

Неоднократно на комиссаров Совдепа совершались покушения. Чтобы противостоять контрреволюции, был создан красногвардейский отряд. Штаб его располагался в здании кинотеатра «Эхо». Не так давно был воссоздан его первоначальный вид. Здесь ныне — кинотеатр «Октябрь».

В ночь на 10 июня 1918 г. в городе произошел контрреволюционный переворот. Советская власть временно пала.

Усть-Каменогорская крепость была превращена в страшную тюрьму, ее называли «Южно-Сибирским Шлиссельбургом». Сюда

со всего Прииртышья свозили арестованных. Осенью 1918 г. 30 наиболее активных деятелей Советской власти были увезены анжиковцами в Семипалатинск и там расстреляны. В ночь на 30 июня 1919 г. в Усть-Каменогорской крепости началось восстание политзаключенных. Оно было жестоко подавлено. Только после восстановления Советской власти, в декабре 1919 г. останки погибших были перенесены на берег Иртыша и захоронены в братской могиле. Здесь же погребли останки 26 подпольщиков с. Караш (ныне с. Подгорное Самарского района) и 45 жителей Курчумского района, расстрелянных в Шмелевом логу в 1919 г. по приговору колчаковского военно-полевого суда. Над братской могилкой вначале был поставлен деревянный памятник. В 1951 г. на его месте сооружен обелиск. На нем выбиты также имена членов Совдепа, погибших в Семипалатинске, и председателя Усть-Каменогорского Совдепа Я. Ушанова, сожженного заживо в точке парохода «Монгол».

Первыми против белогвардейского режима выступили летом 1918 г. шемонаихинцы. Они отказались выполнить приказ белогвардейцев о мобилизации молодых крестьян в ряды их армии. К восстанию примкнули 46 окрестных сел. Белогвардейцы жестоко расправились с ними. В центре г. Шемонаихи высится обелиск, установленный на братской могиле участников восстания. На нем фамилии 34 шемонаихинцев, расстрелянных в 1918 г. Такие же обелиски стоят над братскими могилами участников восстания в селах Убинке и Вавилонке.

В июле 1919 г. произошло восстание и в зайсанской тюрьме. Его активные участники были расстреляны. После освобождения г. Зайсана от белогвардейцев в январе 1920 г. уездный ревком начал розыск замученных подпольщиков. В марте 1920 г. они были торжественно захоронены на городском кладбище. Через год на братской могиле установили памятник. Белогвардейцами в г. Зыряновске и с. Козлушке были убиты 36 подпольщиков во главе с Д. С. Тропиным. В 1957 г. их останки с почестями перезахоронили в городском сквере Зыряновска, где поставили обелиск.

У выезда из с. Козлушки был казнен белогвардейцами путилковский рабочий, руководитель подпольной группы С. Ф. Малей. На месте его гибели к 50-летию Октябрьской революции соорудили памятник.

Колчаковские каратели арестовали многих петроградских коммунаров, которые возглавляли подпольные группы в селах. Из них 28 были отправлены под конвоем в Усть-Каменогорск. 1 октября 1919 г. их расстреляли в ущелье близ с. Старо-Александровки. Среди погибших — председатели коммун В. С. Грибакин и А. Б. Петров. После восстановления Советской власти останки погибших коммунаров перенесли в с. Усть-Нарым. В 1959 г., в связи с образованием Бухтарминского водохранилища и затоплением Усть-Нарыма, прах коммунаров перезахоронили в с. Боль-

шенарым. Сюда же были перевезены останки 13 участников налета на Солоновскую комендатуру, казненных в октябре 1919 г. На месте их расстрела в с. Солоновка (Большенарымский район) установлен обелиск. 4 ноября 1967 г. у с. Александровки (Серебрянский район) открыт памятник в честь 28 коммунаров.

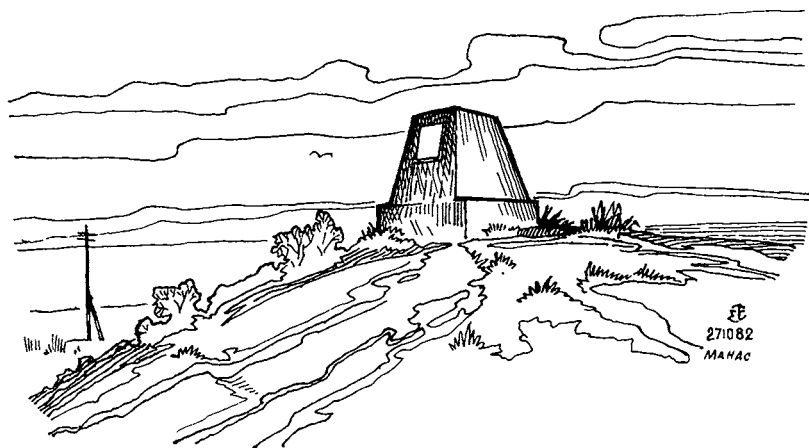
С конца 1918 г. на востоке Казахстана с белогвардейцами начали вести борьбу партизанские отряды. В Усть-Каменогорск для ведения подпольной работы и связи с партизанскими отрядами из Томска прибыл Павел Петрович Бажов. Будущий писатель поселился в доме М. Рябовой (ныне жилой дом по ул. Пролетарской, 20). Под именем страхового агента Бахеева он разъезжал по Рудному Алтаю и всячески помогал в организации партизанского движения.

Волна народного гнева все нарастала. Первый Алтайский полк «Красных горных орлов», Березовский, Курчумский и Защитинский партизанские отряды вначале самостоятельно, а затем во взаимодействии с регулярными частями Красной Армии успешно громили отступающие банды белых. В январе 1920 г. Советская власть была восстановлена на всей территории Восточного Казахстана. Но еще не раз белогвардейцы приходили из-за кордона и расправлялись с активистами Советской власти, коммунистами. Борьбу с ними вели отряды ЧОН и регулярные части Красной Армии.

Летом 1920 г. в Бухтарминском крае вспыхнул антисоветский мятеж. Командир «Красных горных орлов» Н. И. Тимофеев собрал небольшой отряд из бывших партизан и выступил навстречу мятежникам. В неравном бою с белобандитами Н. И. Тимофеев погиб. Он был похоронен на Гусиной пристани. Позже останки легендарного партизанского командира перенесли в г. Серебрянск, на месте его захоронения в 1957 г. установили памятник. Обелиски павшим в борьбе с антисоветскими мятежниками можно встретить во многих селах — в Ново-Тимофеевке, Сарабеле (сейчас с. Тимофеевка Самарского района), Самарском, Курчуме, Предгорном и др. Многие из них сооружены в 60-е — 70-е годы.

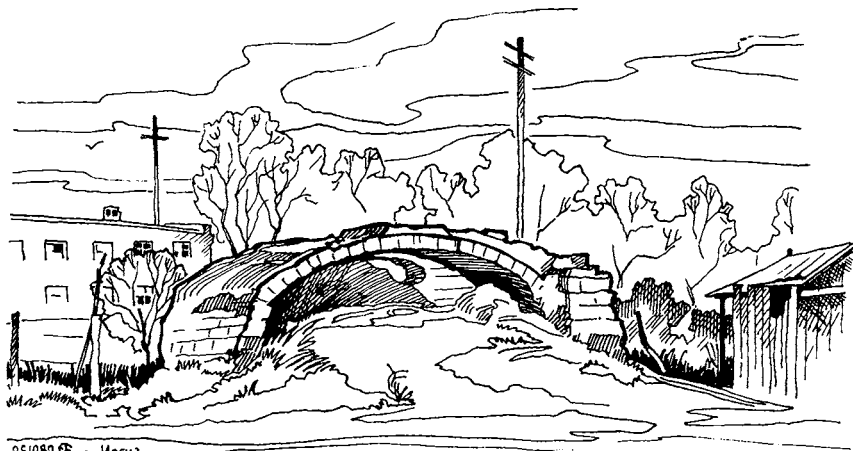
В с. Курчум в 1959 г. открыт памятник на могиле чекиста Жамиля Исабекова, который погиб в августе 1920 г., преследуя банду банды. В пограничных районах возвышаются обелиски над могилами пограничников, павших при защите государственной границы.

Восточноказахстанцы свято чтут память о борцах за власть Советов и тех, кто защищал рубежи нашей Родины. У историко-революционных памятников проводятся торжественные обряды: прием в комсомол и пионеры, проводы в Советскую Армию, встречи с ветеранами войны и труда.

Памятник в честь пребывания Т. Г. Шевченко в Карабутаке: *Художник М. Ержанов.*

Остаток стены оружейного склада в Иргизе. Здесь нес караульную службу Тарас Шевченко. *Художник М. Ержанов.*

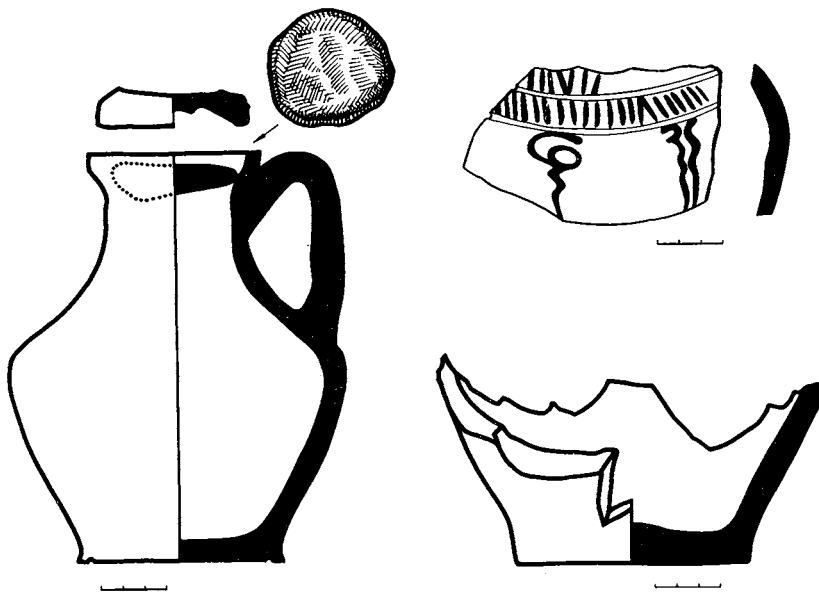

Фрагмент кувшина с изображением коня. Отрар, XIII—XIV вв.

Фрагмент сосуда с мифологическими рисунками. Городище Костобе Южное, III—IV вв.

Доска с изображением божеств на тронах. Найдена при раскопках Отрара.

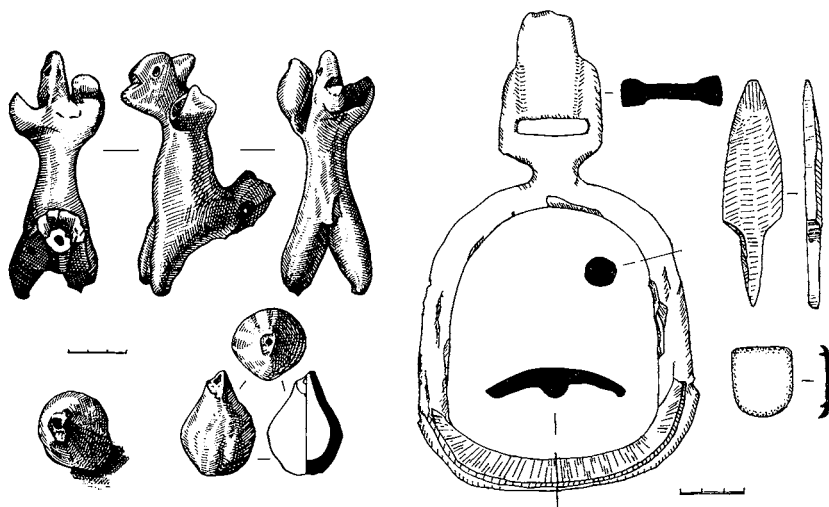

Кувшинчик и обломки сосуда, найденные археологами в районе г. Туркестана. XIII— первая четверть XIV в.

Керамические детские свистульки из самого верхнего слоя Куль-тобе (Туркестан).

Находки, обнаруженные при археологических раскопках в районе г. Туркестана.

Плакат художника Л. Мироненко.

Поборник прогресса и дружбы народов

В дни, когда советский народ отмечал 150-летие со дня рождения Ч. Ч. Валиханова, академик П. Н. Федосеев писал: «Можно с полным основанием сказать, что Чокан Валиханов является сыном двух народов, носителем двух побратавшихся демократических культур — русской и казахской. Сам ученый говорил и писал об этом неоднократно». Немногим сыновьям угнетенных народов России XIX в. выпала такая честь. По своим социально-политическим взглядам Ч. Ч. Валиханов «примыкал к прогрессивному демократическому лагерю России, выступавшему против самодержавно-крепостнического строя, против колониальной политики царского правительства» (П. Н. Федосеев), уделял много внимания исследованию материальной и духовной культуры не только своего, но и соседних народов (киргизский, уйгурский, узбекский и т. д.).

Чокан Валиханов был просветителем-демократом. Поэтому предметом особых забот, тревог и надежд, самой сокровенной его мечтой было народное просвещение и образование. Великий сын казахского народа был глубоко убежден в необходимости демократического просвещения путем создания органов по распространению европейской науки и гуманизма.

Идеал человеческой личности, о котором мечтали и который горячо, талантливо, неустанно пропагандировали

просветители,— это человек просвещенный, непримиримый к предрассудкам и суевериям, невежеству и слепому повиновению.

Сам Чокан Чингисович был одним из образованных людей своего времени, творческой личностью, блестящим ученым, успешно сочетавшим научную и просветительскую деятельность. Достаточно лишь научной экспедиции в неведомый Кашгар, чтобы его имя надолго сохранилось в истории отечественной науки. Но Валиханов, проживший менее 30 лет, был многогранным ученым — историком, этнографом, фольклористом, человеком, обладавшим большими познаниями, глубоким историческим чутьем и художественным вкусом.

Славное имя казахского ученого ныне близко и дорого трудящимся всех национальностей страны, ставшими законными наследниками духовных ценностей прошлого, вошедших органической частью в культурную сокровищницу социализма. И это закономерно. На современном этапе развития социалистического общества, как отмечается в Программе КПСС, партия ставит задачу развития «социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам, интернациональной по духу единой культуры советского народа на базе лучших достижений и самобытных прогрессивных традиций народов СССР»¹.

Обращение к урокам жизни и творчества прогрессивных деятелей прошлого, к некоторым важным страницам дореволюционной истории нашей страны показывает, что сегодняшнее единение народов и культур — явление объективное, закономерное, имеющее глубокие исторические корни.

Чокан Валиханов относился к числу тех демократически настроенных, прогрессивных деятелей культуры прошлого, которые стояли у истоков общности судеб и культур русского, казахского, киргизского, уйгурского и других народов. Эта общность ярко воплощалась в самой личности Валиханова, в его взглядах и научном творчестве и привлекла внимание многих выдающихся представителей русского и других народов. Разве его трогательная дружба, тесное общение и сотрудничество с Ф. М. Достоевским, С. И. Дуровым, П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым, духовная тяга к светочу русской демократической культуры Н. Г. Чернышевскому — не лучшее тому свидетельство?

Жизнь и деятельность, бесценное духовное наследие казахского просветителя знаменательны для той исторической перспективы, которая привела к Октябрю, к глубочайшим прогрессивным процессам взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур всех народов страны, к образованию новой исторической общности людей — советского народа. «Утвердились, вошли в сознание десятков миллионов людей нерушимая дружба народов,

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 44—45.

уважение к национальной культуре и национальному достоинству всех народов,— говорил М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС.— Советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей»¹.

Целый ряд исторических, социально-экономических и географических обстоятельств обусловил прочный и стабильный характер сближения и объединения народов, многие из которых еще несколько столетий назад избрали путь добровольного присоединения к России.

Русский народ сыграл исторически прогрессивную роль в судьбах народов Кавказа, Средней Азии, Казахстана, всех бывших национальных окраин. Он помог им избавиться от опустошительных нашествий соседей, будь то турецкий султан, иранский шах, кокандский хан или другие реакционные феодальные деспоты Востока. Навеки связав себя с Россией, с ее передовой культурой, с ее развитыми традициями демократического, социально-освободительного движения, народы бывших национальных окраин спасли себя от порабощения иноземными захватчиками, от угрозы физического истребления и обеспечили возможность самостоятельного национального развития.

В глубь веков уходят истоки классовой солидарности простых людей различных народов нашей страны. История знает немало примеров взаимовыручки и взаимной помощи трудящихся. Уместно напомнить факт, засвидетельствованный историками,— в войсках Е. Пугачева были башкиры, казахи, татары и представители других народов страны. Общность исторических судеб социалистических наций и народностей — это явление, прослеживаемое в истории не одного или двух народов, а большинства.

Под влиянием исторически прогрессивной роли России из среды народов национальных окраин выдвинулись замечательные просветители, ученые-этнографы, педагоги, общественные деятели, в мировоззрении и общественной деятельности которых возникли общие, повторяющиеся, а следовательно, закономерные черты. Это стало одним из ярких и убедительных свидетельств подлинной общности судеб народов.

Весьма показательна в этом смысле история просветительства в нашей стране. Различно иногда его идейное содержание, неодинаковы и исторические условия, в которых возникал конкретный этап в развитии общественной мысли, и все-таки типичное, закономерное есть в каждом. Сходство в существенных чертах социально-политической обстановки, явившееся и следствием ориентации различных народов на передовую Россию, привело к близости или даже совпадению важнейших положений просветительской мысли

¹ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 67.

у представителей народов, часто весьма отдаленных друг от друга территориально и даже этнически.

Выдающийся казахский просветитель Чокан Валиханов и замечательный просветитель кавказских горцев Чах Ахриев (1850—1914 гг.) никогда не встречались и едва ли знали о существовании друг друга. Но они начали свою научную и общественную деятельность примерно в один и тот же период и высказали по вопросам социально-политической жизни, культуры, истории, этнографии своих народов очень сходные мысли. Имеется даже текстуальное совпадение некоторых формулировок, что можно объяснить только сходством общественно-политических условий жизни и деятельности двух просветителей. Например, оба одинаковыми выражениями объясняют истоки религиозных явлений.

Как для Ч. Валиханова, так и для Ахриева критика религиозных догм была составной частью борьбы за социальное и культурное возрождение своего народа. Он, подобно казахскому просветителю, выступал против рутинного и застойного в обычаях и традициях горцев и стремился своей общественно-политической и научной деятельностью расчистить дорогу к взаимопониманию и дружбе народов, к взаимообогащению их культур.

Вот еще одна общая черта в просветительстве, подтверждающая общность исторических судеб народов, добровольно присоединившихся к России. Казахские просветители, как большинство прогрессивных общественных деятелей ранее отсталых народов, ратовали не просто за просвещение, а в первую очередь за образование практическое, прикладное, которое помогло бы народам перейти к более прогрессивным формам хозяйства и культуры.

Обозревая исторический путь, пройденный народами национальных окраин, мы видим, что вопреки своекорыстной политике социальных верхов, действовавших по принципу «разделяй и властвуй», между трудящимися разных народов установились отношения взаимопомощи, дружбы на основе совместной борьбы против общего классового врага. Объективный ход исторического развития, совокупность политических, экономических и духовных условий открыли перед народами, добровольно присоединившимися к России, перспективу прогрессивного развития путем тесного объединения с русским народом, приобщения к более развитым формам хозяйственно-экономической и культурной жизни и создали тем самым предпосылки для взаимопроникновения культур.

Пламенные призывы к соотечественникам овладеть высотами мировой и русской культуры, сращенной с идеями социально-освободительного движения, Ч. Валиханов реализовал прежде всего в собственной жизни и деятельности.

Знакомясь с историей культурного развития народов, связавших свою судьбу с Россией, мы обнаруживаем два взаимообусловленных течения, которые выразились в тяге к взаимному культурному сближению, упрочению духовных связей вопреки антинародной политике царизма. С одной стороны, выдающиеся сыны

русского народа, такие, как Александр Радищев, Павел Пестель, Виссарион Белинский, Александр Герцен, Николай Чернышевский, Николай Добролюбов, Лев Толстой и многие другие деятели русской культуры, были всегда на стороне угнетенных и обездоленных масс. Вся русская классическая литература пропитана чувством глубокого уважения к человеческому достоинству, национальной гордости угнетенных царизмом народов России.

С другой стороны, прогрессивные общественные и политические деятели народов национальных окраин выступали глашатаями гуманистических идей дружбы и единения с русским народом. Великий украинский поэт Т. Г. Шевченко мечтал о том времени, когда народы, «распри позабыв, в единую семью соединятся». Армянский просветитель, революционный демократ М. Налбандян писал: «Зарождающуюся в России свободу смело можно назвать свободой для человечества, ибо она имеет под собой почву, так как русский народ не только для себя добивается свободы». Таджикский писатель и философ-просветитель Ахмад Доиш утверждал: «Хотя русские и другой религии, чем мы, но в дружбе, искренности и человечности они превыше всех». Подобных высказываний передовых, демократических представителей различных наций и народов России XIX в. можно привести много. Таким образом, в условиях царского самодержавия лучшие представители угнетенных наций связывали свое будущее с Россией, Россией демократической и революционной, ориентировали трудовые массы на союз с русским народом, на усвоение его могучей культуры и богатого, правдивого и свободного языка.

В то же время представители русской культуры, такие, как великий А. С. Пушкин, В. И. Даль, И. Н. Березин, В. В. Радлов, проявляли неподдельный интерес к самобытной национальной культуре окраинных народов, к их устному творчеству. Зарождалась и все более укреплялась мощная, идущая из народных глубин тяга к русской демократической культуре, к дружбе с народом, создавшим ее. Свидетельство тому — призывы трех великанов общественной мысли XIX в. в казахской степи Чокана Валиханова, Абая Купанбаева и Ибрая Алтысарина к доверительному отношению и дружбе с русским народом.

После добровольного присоединения Казахстана к России контакты культур, связи прогрессивных общественных деятелей, взаимопроникновение культур становятся все более тесными, органичными. В Казахстан отправляются русские ученые для всестороннего изучения края, его истории, этнографии.

Многое сделал для изучения геологии Казахстана И. В. Мушкетов. Имена С. У. Ремезова и Е. П. Ковалевского, одними из первых давших научное описание Казахстана, навсегда останутся в благодарной памяти казахского народа. С жизнью кочевников, с природой и историей Казахстана русскую общечеловечность знакомили А. И. Левшин, С. С. Татищев, И. И. Семенов-Тяп-Шанский, Н. М. Пржевальский. Бесспорен крупный научный вклад Г. Н. По-

танина в изучение этнографии, В. В. Бартольда, В. В. Вельяминова-Зернова, М. М. Мейера, М. Красовского, И. А. Добросмыслова, Н. А. Аристова, Н. Н. Харузина — в изучение истории казахов. В разночинский этап освободительного движения в казахскую степь свет русской культуры и освободительных идей понесли ссыльные революционеры.

Эти явления сыграли исторически прогрессивную роль в становлении и развитии демократической культуры казахского народа, в формировании мировоззрения ее замечательных представителей — просветителей и демократов, первым среди которых был Ч. Ч. Валиханов. И само просветительское движение было во многом порождено ускорением, которое дало Казахстану присоединение к России.

Казахские просветители-демократы были глубоко преданы идеям прогресса своей родины, который они не мыслили вне России, вне ее демократической культуры, без братского единения с русским народом.

Горячий патриот, глубокий и оригинальный мыслитель, крупный ученый и просветитель Ч. Валиханов страстно и настойчиво искал пути социального и культурного прогресса. Своими научными трудами, общественной деятельностью он делал все, чтобы расчистить для него дорогу, подготовить предпосылки для его наступления. «Мы связаны с русскими исторически и даже кровным родством, — утверждал Чокан Валиханов, вглядываясь в дали будущего, и добавлял при этом с укором в адрес царизма: — Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданское развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формируются в шекспировское — быть или не быть».

Сложным, противоречивым был процесс присоединения казахских земель к России: в условиях несправедливого, основанного на социальном угнетении общественного строя укрепление взаимного доверия народов, взаимопроникновение их культур сознательно тормозилось своеобразными устремлениями эксплуататорских классов. Тем не менее Россия, стоявшая на более высокой — капиталистической ступени развития, мощно втягивала Казахстан в русло мирового экономического и культурного развития. Русские ученые подготавливали экономическое и «культурное» освобождение Казахстана; потом сюда пришли ссыльные революционеры, участники русского освободительного движения, разночинцы, социал-демократы, большевики и принесли с собой идеи демократической культуры, идеи классового и социального освобождения.

Глубокий интерес Чокана Валиханова к русской культуре, таким образом, был свидетельством глубинного, подлинно народного движения прогрессивной казахской общественности, искавшей формы и способы социального и культурного обновления своей

родины путем единения и дружбы с русским народом. И позднее, как бы переключаясь с Валихановым, призывал своих соотечественников великий Абай: «Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получишь его, жизнь твоя станет легче». Ему вторил И. Алтыпсарин: «Развивайте среди казахов влияние русского образования, действуйте на юный, даровитый и поэтически впечатлительный народ мерами нравственного сближения, и казахский народ скоро сольется с государством русским, сам увидит счастье свое в этом сближении...»

Именно русская демократическая культура позволила казахам, как и многим другим народам национальных окраин, познакомиться с духовными ценностями зарубежных народов. «В начале XX века,— пишет А. Алимжанов,— в Казахстане никто не знал Байрона, Пушкина, Лермонтова. Однако кочевники, выучив их стихи в переводе Чокана, Абая, Ибрая, включили их в свои песенные репертуары и распевали... И Гейне никто не знал, но получили распространение его стихи в переводе Чокана Валиханова. Это обогатило нашу устную и письменную литературу...»

Личность и деятельность великого казахского просветителя глубоко символичны. Он воплотил в себе лучшие черты казахского народа — стремление жить в дружбе и добрососедстве со всеми народами, уважение к иным национальным традициям и обычаям, свободолюбие и независимость, открытость характера и великодушные, правдивость и добросовестность, верность долгу и избранной цели. Живя в условиях отсталого феодального общества, опутанного патриархально-родовыми отношениями и пережитками, он сумел опередить свое время и подготовить почву для единения народов, для восприятия казахами ценностей более развитых культур и, в первую очередь, культуры России.

Напрасно спустя полвека после смерти великого просветителя алашордынцы пытались использовать имя и дела Ч. Валиханова, как и имена других корифеев казахской культуры Абая и Алтыпсарина, для обоснования своей ограниченной и эгоистичной политики отлучения казахов от русской культуры, социализма, идей Ленина. Они тщетно пытались под предлогом борьбы за национальную самобытность законсервировать в культуре все отжившее, реакционное, служившее интересам социальных верхов. Они признавали преемственность только в сохранении, наследовании реакционного по преимуществу содержания прошлой культуры, созданной в эксплуататорском обществе и служившей интересам эксплуататоров.

Ч. Валиханов был и остался убежденным и последовательным сторонником братства и единения народов, непримиримо относившимся к идеям национальной замкнутости, отгороженности, противопоставления одних народов другим.

Чокан Чингисович не писал специальных философских трактатов, не создавал философских систем, но он был философски подготовленным человеком. Он четко ориентировался в главных фи-

лософских направлениях — материализме и идеализме, который называл спиритуализмом, и в решении основного вопроса философии тяготел к материализму.

Как и все просветители, будучи натурой деятельной, энергичной, исполненной жаждой живой общественной деятельности, Ч. Валиханов познал и чувство глубокого душевного разлада от сознания невозможности претворения в жизнь благородных помыслов по преобразованию жизни своего народа на началах разума, просвещения в условиях жестокой социальной и национальной эксплуатации. «Я вижу теперь, — с горечью сообщал он А. И. Майкову, — что трудно одному бороться со всеми, вижу, что истина, как бы она ни была светла, не может прогнать самых неверных заблуждений, когда они освящены временем».

Великая очистительная буря Октября 1917 года смела «темное царство» классового и национального неравенства и насилия. На развалинах бывшей «тюрьмы народов» под руководством ленинской партии выросло новое в истории содружество равноправных наций и народностей. Великая Октябрьская революция принесла подлинное социальное и национальное раскрепощение всем народам страны, подняла их к высотам современной социалистической цивилизации. В огромном духовном богатстве народов, в нашей многонациональной культуре, возникшей благодаря Октябрю, есть лепта, внесенная подвижническим трудом и мыслью Чокана Валиханова.

«Прощупав землю ногами...»

*(По местам Т. Г. Шевченко
в Актюбинской области)*

Дружба украинского и казахского народов уходит своими корнями в далекое прошлое. Одну из ярких страниц в ней составляет жизнь великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко на казахской земле в середине XIX в.

Очевидец двух столетий, народный акын Джамбул Джабаев пел:

С любимым Тарасом, как верные люди,
Ехали мы на страдальце-верблюде.
Нас жажда томилла, Шумели нески,
Погоны блестели, блестели итьки,
Барханы под ветром ползли без конца,
В барханах терялася песня ненца.

В 1939 г. казахский поэт Абдиньда Тажибаев, выступая на пленуме Союза писателей СССР, говорил о значении творчества великого Кобзаря для казахской духовной культуры. Еще в прошлом веке казахи переложили поэзию Тараса на свой эпически-фольклорный лад, а самого поэта называли «акын таразы» — поэт справедливости. Впервые профессиональный художник с академическим образованием запечатлел простых казахов, их детей и жен. В художественном плане он открыл их цивилизованному миру. Глубоко прав А. Тажибаев, утверждая, что картины Кобзаря из жизни казахов «делают его настоящим Рембрандтом, основоположником национального живописного казахского искусства».

Станция юных туристов в г. Форт-Шевченко организовала фотовыставку

исторических памятников города. Она демонстрировалась в Алма-Ате во время III съезда Казахского общества охраны памятников истории и культуры. Созданная недавно мастерская Мангышлак-реставрация начала работу по реставрации исторических памятников г. Форт-Шевченко, связанных с именем великого поэта. Неутомимым энтузиастом этого является директор мемориального музея Т. Г. Шевченко Есбол Умирбаев.

Во время ссылки поэта среди адаевцев жили известные акыны Абыл и Нурым. Возможно, Кобзарь не раз слушал их импровизации. Тогда же здесь побывал народный композитор Курмангазы и сочинил известный кюй «Адай», возможно, они были знакомы. Косвенно догадки подтверждают рисунки Шевченко, на которых изображены казахи с национальным музыкальным инструментом — домброй.

В письмах и записях поэта встречаются имена Агау, Алмакул и др. Вероятно, они написаны неправильно, следовало бы Асау и Алимкул. В истории казахского народа известен человек по имени Асау по фамилии Турланов. Он был сподвижником руководителей восстания Исатая Таймапова и Махамбета Утемисова. Асау популярен и любим в народе как стойкий и отважный человек.

Еще за десять лет до прибытия Шевченко в Новопетровское укрепление в этих краях побывал английский резидент в Персии и Афганистане Джеймс Аббот, пропикший сюда со стороны Хивы. Казахский батыр Сююнкара Ургешбаев с сыновьями и родственниками пленил английского разведчика, передал его и сопровождавших лиц оренбургским властям. Степняки почувствовали, что иноплеменцы появились здесь неспроста. Об этом случае Кобзарю рассказывали сами казахи.

О пребывании Шевченко в 1850—1857 гг. на Мангышлаке написаны книги, статьи и очерки. Намного меньше мы знаем о памятных местах на пути его следования от Оренбурга до берегов Аральского моря в 1848 г. «Великий поэт и замуштрованный солдат, преждевременно состарившийся от каторжной муки», — как писал о Шевченко К. Паустовский, в составе экспедиции Бутакова пересек нынешние Актюбинскую и Кызыл-Ординскую области на верблюдах и пешком. И, конечно, на этом пути он видел многое.

Я решил побывать в этих местах и отправился туда в 1984 г. с художником М. Т. Ержановым. Прибыли мы на станцию Челкар и отсюда решили добраться до Иргиза и Карабутака, в которых побывал Т. Шевченко, следуя в Кос-Арал. В Челкаре мы невольно задержались. Этот город интересен памятными событиями прошлого. 11 ноября 1918 г. сюда со своим отрядом прибыл казахский революционер Алиби Джангильдин. На улице Ленина есть мемориальная доска об этом. Здесь жил и работал выдающийся казахский советский композитор и музыковед Ахмет Жубанов. В совхозе «Сарыбулак» Челкарского района сохранился надмогильный памятник Есету Котибарову и его сыну Дарибаю, отважным сподвижникам И. Тайманова.

Из Челкара в Иргиз поехали автобусом. Степь без конца и края... Проживший год «среди отчаяния, сивухи, безвестности... в Орске», Тарас был рад своему путешествию по певедомым пространствам земли казахской. Позади остались, хотя и на время, солдатская муштра и казарменная вонь, издевательства и кандальная тоска в крепости.

Вероятно, Шевченко с интересом знакомился с каждым населенным пунктом. Вот Иргиз. В нем бывали многие известные путешественники. Когда-то здесь проходил самый удобный караванный путь из России в Бухару и Хиву. Вот как пишет царский сановник И.Ф. Бларамберг об открытии в 1845 г. форта Уральский, с которого и начинался г. Иргиз: «Во время экспедиции 1841 г. мне запомнилось одно место, холм Жар-Молла на высоком правом берегу Иргиза, господствующий над местностью; он был виден издалека по четырем или пяти высоким могильникам. Я направился туда, пересек по мелководью Иргиз, нашел Жар-Молла (этот район находился примерно в 400 верстах от Орска) и велел сделать подробную съемку. В течение двух дней мы обследовали все окрестности в поисках более подходящего места, но напрасно.

Течение Иргиза здесь медленное, но он не подвержен неожиданным разливам. Разливается река только весной, когда тают снега; правый берег очень высокий и обрывистый, в то время как с левой стороны простирается необозримая степь. Холм Жар-Молла полого спускается к югу, так что со всех сторон был отличный обзор. Почва — глина и песок вперемежку с солью. На берегах больших озер, расположенных неподалеку от холма, я обнаружил много камыша, который можно использовать как топливо, и соль. Здесь было практически все необходимое для основания форта и поселения».

Затем царский сановник продолжает:

«...За четыре-пять недель на высоком берегу Иргиза поднялся форт. Здания с дверьми и окнами, конюшни, крытые камышом, говорили удивленным кочевникам, что здесь брошено зерно цивилизации, которое должно принести новую жизнь в эту глухую и пустынную местность».

И. Бларамберг восторженно описывает прибытие в форт оренбургского генерал-губернатора В. А. Обручева. «26-го (августа), рано утром, я в полевой форме с шарфом, сопровождаемый небольшой свитой, вышел навстречу генералу Обручеву. ...Начищенные до блеска пушки сверкали в лучах утреннего солнца, оба высоких бастиона и вал, покрытые дерном, выделялись на фоне серой степи, а над постройками возвышался сложенный в большие штабеля провиант, накрытый тиком... Когда начальник переехал по мосту через ров, караул отдал ему честь, а солдаты, выстроенные вдоль вала, встретили его громким „Ура!“».

...30 августа, в день святого Александра новый форт был торжественно открыт. Священник совершил благодарственное богослужение, окропил валы и бастион святой водой. Было дано сто

залпов из орудий. Затем для множества собравшихся здесь киргизов устроили праздничный обед, раздали им подарки, а вечером устроили фейерверк».

Это официальное описание событий отражает военно-чиновничье воззрение сановника царской России. Теперь познакомимся с мнением об этом форте солдата в неволе, поэта и художника Тараса Шевченко. В своей повести «Близнецы» Тарас Григорьевич подробно описывает свои чувства, вызванные открывшимся ему видом Иргиз-калы:

«Никогда не забуду того грустного впечатления, какое произвел на меня вид этого укрепления. Верст за пятнадцать мы увидели на возвышенности кучку чего-то неопределенного, и на спрос наш у вожака, что это такое, он нам ответил: „Иргиз-кала”.

Мы подошли на такое расстояние, что можно было ясно различать предметы. Представьте себе на сером фоне кучку серых мазапок с камышовыми кровлями, обнесенную земляным валом. Это было первое мною виденное степное укрепление, поразившее меня так неприятно своею грустною наружностью. И действительно, оно издали больше похоже на загоны или кошары, чем на жилище людей».

Любопытно, что спустя почти полвека шведский путешественник Свен Гедин в своей книге «В сердце Азии» написал такие строки: «Иргиз — укрепление; комендант — уездный начальник. В местечке есть небольшая церковь, живет здесь, включая гарнизон, до тысячи душ; самый гарнизон состоит из 150 человек; из них 70 оренбургские казаки. Большинство жителей купцы-сарты, которые время от времени присажкают сюда вести меновую торговлю с киргизами (казахами. — А. С.)».

Уместно добавить, что в 1856 г. в Иргизе начала работать первая на территории Казахстана метеорологическая станция, в 1868 г. Иргизу был присвоен статус города.

В 1874 г. выдающийся казахский просветитель Ибрай Алтынсарин открыл здесь четырехклассное русско-казахское училище, а в 1887 г. по его же инициативе было организовано первое в крае училище для казахских девушек.

На месте одного из бастионов бывшего укрепления сегодня находятся четыре школы: общеобразовательная имени И. Алтынсарина, музыкальная, спортивная и десятилетка. Во дворе школы имени И. Алтынсарина сохранилось единственное строение прошлого столетия — караульное помещение порохового склада. На этом месте в 1848 г. паверняка стоял на часах и Тарас Шевченко.

Неизвестно, был ли ссыльный поэт в местности Майтобе. Если и был, едва ли он знал, что здесь сто с лишним лет назад произошло важное историческое событие для судеб казахского народа. Сейчас в этой местности установлен памятный знак: на сооружении, похожем на ханский троп, висит мраморная доска с текстом на казахском и русском языках такого содержания: «Здесь 10 октября 1731 года подписан документ о добровольном присоедине-

нии Казахстана к России. 10.X.1981». Этот памятник поставлен в честь 250-летия добровольного присоединения Казахстана к России.

Внимание поэта и художника не могли не привлечь оригинальные сооружения степных умельцев — пагробные памятники. Наиболее высокохудожественный из них мавзолеей Алмат.

Это сложное по структуре многокамерное сооружение. Вход в него расположен на углу южного фасада и представляет собой сводчатый коридор, проходящий вдоль восточной степы и ведущий в промежуточную камеру, после чего коридор сворачивает вправо и выходит к центральной, округлой в плане, камере. Данное помещение имеет купол и открывается низкими арочными просмами в пять соседних камер, которые также перекрыты куполами. Арки проемов полуциркульные. Во всех камерах — склепы для захоронения.

Фриз центрального зала украшен декоративными поясками, между которыми встроены ганчевые плитки со штампованным орнаментом. Снаружи памятник также декорирован. Он сооружен в середине прошлого века.

Мавзолеей сохраняет культовые следы ритуалов захоронения зороастризма. Он является образцом мастерства казахских зодчих и свидетельствует об их больших творческих возможностях.

Рядом с мавзолеем расположены более скромные пагробные сооружения — сырцовые оградки с художественными стелами — куллытасами. Они высечены из песчаника твердой породы, покрыты плоскорельефной резьбой, эпитафией. Аналогичные памятники встречаются и в местности Уш-батыр.

Следуя далее, в Карабутак, мы побывали на четвертой ферме совхоза имени М. И. Калинина. Старое название местности — Карасай, около аула протекает речка Талдык, а за нею — Ирғиз. Вдали виден холм Бесмола, примерно в 25 км от него Мени-тобе, на котором был Тарас Шевченко.

В районном центре расположен совхоз имени Т. Г. Шевченко. Здесь и школа носит его имя. В центре поселка стоит памятник Кобзарю. Есть и мемориальная доска с надписью: «В мае 1848 года в Карабутаке находился ссыльный Т. Г. Шевченко — великий украинский поэт-демократ».

В строительстве форта Карабутак деятельное участие принимал друг Тараса Шевченко Карл Иванович Герн, штабс-капитан Отдельного Оренбургского корпуса. Он был из обедневших дворян родом из Латвии. В Оренбурге у него бывали С. Сераковский, Б. Залесский, Л. Турно и другие ссыльные поляки.

В мае 1847 г. К. И. Герн отправился в казахские степи для осмотра Оренбургского (Тургай) и Уральского (Ирғиз) укреплений, а также возведения нового укрепления Раим. В середине августа, вернувшись в Оренбург, он узнает о Тарасе Шевченко, уже полтора месяца назад отправленном из Оренбурга в Орскую крепость. Герн обращается к бригадному генералу Л. И. Федяеву

с просьбой облегчить участь поэта. Личное знакомство Тараса Шевченко и Карла Герна, как предполагают исследователи жизни и творчества поэта, состоялось в Орской крепости, а точнее всего (по повести самого Шевченко) — на реке Карабутак. В формулярном списке Герна записано: «1848 г., мая 2-го был командирован в Киргизскую степь для возведения форта между Орскою крепостью и Уральским укреплением на реке Карабутак. Поручение это исполнил с особенным усердием и точностью, возвратился в Оренбург 14—20 июля того же года...»

В повести «Близнецы» Тарас Шевченко так описывает эти события: «Мы остановились на речке Карабутаке, вблизи воздвигавшегося в то время форта. Здесь у нас была дневка. И как с нами следовал священник, то на другой день был пет молебен и освящено место для форта. Меня, в числе других, пригласил строитель форта разделить его походный обед в кибитке, и здесь-то я познакомился с ним (т. е. с К. И. Герном.— А. С.), единственным человеком во всем безлюдном Оренбургском крае. После долгой, самой душевной беседы мы с ним расстались уже ночью. На дорожку подарил он мне бутылку астрогону и пару лимонов, драгоценный дар в такой пустыне, каковы Кара-Кумы, где я оценил эту драгоценность по достоинству.»

Известно, что в состав экспедиции на Аральское море ссыльный поэт Шевченко был зачислен летом 1848 г. благодаря усилиям оренбургских друзей — образованных офицеров. Экспедицией руководил географ и моряк лейтенант Алексей Бутаков, помощником был воспитанник Военной академии Генерального штаба 25-летний штабс-капитан Алексей Макшеев. Они принадлежали к передовой части русского офицерства 40-х годов. Целью экспедиции были выяснение судоходности Аральского моря (Бутаков вез с собой шхуну «Константин» и команду к ней) и закладка нового укрепления на берегу Сырдарьи в местности Раим.

Главный транспорт Аральской экспедиции, в которой были А. Бутаков, А. Макшеев, Т. Шевченко, выступил из Орска утром 11 мая 1848 г. «1500 подвод,— повествует необычайно точный в своих описаниях А. Макшеев,— выстроились по направлению пути в две линии, каждая в три нити, и заняли в глубину более версты. Рота пехоты с двумя орудиями поместилась впереди между линиями, а две сотни казаков по бокам и сзади. Отслужили напутственный молебен, и транспорт тронулся. Корпусный командир проводил его версты три, и потом, став со свитой на возвышенности, пропустил его мимо себя и простился со всеми.»

Впереди транспорта, отдельно от своей роты, пешком, потому что верховая езда была тяжела, шел в штатском стареньком пальто Шевченко. «Он был весел,— вспоминает А. Макшеев,— и, по-видимому, очень доволен раздольем степи и переменою положения. Походная обстановка его нисколько не тяготила...»

После закладки форта на берегу речки Карабутак в нем остался гарнизон во главе с К. И. Герном.

Сегодня на высокой скале лежат развалины этой крепости. Видны остатки стен из красного жженого кирпича, встречаются обломки стеклянной и фарфоровой посуды, железные скобы, поржавевшие гвозди. Примерно в 200 м от крепости было поселение, причем довольно большое, что подтверждают остатки стен домов.

Вернемся к дням закладки форта Карабутак.

В кабинете строителя Карабутакского форта К. И. Герна (он с отрядом прибыл сюда на десять дней раньше основного транспорта) состоялась долгая, задушевная беседа Шевченко, как поэт признавался, «с единственным человеком во всем безлюдном Оренбургском крае». Она сблизила этих людей и заложила фундамент их прочной дружбы, украсившей жизнь поэта в зиму 1849/50 г.

Местность около форта пустынная. В 1849 г. здесь поселили четыре семьи оренбургских казаков, через год осталось только две. Переселенцы пробовали заниматься земледелием, но неурожаи охладили их пыл — к 1861 г. они уже не сеяли хлеб.

Вокруг форта Карабутак ежегодно зимовали многочисленные казахские аулы, в надежде на защиту русских в случае нападения хивинцев. Летом они откочевывали на свои джайляу. К 1884 г. в Карабутаке вместе с гарнизоном в 177 солдат проживало 239 человек. Здесь имелось десять лавок, деревянная церковь, 66 домов и 9 нежилых строений. К концу века численность населения снизилась. Вот что писал о Карабутаке Свен Гедин: «...Состоит всего из 33 домов; живут в нем десятка три русских, да сотня татар и несколько киргизов. Командует фортом воинский пачальник: у него 84 солдата».

Далее наш путь шел через молодой город горняков Хромтау. Здесь вспоминаются пророческие слова великого Кобзара о том, что «все это пространство усыпано кварцем. Отчего никому в голову не придет на берегах этих речек поискать золота? Может быть, и в киргизской степи возник бы новый Санто-Франциско. Почему знать?»

Как художник и человек высокой духовной культуры он живо интересовался окружающей природой и любовался неповторимыми пейзажами бескрайней степи.

Очень поэтично и сердечно он описал свою встречу со священным деревом («жангиз-агач»): «В половине перехода я заметил: люди пачали отделяться от транспорта, кто на коне, а кто пешком. И все в одном направлении. Я спросил о причине ехавшего около меня башкирского тюря, и он сказал мне, указывая пагайкою на темную точку: „Маца ауля агач“ (здесь святое дерево) ...Как? В этой мертвой пустыне дерево? И уж, конечно, коли оно существует, так должно быть святое. За толпою любопытных я пустил своего воронка. Действительно, верстах в двух от дороги, в ложбине, зеленело тополевое старое дерево. Я застал уже вокруг него порядочную толпу, с удивлением и даже (так мне казалось) с благоговением смотревшую на зеленую гостью пустыни. Вокруг

дерева и на ветках его навешано пабожными киргизами кусочки разноцветных материй, ленточки, пасма крашенных лошадиных волос и самая богатая жертва — это шкура дикой кошки, крепко привязанная к ветке.

...Я последний уехал от дерева и долго еще оглядывался, как бы не веря виденному мною чуду. Я оглянулся еще раз и остановил коня, чтобы в последний раз полюбоваться на боготворенно-го зеленого великана пустыни. Подул легонький ветерок, и великан приветливо кивнул мне своей кудрявой головою. А я, в забытьи, как бы живому существу проговорил: „Прощай” — и тихо поехал за скрывшимся в пыли транспортом».

Эта встреча со священным деревом и затем пожар в степи навели поэта на мысль написать замечательное стихотворение «Топор был за дверью у господ бога», а также акварельные картины «Жангиз-агач» и «Пожар в степи».

Вот что рассказал нам о сегодняшнем состоянии «жангиз-агача» наш спутник, краевед Бактыгали Алмурзаев:

— Священное дерево, воспетое, описанное и нарисованное великим украинским поэтом, находится в долине старого русла реки Ор, в стороне от дороги, что идет от города горняков Хромтау на Карабутах.

«Жангиз-агачу» — больше двух веков. Кора зеленого великана потемнела, во многих местах отпала, в стволе, равном двум обхватам, образовалось дупло, некоторые ветви высохли. Одним словом, старый аксакал-дерево совсем одряхлел, но цепко держится за жизнь, не хочет умирать, его крона по-прежнему зеленеет все лето, шестист сербристо-бархатной листвой.

Пять-шесть лет тому назад какой-то заботливый казах обрезал высохшие сучья, побелил ствол известью, обмазал старые раны красильным суриком и садовым варом. И на ветвях «жангиз-агача» появились новые побеги, гуще стала его крона.

Сегодня к «жангиз-агачу» приходят пионеры и комсомольцы. К 150-летию великого Кобзаря школьники и комсомольцы г. Хромтау и ближайших совхозов посадили вокруг него новые деревья. И они растут, с каждым годом набирают силу, шумят молодой листвой. Это место стало садом дружбы и молодости, и он принесит людям радость, как светлая память о великом поэте, как символ вечного обновления жизни.

Пожар в степи, видимо, очень взволновал Тараса Шевченко. Он описал его так: «Пожар был все еще впереди нас, и мы могли видеть только один дым, а пламя еще не показывалось из-за горизонта. С закатом солнца начал освещаться горизонт бледным заревом. С приближением почти зарево краснело и к нам близилось. Из-за темной горизонтальной, чуть-чуть кое-где изогнутой линии начали показываться красные струи и язычки. В транспорте все затихло, как бы ожидая чего-то необыкновенного. И, действительно, невиданная картина представилась моим изумленным очам. Все пространство, виденное мною днем, как бы расши-

рилось и облилось огненными струями почти в параллельных направлениях. Чудная, неописанная картина!»

Могучий талант художника Шевченко запечатлел яркую картину степного пожара, а его поэтический дар передал эту картину в символических строках, которые по смыслу близки с давней казахской легендой о топоре и топориче. В ней рассказывается, что в очень далекие времена топор, как-то вырвавшись из рук человека, начал крошить лес. И лес застал: «Нет житья от топора. Все рубит и рубит...» У леса спросили: «А из чего сделал топор?» «Из железа», — отвечает лес. «Если только из железа, ему пора бы и утихомириться. Видимо, и от тебя самого что-то есть в топоре, иначе он бы усмирился?». Лес, подумав, догадался, что топориче-то сделано из дерева. Потому-то топор так беспощаден...

Такую притчу, возможно, в ином изложении слышал и Тарас. Но поэт по-своему повернул основную канву притчи и оригинально использовал ее в стихотворении «Топор был за дверью у господ бога».

Картина Шевченко «Пожар в степи» имеет не только художественное, но и историческое значение, отражает одну из интересных деталей кочевой жизни казахов.

В Актюбинской области бережно относятся к памяти великого украинского поэта, его именем названы совхозы, школы, улицы городов и сел. Актюбинский поэт Мухтар Курманалин в 1979 г. участвовал в празднике «Шевченковский март», устраиваемом ежегодно в Орске.

«Прощупав землю ногами», как выражался Шевченко, по местам, где он проходил около ста сорока лет назад, мы прибыли в Актюбинск. С удовлетворением узнали, что Актюбинский областной совет Общества охраны памятников истории и культуры совместно с областной библиотекой и музеем готовят развернутую экспозицию «Великий украинский поэт Тарас Шевченко в Актюбинской области». В этой работе принимают активное участие краеведы Карабутацкого и Иргизского районов.

Шевченковские места святы. Известный писатель Ануар Алимжанов, молодой ученый филолог Мурат Ауэзов и я посетили бывшее Раимское укрепление, побывали на острове Барса-Кельмес, в городе Аральске — и всюду видели, что шевченковские места охраняются с любовью.

Участие в Аральской экспедиции на время позволило поэту забыть, почувствовать себя свободным человеком. На шхуне «Константин» он жил в одной каюте с офицерами. Но после летних работ настала тяжелая зимовка в Кос-Арале, и Тарас Григорьевич, мучимый цингой и бессонницей, вновь томился безысходной тоской и одиночеством.

«Туманная луна, — пишет К. Паустовский, — подымалась над Голодной степью, — там лежали неведомые страны, откуда Сырдарья несла мутную и мертвую воду.

Шевченко выходил по почам на палубу и тихо, чтобы не слы-

шал капитан, пел любимые украинские песни, — томился, вспоминая об Украине. Слушал эти песни только вахтенный матрос. А пел Шевченко прекрасно...

Трещали камыши, холодная ночь простиралась над миром, и одиночество камнем лежало на сердце. Иногда в такие ночи великий поэт и замуштрованный солдат, преждевременно состарившийся от каторжной муки, плакал, сидя на палубе шхуны, и вытирал глаза рукавом колючей шинели. Плакал о своей доле, милых друзьях, о заброшенности и бесполезности среди окружающих его равнодушных, казенных людей».

Казахские поэты и писатели посвятили великой дружбе украинского и казахского народов, великому украинскому Кобзарю немало произведений. Это — стихи и поэмы Джамбула, Сакена Сейфуллина, Ильяса Джансугурова, Абдильды Тажибаева. Многократно издавались стихи Тараса Шевченко в переводе на казахский язык. Издана книга стихов Кобзаря и на одном из древнейших языков — на уйгурском. Мухтар Ауэзов писал: «Тарас Шевченко принадлежит к славному племю тех сынов человечества, которые являют собой и светлый итог прошлого своего народа, пройденного им исторического пути, и великую надежду, творческую созидательную волю народа, направленную в грядущее.

...Шевченко не только наблюдал злую судьбу казахов, их жизнь, их национальный быт. Он запечатлевал степь и ее обитателей как поэт и художник-живописец. Сып угнетенной Украины, сосланный на древнюю землю казахов, живший среди них целое десятилетие, он терзался их горем, горем обездоленных, гонимых...

Такие личности, как Шевченко, заполняют собой пустыньность иных веков.

Счастлив украинский народ, воспетый в самую трагическую пору прошлого голосом Великого Кобзаря, брата нашего, друга нашего». Эти проникновенные строки волнуют каждого современника.

Мы горды тем, что живем в братской семье народов, о которой с прозорливостью ясновидца говорил и мечтал великий украинский поэт Тарас Шевченко:

И на воспрянувшей земле.
Врага не будет, супостата,
А будут сын и мать, и свято
Жить будут люди на земле.

Древний и средневековый Отрар

Недалеко от впадения прозрачной Арыси в желтые воды Сырдарьи лежат развалины города, слава и величие которого пережили века. Имя его Отрар.

Район среднего течения Сырдарьи издавна был узловым в Южном Казахстане. Местоположение Отрара при впадении Арыси в Сырдарью и в то же время вблизи предгорий Каратау сделало его, с одной стороны, центром большого земледельческого района, а с другой, — одной из опорных крепостей кочевников. От Отрара по Арыси шли дороги к Таразу, Баласагуну и далее в Восточный Туркестан. По Сырдарье вверх издревле следовали в Шаш, Согд и далее к Мерву и Нишапуру. Вниз дорога вела в Приаралье и на Урал. На запад через Кызылкумы проходил путь в Хорезм и далее в Поволжье, Русь, Причерноморье и на Кавказ. «Трудно, — как заметил известный советский археолог А. Н. Бернштам, — найти в Средней Азии более выгодное и более опасное положение». Не случайно об Отраре упоминают многие известные средневековые географы и историки. О нем писали Ибн Хаукаль и Ал-Макдиси, Ал-Истахри и Махмуд Кашгарский, Джувейни и Рашид ад-дип, Рузбихан и Хафиз Таныш.

Руины Отрара давно привлекали к себе внимание. Слухи о сокровищах древних царей, о горах золотых монет и драгоценностях, погребенных в земле, всегда казались правдоподобными. Тем

более время от времени счастливицы находили здесь то обломок серебряного браслета, то удивительной формы сережку с потускневшим самоцветом, то рассыпавшуюся низку бирюзовых бус.

Многие пробовали копать клады. Врубались в толщу размытых и осыпавшихся крепостных стен, но нетмени вместо кружков желтого металла всякий раз выбрасывали па поверхность обломки проржавевших железных изделий, кости животных, черепки глиняных горшков.

Первые раскопки на Отраре провели в 1904 г. А. К. Кларе и А. А. Черкасов — члены Туркестанского кружка любителей археологии, организованного в конце XIX в. в Ташкенте. Исследователи надеялись выявить остатки дворцов, монументальных сооружений, но были разочарованы: им попадались в основном обломки керамики, стекла, жженые кирпичи и медные монеты, сенсационных открытий не было.

После этого Отрар долгое время оставался в стороне от маршрутов археологических экспедиций, лишь в конце 40-х годов Южно-Казахстанская археологическая экспедиция провела здесь небольшие рекогносцировочные работы. Даже они показали перспективность изучения Отрара как объекта, который поможет решить многие проблемы древней и средневековой истории Казахстана.

В 1969 г. была организована Отрарская археологическая экспедиция, в 1971 г. переименованная в Южно-Казахстанскую комплексную археологическую экспедицию АН КазССР. Основным объектом исследований выбрали городище Отрар-тобе.

За прошедшие с той поры годы работы получили богатый археологический материал, который вместе с данными письменных источников позволяет проследить основные этапы истории развития древнего политического, культурного и хозяйственного центра на Сырдарье.

Впервые название Отрар приводится известным историком ат-Табари в связи с событиями начала IX в. В это же время упоминается и другое название города и округа — Фараб. Культура Отрар — Фараба эпохи средневековья возникла не на пустом месте, она расцвела на основе достижений предшествующего периода. Исторический экскурс устанавливает политическую преемственность Отрара — Фараба.

В Авесте — цикле различных по происхождению и содержанию мифов, сказаний и религиозных текстов иноязычных племен Средней Азии и Восточного Ирана — встречается название Канги. Древний герой иранцев «могучий воитель Туса» просит богиню-покровительницу о победе «в Канга, высокой и священной».

Для уточнения Канги можно воспользоваться сообщениями других иноязычных источников.

В 138 г. до н. э. из Ханьской столицы в неведомые страны Запада вышел посольский караван императора У-ди во главе с князем Чжан-Цянь. Путешественник, возвратившись домой через 13

лет, составил докладную записку, открывшую для Китая целый мир городских цивилизаций и кочевых государств в Западном крае. Среди них было названо государство Кангюй, столица которого находилась в 2000 ли (800—900 км) на северо-запад от резиденции усуньского гуньмо. Поскольку точно определено местонахождение усуней в Семиречье, то локализация Кангюя может быть уточнена. Это район среднего течения Сырдарьи. Поэтому не вызывает сомнения тождество Канги Авесты и Кангюя Ханьских хроник.

Дополнительным аргументом в пользу локализации Канги на средней Сырдарье является эпизод из «Шахнамэ», описанный в IX в. великим Фирдоуси. В своей поэме он освещает исторические события, происходившие на территории Средней Азии и Восточного Ирана. Множество названных в поэме гор, рек, городов приурочивается к конкретным географическим ориентирам. Канга, например, упоминается в поэме как столица легендарного Афрасиаба и помещается по ту сторону реки Гульзарриоп (Сырдарья) за Шашем и Испиджабом, именно в районе среднего течения Сырдарьи. Кангюй встречается и в рунических надписях в честь Могилына и Бильге-кагана. В них западной границей походов тюрков названа местность Кангу — Тарбан. Как установили исследователи, область Кангу — Тарбан находилась также на средней Сырдарье, под ней понимается более ранний Кангюй.

Название Тарбад (Тарбан) приводится в сочинениях арабских историков и географов IX в.: Ал-Азраки и Ал-Белазури. Четкое определение Тарбана (Турарбанда) дает арабский географ XIII в. Якут. Он пишет в своем знаменитом географическом словаре: «Турар-бад... город за Сейханом (Сырдарьей)... Народ этой страны по-разному произносит это имя, и они говорят Турар и Отрар». Следовательно, Тарбан, Турарбанд — это ранние названия Отрара.

Таким образом, истоки развитой средневековой материальной и духовной культуры Отрара восходят к самобытной культуре кангюйских племен.

Исследования показали, что в конце I тысячелетия до н. э. — в первой половине I тысячелетия н. э. на Сырдарье и на юге Казахстана сложилась своеобразная оседло-скотоводческая цивилизация. Население обитало в укрепленных поселениях и городах, умело строить монументальные сооружения, стационарные жилища. Кангюйцы занимались хлебопашеством, садоводством, огородничеством в сочетании со скотоводством, охотой и рыболовством. Они формовали разнообразную глиняную посуду, плавил железо, из которого делали длинные мечи, ножи, наконечники стрел. Из бронзы, золота, цветных камней ювелиры изготавливали украшения и амулеты, из кости — всевозможные заколки, булавки, застежки. Культура местных племен способствовала формированию средневековых феодальных городов.

Раскопки Отрара и памятников оазиса VII—VIII вв. убеждают в том, что здесь образовалось раннефеодальное владение. О его

политической значимости в определенной мере свидетельствует монетный двор. На аверсе местных монет изображена тамга в виде лука, на реверсе — шагающий лев.

Уникальные материалы получены при раскопках городища Куйрук-тобе, одного из самых крупных памятников Отрарского оазиса. Работы велись на нескольких объектах — в жилых кварталах X—XII вв. и в комплексе железоплавильных мастерских и кирпичеобжигательных печей XIII—XV вв. Но наиболее интересны результаты раскопок дворца правителя, расположенного в цитадели городища. Дворец датируется VII—IX вв. Он погиб от пожара и позднее был перестроен. Сохранилось лишь несколько помещений и парадный, или тронный, зал площадью около 160 кв. м, относимый к первоначальной постройке.

После снятия слоя золы на полу зала найдены обуглившиеся деревянные доски с резными изображениями различных сюжетов, видимо, связанных с жизнью обитателей замка. Например, на одной доске изображена, по-видимому, сцена сватовства. В центре ее — знатные мужчина и женщина с широкими лицами, плоскими носами и узкими глазами. На мужчине — халат такого же покроя, в какой обычно «одеты» древнетюркские каменные изваяния, так называемые балбалы. На другой доске плохой сохранности вырезаны два стоящих на коленях человека возле ног лошадей, головы которых повернуты в противоположные стороны.

Интересна доска с изображением сцен осады замка, стены его завершают зубцы в виде пирамиды. Со стены защитники замка ведут стрельбу из луков. В центре композиции находится фигура божества с поднятыми вверх руками, на ладонях у нее лежат солнце и луна. Налицо переплетение сцены светского содержания с мифологическими мотивами. Последние имеют аналогии в иконографии религий, распространенных в раннем средневековье в странах Востока. Божество с луной и солнцем в руках, видимо, связано с астрологическими культами. Подобные сюжеты встречаются и в буддийской живописи.

Остается непонятной сцена на самой лучшей по сохранности доске: под двумя арками помещено по персонажу. Погрудное изображение, расположенное слева от зрителя, увенчано зубчатой короной. В правой, согнутой в локте руке персонаж держит жезл, увенчанный трилистником, а в левой на ладони — сосуд или ларец с зубчатым краем. В углах арки вырезаны головы грифонов. У персонажа слева на голове плоская шапочка с кокардой в виде четырехлепестковой розетки, из-под которой на плечи ниспадают завитые пряди волос. В правой руке фигура держит какой-то конический предмет, левая опущена, что в ней, непонятно. По углам этой арки — головы баранов с закрученными рогами. Кто изображен на доске, божества или представители феодальной знати, не ясно. Если обратиться к источникам, то в них можно найти описания тронов раннесредневековых владетелей в виде львов, верблюдов, баранов. Возможно, головы грифона и барана — детали тро-

пов, на которых сидят описанные персонажи. В таком случае на доске изображены представители царствующего дома.

Не вызывает сомнения и этнический облик фигур, их тюркские черты очевидны и подчеркнуты. Возникает вопрос, каким из тюркских племен оставлен памятник, кто изображен на резных досках?

Можно считать, что в начале VIII в. на средней Сырдарье, в районе Отрарского оазиса, сформировалось раннесредневековое тюркское объединение Кангу — Тарбан. Это подтверждают и древнетюркские рунические надписи.

Политическое господство в Кангу — Тарбани принадлежало тюркским племенам кангаров-кенгересов, которые, видимо, были потомками кангюйцев. Известно и другое название кангаров — печенеги, так именуют их византийские источники. Взаимоотношения печенегов с Византией и Киевской Русью хорошо известны. Очевидно, именно печенежская знать изображена на деревянной доске из парадного зала цитадели Куйрук-тобе. Однако правомерно и другое объяснение. Во второй половине VIII в. господство в Семиречье и на юге Казахстана перешло к тюркским племенам карлуков. В описаниях, сохранившихся в арабоязычной исторической литературе, есть эпизод об отказе карлукского царя Отрарбенда платить подать арабам. И тогда, сообщают средневековые авторы, арабский полководец Хасан ибн-Сахль «постарался овладеть областью Отрар; он убил начальника пограничной местности и взял в плен сыновей карлукского джабгу с его женами...» Это событие относится к началу IX в. Возможно, именно во время этого похода и была взята штурмом цитадель Куйрук-тобе, в огне погиб дворец, остатки интрьера которого обнаружил археолог спустя десять столетий. Если исходить из этих сведений, то, вероятно, на резных досках изображены турки-карлуки.

В IX—X вв. начинается новый период в истории Средней Азии и Казахстана. Вторжение арабов принесло с собой новую религию, новый государственный язык и письмо. Образование государства — Халифата, внутри которого укрепляются культурные и экономические связи между отдельными областями, привело к изменениям в духовной и материальной культуре.

В это время начинается интенсивное сближение культур отдельных областей, складывается культурное единство от Багдада до Южного Казахстана и Семиречья. Многочисленные торговые поездки, странствия ученых в «поисках знания» расширяли кругозор людей, способствовали распространению достижений ремесел, науки и искусства. В условиях общего экономического подъема растут и развиваются города: они увеличиваются не только численно, но и территориально. В этих условиях появляются выдающиеся ученые и в их числе знаменитый энциклопедист Абу Наср Аль-Фараби, родиной которого был небольшой городок Весидж, находившийся в округе Отрар — Фараб.

В IX—X вв. происходят также этнические перемещения. Кангаров частично вытесняют огузы и карлуки. Не случайно Ибн

Хордадбех пишет: «А в городе Фарабе находится одновременно отряды мусульман и тюрок-карлуков».

В конце IX — начале X в. складывается держава сырдарьинских огузов, столицей которой становится Янгикент, расположенный в низовьях реки. Огузы заняли среднее течение Сырдарьи, долину Арыси и предгорья Каратау. Им подчинились города Сауран, Сюткент, Арсубаникент, Карачук и Фараб. Кроме ябгу у огузов было несколько царей или князей. Они резидировали в городах, в которых хранились продовольствие и казна. В этот период роль столичного города-округа переходит от Фараба к Кедеру. Это был крупный город, который мог выставить до 70 тысяч войск, он имел соборную мечеть в шахристане, базары в рабаде. Кедер стал одной из резиденций огузов. Поиски его развалин позволили отождествить этот город с городищем Куйрук-тобе.

В конце X в. государство огузов гибнет под ударами кипчакских племен. Вновь центром среднесырдарьинского региона становится Отрар. В XI—XII вв. наблюдается подъем городской жизни на юге Казахстана. Возникают новые города, растут старые. Происходит расширение ремесленного производства, увеличивается ассортимент керамики, улучшается ее качество. Изобретение свинцовой поливы и монохромных росписей расширяет возможности местных гончаров. Увеличивается объем торговли, налаживаются связи внутри области, а также с ведущими центрами Средней Азии и Казахстана. Наряду с Отраром развиваются города его округа — Весидж, Бурук, Кедер.

Раскопки Отрара свидетельствуют о расцвете города в XI—XII вв. Собраны богатые коллекции поливной и неполивной керамики. По-прежнему в городе функционирует монетный двор. Площадь Отрара увеличивается в 10 раз, вместе с торгово-ремесленными предместьями он занимает 200 гектаров. Город благоустраивается, в нем появляется новинка — бани. Две из них вскрыты раскопками. Такой их тип просуществовал почти без изменений до позднего средневековья. Бани в плане имели крестовидную форму. В центре находилась массажная, а вокруг нее — помещения для мытья и для отдыха. Все отапливалось при помощи проложенных под полом жаропроводящих каналов.

Баня играла важную роль в жизни горожан. Известный востоковед И. Н. Орбели писал: «Баня на Востоке — предмет особой заботы градоправителя и цеховых организаций, и отдельного богача, устроившего баню для себя и для своих друзей. Потому что баня служит не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встречи и для дружеской беседы с приятелем, для встречи и разговора о купле и продаже, о торговой сделке и для показа мастерства в шахматах и пардах».

В результате раскопок выяснен характер застройки города в XI—XII вв., а также тип жилищца. Массивы тесно пристроенных друг к другу домов пересекали магистральные улицы. Городские

ворота находились с трех сторон: южной, северной и западной. Дома двух- и трехкомнатные рассчитаны на отдельную семью. В жилых комнатах площадью до 25 кв. м вдоль стен устроены высокие (0,4 м) суфы шириной 1—1,2 м. В центре, чуть ближе к входу, имелись напольные открытые очаги в виде прямоугольных, округлых или антропоморфных площадок с бортиками. В некоторых домах сложены тапдыры, по в отличие от более поздних без дымоходов. Интересны очаги типа сандалов, в которые насыпали горячие угли. Исходящее от них тепло обогревало помещения. Эти очаги нескольких типов — прямоугольные в виде керамических корытец, круглые наподобие тазиков с прямыми стенками. И те, и другие вкопаны в пол до уровня венчиков. Примечательна орнаментация очажков, она располагается обычно на дне, стенках и венчике. Орнамент наносился штампами, техникой выемчатой резьбы и налепа. Вот, например, как выглядит один из таких очажков. На дне его — три круглых оттиска штампа с изображением розетки. По внешнему диаметру папесепы щитовидные фигурки с изображением дерева внутри. Розетки соединены растительными побегами. Внутренние стенки украшены растительным орнаментом, имитирующим, видимо, камыш. На венчике имеется полоса вдавлений в виде деревьев.

Кроме утилитарного назначения — обогревать помещения, очажки выполняли и другую функцию. Исследователи единодушны в том, что они связаны с культом огня, истоки которого уходят в глубокую древность. В то же время они олицетворяли и культ домашнего очага, тесно связанного с культом предков и рода. Пержитки этих культов проявлялись у казахов еще в прошлом столетии. Казахи пазывали огонь «авлие» (святой), а также матью. Огнем клялись, приносили в жертву жир и ставили жертвенные свечи. Существование культа огня в Отраре в XII в. отмечено тогда, когда там уже господствовал ислам, но, как свидетельствуют археологические находки, ислам не исчерпывал всех духовно-религиозных представлений жителей средневекового города. Наряду с ним бытовали древние представления и верования, восходящие к эпохе кангюев и кангаров.

Расцвет города прервало монгольское нашествие. Он подвергся страшным разрушениям, часть населения была перебита, а часть уведена в рабство. Монгольская конница прокатилась опустошительной волной по всей территории Казахстана. Пришли в упадок города и селения. Следы погромов, пожаров характерны для культурных слоев начала XIII в. В результате многие города так и не смогли возродиться. И не случайно их верхней границей жизни археологи называют XIII в.

Но Отрар все же поднялся. К середине XIII столетия город превратился в крупный торговый центр на пути с Запада на Восток. Через него проходил путь из Ургенча на Алмалык и далее. Отрар опять стал известен как центр чеканки монет, которые имели широкое хождение в Средней Азии и на юге Казахстана.

В XIII—XIV вв. в городе были возведены крупные общественные сооружения. При хане Ерзене здесь построили медресе, ханаку и мечеть. Подтверждением значимости экономического роста Отрара может быть обнаруженный в 1974 г. клад серебряных изделий и монет. Клад содержал ювелирные украшения, браслеты, перстни, детали поясного набора, обломки чаш, бесформенные куски изделий, слитки и монеты.

Монеты все серебряные. Они самых различных типов, монетных дворов и дат чеканки. Более половины из них — серебряные дирхемы анонимного чекана Алмалыка, битые между 638 (1240/41) и 662 (1263/64) годами, а остальные — монетных дворов монгольской империи 40—60-х годов XIII в. Это — чеканка Эмиля, Пулада, Дженда, Кырма, Тебриза. находка такого клада в Отраре не случайна, она говорит о нем как о центре транзитных путей.

Раскопки слоев Отрара XIII—XIV вв. дали материал об известном экономическом подъеме города. В XIII в. вокруг шахристана возводится городская стена, поставленная на культурные слои, скрывшие разрушенную монголами городскую стену. Толщина ее достигала 3,5 м.

Исследован уникальный по своей значимости и богатству находок квартал гончаров второй половины XIII—XIV вв. Здесь выявлено девять мастерских. Каждая имела общие и отличные черты от другой. Обычно мастерская состояла из двух и более помещений. В них размещались гончарный станок — основное орудие производства ремесленника, площадки для сушки изделий перед обжигом, различные отсеки-ящички из жженого кирпича для глины и красителей, производственные площадки, колодцы. Конечно, гончарные станки не сохранились, но по остаткам углублений, где они стояли, их месторасположение определяется точно.

Во дворах мастерских устраивались двухъярусные обжигательные горны, откуда после обжига выходили яркие глазурованные чаши и пиалы, изящные звонкие кувшины и кувшинчики, огромные бочковидные хумы — сосуды для хранения зерна, муки и других продуктов. Здесь же обжигали игрушки — фигурки лошадок, детскую посуду.

Рядом с мастерской, соединяясь с ней проходами, находился двух-, трехкомнатный, с двориком или без него, домик гончара. В жилом помещении имелся очаг-тандыр с дымоходом, проложенным в суфе. На такой печи варили, пекли хлеб, она обогревала помещение.

При раскопках мастерских найдено много инструментов гончара. Это и костяные ножи для выравнивания поверхности изделия, костяные лоцила, грибовидные наковаленки для формовки стенок крупных сосудов и подставки для формования меньших сосудов, формы-калыбы для изготовления специальной «штампованной» керамики, у которой рельефный орнамент на стенках делали штампами с резным негативным изображением. Считается, что

искусство «штампованной» керамики возникло в подражание металлической посуде из золота, серебра и бронзы, украшенной чеканными рельефами. Благодаря применению таких штампов появилась удивительно изящная керамика с изображениями мягких, пластичных очертаний. Один из найденных кувшинчиков украшен идущими друг за другом лошадьми и гепардами. Лошади удлинённых пропорций, взнузданные и оседланные, их поводья привязаны к передней луке седла, на которой сидит сокол. Очень реалистично изображены гепарды, их нельзя спутать с другими хищниками: маленькие кошачьи головки посажены на высокую шею, туловище, похожее на собачье, на высоких ногах, закрученный спиралью хвост. Вне сомнения, кувшин выполнен незаурядным художником-керамистом.

При раскопках мастерских собраны богатые коллекции керамики. Это поливные чаши, блюда. Полива прозрачная желтая, розовая, зеленая, коричневая, голубая. Росписи в виде растительных и геометрических узоров нанесены красной, коричневой, зеленой, синей и черной красками. Интересную группу керамики составляют чираги — светильники обычно ладьевидной формы с выделенной для удобства переноски выступом-пяткой. Это своеобразный орнаментальный акцент изделия. На ней изображены цветок граната, пальметта, фигура козла, сайги, птицы. Чираги покрывались зеленой, коричневой, голубой и синей глазуриями.

По характеру и назначению собранной керамики стало возможным определить специализацию гончаров. Одни из них изготавливали в основном кувшины и кумганы, другие — штампованную, третьи — поливную посуду. Среди мастеров были люди разной обеспеченности. Об этом можно судить по размерам мастерских, количеству печей, находкам монет, изделий из металла и стекла. Гончары, скорее всего, объединялись в цеховые организации, во главе которых стояли старшие мастера, или, как их называли, аксакалы. Последние регулировали взаимоотношения между мастерами и подмастерьями, устанавливали цены на продукцию. Как правило, главы цехов избирались из наиболее богатых и влиятельных мастеров.

Во второй половине XIV в. Южный Казахстан вошел в державу Тимура. В Отраре, Сауране, Сыгнаке и Сузаке разместились военные гарнизоны. Именно в Отраре Тимур готовил армию к походу на Восток, и здесь же в феврале 1405 г. он простудился и умер.

В эпоху Тимура обстановка в бывших монгольских владениях несколько стабилизировалась. При нем был построен грандиозный мавзолей Ахмеда Ясави в Туркестане. В Отраре с именем Тимура связывают сооружение мавзолея над могилой учителя Ахмеда Ясави — святого Арслап-баба.

Смерть Тимура стала прологом новых междоусобиц и феодальных войн. В середине XV в. энергичный степной хан Абулхайр подчинил себе многочисленные племена Дашт-и Кипчака и

возглавил новое феодальное владение — Узбекское ханство. Однако власть его была непрочной. Абулхайру противостояли потомки Джучи — казахские ханы Джанибек и Гирей. Период XVI—XVII вв. — это непрерывающаяся борьба за политическое господство в казахских степях и на Сырдарье. После смерти в 1510 г. одного из наиболее ярких представителей узбекской верхушки Мухаммеда Шейбани власть перешла к казахским ханам. При Касым-хане Казахское ханство укрепляется, расширяются его границы, получают развитие города, ремесла и торговля.

С середины XVII в. на земли Казахстана начинают претендовать джунгары. Они совершают ряд грабительских походов, разрушают Сайрам, Туркестан и другие городские центры. Вместе с тем не прекращаются феодальные смуты и распри. Все это привело к постепенному упадку экономики страны, к гибели некогда цветущих сырдарьинских городов.

Материалы раскопок Отрара дают яркое представление о жизни города в XVI—XVIII вв. Основным застройочным компонентом был квартал. Это комплекс домов, сгруппированных по две или одну сторону внутриквартальной улочки, которая могла быть прямой или Г-образной. На магистральные улицы кварталы выходили глухими стенами. Границы с соседними кварталами проходили также по задним стенам домов. Кварталы насчитывали от 6 до 15 домовладений и занимали в соответствии с этим площадь от 1000 до 2500 кв. м.

Определена ремесленная специализация некоторых кварталов. Так, квартал в восточной части Отрара принадлежал гончарам, другой, расположенный вблизи западных ворот Отрара, идентифицированных с воротами Дарваза-Суфи, заселяли хлебопеки. Дома здесь в большинстве — одно- и двухкомнатные, почти в каждом по два таандыра. В квартале находился также большой амбар с мучными закромами. Пока неясно, по какому признаку комплектовались квартальные общины, возможно, по семейно-родственному. Этническая принадлежность населения города в XIV—XVIII вв. определяется по тамгам, которые имеются на керамике, главным образом на поливных чашах. Наиболее часто встречаются тамги кипчаков, кереев, дулатов и найманов.

В ходе раскопок позднесредневекового Отрара обнаружено много керамики, изделий из металла, монет и украшений, поделок из камня. Разнообразна керамика поливная и неполивная. Немало чаш, тарелок, блюд, покрытых прозрачной и окрашенными в голубой и зеленый цвета глазурями. Росписи моно- и полихромные, цвета — фиолетовый, черный, коричневый, синий, зеленый, красный. Собрана коллекция высокохудожественных чаш, украшенных растительным и геометрическим орнаментом. Особенно красивы чаши с реалистично выполненными цветами.

За время раскопок выявлено более 3000 монет. Медный чекан XVI в. представлен монетами Туркестана и Ташкента, Бухары и

Самарканда. Однако находка клада монет вместе с заготовками позволяет предположить о наличии монетного двора и в самом Отраре.

Для последней четверти XVII в. характерны находки нескольких кладов, которые позволяют как бы разделить жизнь Отрара на два периода — расцвет и упадок. Нумизматические находки доказывают, что Отрар переживал подъем с конца XVI — по первые три четверти XVII в., в период усиления Казахского ханства. В это время процветают не только Отрар, но и Сауран, Сыгнак, Туркестан, Испиджап, Сузак, Аркук и многие другие города и селения Южного Казахстана.

Раскопки городища Отрар продолжают, и каждый год приносит новые материалы, проливающие свет на историю одного из крупнейших городов Казахстана.

К. СМАГУЛОВ, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР

Сколько лет Туркестану?

Городище Туркестан, расположенное на восточной окраине одноименного ныне райцентра Чимкентской области, — значительный археологический памятник городской культуры Южного Казахстана. Общеизвестна выдающаяся роль, которую сыграл этот город в позднесредневековой истории казахского народа. Место притяжения экономических и политических интересов различных государств, торговый и культурный центр на стыке степных просторов и региона древних земледельческих культур, место проповеднической деятельности тюркского суфия Ходжи Ахмеда Ясави, политический центр Казахского ханства и «вторая Мекка» мусульманского Востока — средневековый Туркестан пережил бурную историю, в которой были периоды взлета и упадка. Он впитал в себя различные в своих истоках культурные традиции.

Фрагменты внешнеполитической истории города описаны в ряде средневековых письменных источников. Название города Туркестан в них появляется лишь с XVI в. вместо принятого ранее — Ясы. Академик В. В. Бартольд первым высказал предположение о происхождении этого названия. Он связывал его с одним из имен Ходжи Ахмеда, который слыл покровителем страны тюрков и назывался Хазрет-и Туркестан. Необычная популярность личности тюркского святого и его гробницы — признанного шедевра восточной архитектуры, расположенной в городе Ясы, после очередной волны тюркской экспансии в Южный Казахстан и Среднюю Азию, вызванной завоевательными походами Шейбани-хана, привела к тому, что старое название города было заменено новым, оно от-

ражало связь с именем великого суфья и с общим этническим названием кочевых народов*.

Двойное название — то крепость Йасы, то крепость Туркестан — мы находим в сочинении, известном под названием «Книга шахской славы», или «Абдаллах-наме», написанном в последней четверти XVI в. Во всех более ранних письменных источниках название Туркестан прилагалось только к области (вилайету), расположенной по среднему течению Сырдарьи и граничившей, с одной стороны, с вилайетом Отрара, а с другой, — с вилайетом Саурана. В средневековье более расширенно понимали этот географический термин — как страны севернее Мавераннахра, т. е. междуречье Амударьи и Сырдарьи.

Первенство Йасы — Туркестана среди городов области Туркестана зафиксировано уже в «Записках бухарского гостя» Фазлаллаха ибн-Рузбихана Исфохани. В начале XVI в. он писал: «Город Йасы, который является гробницей его святейшества Хаджи — обширное и плодородное владение, столица областей Туркестана. Округа его свежи и цветущи, словно цветник. Это северная область окраины узбекских владений и конец пути из Андижана к границам Китая, которые являются восточной благоустроенной окраиной. В город Йасы привозят товары и драгоценные изделия, и там происходит торг, и он является местом развязывания грузов кушцов, и местом отправления толп путешественников по странам...»

Однако, как отмечал В. В. Бартольд, в «Зафар-наме» Шереф ад-дина Йезди, написанном в первой четверти XV в., Йасы названо селением (карья). Не свидетельствует ли эта смена терминов об изменении роли и значения города в XV—XVI вв., о резко возросшем его идеологическом и экономическом могуществе, объяснимом лишь в контексте с политическими событиями, происшедшими в эту эпоху?

Если заглянуть в глубь истории Йасы, то в средневековых сочинениях можно обнаружить первое его упоминание среди прочих городов и селений, в которых побывало посольство армянского царя, посетившего в середине XIII в. в районе Тараза брата Менгу-хана — Хулагу.

Существование поселения Йасы (Ясы) в домонгольское время подтверждается и нумизматическими данными. В восточной коллекции Государственного Эрмитажа сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН КазССР В. Н. Настич недавно обнаружил две серебряные монеты, выпущенные от имени хорезмшаха Мухаммада ибн-Текеша с обозначением местного двора —

* Известный ученый В. А. Гордлевский отмечал, что данный регион был местом расселения тюркского племени ясы. Очевидно, этноним превратился в топоним, как это нередко случалось в средневековую эпоху.

Ясы. Аналогичная по типу монета известна среди собранных при раскопках Отрара. Они не имеют дат, но исследователь полагает, что монеты чеканены только после завоевания Мухаммад ибн-Текешем Отрарского оазиса и прилегающих районов средней Сырдарьи, т. е. около 1210 г.

Это наиболее раннее подтверждение наличия поселения под названием Ясы. Добавим, что с именем Ходжи Ахмеда, жившим, как известно, в первой половине XII в., историческая традиция связывает нисбу — Ясави, что может быть косвенным доказательством существования этого топонима еще в XI—XII вв. Однако хотя археологические исследования на территории городища Туркестан имеют давнюю историю, реальных фактов о нахождении здесь поселения в домонгольское время до недавнего времени не было.

Первые археологические работы в этом районе связаны с именем патриарха среднеазиатской археологии М. Е. Массона. В 1928 г. он обследовал основание архитектурного комплекса Ходжи Ахмеда Ясави, которое было покрыто культурным слоем толщиной 1,5—2 м. В результате шурфовки фундаментов и других земляных работ около мавзолея М. Е. Массон пришел к выводу, что так называемая цитадель позднесредневекового Туркестана не содержит культурных слоев ранее XIV—XV вв., поэтому поселение Ясы надо искать южнее самого здания. Проведенные в последующие годы археологические работы были «привязаны» к охранной зоне мавзолея или вскрывали конкретные архитектурно-археологические объекты. Они не ставили задачу изучения городища Туркестан.

В 1947—1951 гг. был обследован Туркестанский район. На основе анализа свидетельств письменных источников и новых данных археологических работ несколько уточнилась локализация городов Шавгар и Ясы — Туркестан, местоположение которых прежде отождествлялось. Город Шавгар — домонгольская столица региона — находился на городище Чоль-тобе, в 8 км к востоку от г. Туркестан, а г. Ясы — Туркестан — на территории городища позднесредневекового Туркестана, хотя датировка раннего периода городища археологически не была обоснована.

Позднее в 1972—1973 гг. в работах Туркестанского археологического отряда под руководством Т. Н. Сениговой круг вопросов, связанных с проблемой возникновения жизни на территории городища и дальнейшего его развития, частично освещался. Обследование местности к югу и юго-востоку от мавзолея показало, что раннее поселение Ясы может быть локализовано в 300 м к юго-востоку от него, в районе бугра Куль-тобе. Здесь найдены монета VII—VIII вв. отрарской чеканки и фрагменты раннесредневековой керамики. Однако раскоп, начатый на Куль-тобе, после вскрытия верхнего горизонта XVIII—XIX вв. был законсервирован. Повторное обследование этой местности проводилось нами в 1980 г. Топоъемки и аэрофото убедили в правильности предвари-

тельных выводов о необходимости организации стратиграфических исследований.

Куль-тобе представляет собой бугор высотой до 9 м, двухъярусный в профиле, подпрямоугольных очертаний в плане, площадью до 2 га по основанию. Топография его очень искажена позднейшими земляными работами. В 1981—1983 гг. здесь сделан стратиграфический раскоп площадью около 70 кв. м. Выявлено семь строительных горизонтов, из них пять относятся к раннесредневековому времени. Стены помещений пяти нижних горизонтов сложены из крупноформатного сырца, в помещениях имеются узкие суфы. В пятом горизонте в двух помещениях зафиксированы напольные прямоугольные очаги с бортиками, а при них — тандыры без дымоходов и топочных отверстий.

В первом горизонте помимо фрагментов посуды обнаружены керамические конические пряслица, фрагмент керамического столика на ножках, а также фрагменты более чем десяти ладьевидных зернотерок, во втором — верхняя часть камешного жернова. С уровня пола третьего горизонта впущено погребение обезглавленного коня, лежащего на левом боку с плотно поджатыми ногами, возле передних ног — железное овальное стремя с широкой подпояжкой, усиленной снизу ребром, и с пластичатой проушиной для ремня. Рядом найдены железные однокольчатые удила и серебряная гладкая наременная накладка. Между передними и задними ногами находились кости задней конечности овцы. Над устьем могильной ямы на полу помещения III горизонта зафиксирован обширный прокол грунта. Рядом лежал костяной наконечник стрелы. Он уточняет датировку III горизонта — VI—VII вв. Среди находок из этого горизонта имеется фрагмент керамического диска с фигурным вырезом, бывшим, по-видимому, каким-то декоративным элементом архитектурного сооружения.

В целом керамический комплекс I—V горизонтов обнаруживает все формы и признаки, характерные для второго и третьего этапов отрарско-каратауской культуры, что позволяет датировать эти горизонты Куль-тобе IV—IX (X?) вв.

Шестой строительный горизонт отмечен на уровне пола, выложенного по всей площади раскопа квадратным обожженным кирпичом. Этот горизонт датирует клад пореформенных чагатайских монет последней четверти XIII—первой четверти XIV в., обнаруженный под вымосткой пола. В кладе, найденном в обломке донной части неполированного сосуда и накрытом двумя обломками корпуса кувшина с ангобной росписью, было 297 серебряных дирхемов и 88 медных фельсов. Дирхемы чеканены на монетных дворах Алмалыка, Анджана, Бухары, Кашгара, Кенжде, Маргилана, Отрара, Самарканда, Тараза, Ходжешда, Шаша, Янги. На 17 монетах название города нельзя прочитать.

Согласно времени изготовления фельсов в 676—699 гг. хиджры, верхнюю границу VI горизонта Куль-тобе можно датировать

Некрополь Шолпан-ата. XIX в.

Некрополь Кусши-ата. XIX в.

Кулпытасы конца XIX в. в некрополе Абат-Байтак.

Мавзолей Карагул на Мугоджарах. Конец XIX в.

Мавзолей Алмат-тамы. XIX в.

Каменные изваяния, найденные на склоне Киргизского хребта.

Горловина с ручкой от кувшина из красной меди. XI—XII вв. Найдена на северном склоне Киргизского хребта.

Наскальные рисунки, обнаруженные в горах Джамбулской области.

первой четвертью XIV в. В полуметре от моет найден одноручный кувшин.

Седьмой, самый верхний, строительный горизонт датируется находками поливной керамики своеобразной цветовой гаммы, фрагментов фаянсовых чаш фабрики Кузнецова, керамических детских свистулук. Все они характерны для материальной культуры г. Туркестана XIX в.

В III строительном горизонте, как отмечалось, было обнаружено погребение коня, в котором выявлены железное стремя, одноколычатые удила и наременная накладка. В раннетюркской погребальной обрядности известны одиночные захоронения коней, которые рассматриваются как погребения — кенотаф. Эта находка помогает обоснованно датировать комплексы самых ранних горизонтов. Стремена овальной контура с расширенной подножкой, усиленной ребром и прямоугольной пластиной ушка, были распространены в степях Евразии в VI—VII вв. Все немногочисленные погребения с конем среднеазиатско-казахстанского региона датируются исследователями концом VI—VII вв., т. е. временем завоевательных походов первого Тюркского каганата, в ходе которых группы алтайских тюрок перемещались на обширных пространствах от Великой Китайской степи до Черного моря. Если принять как наиболее вероятную дату для III строительного горизонта — первую половину VII в., то отложения I и II строительных горизонтов можно отнести к IV—VI вв. Это подтверждают и находки.

Таким образом, теперь есть основание возникновения раннего поселения Ясы, пережившего в XIV—XVI вв. бурный подъем и переросшего в значительный город, известный в XVI—XIX вв. под именем Туркестан, отнести к середине I тысячелетия н. э. Археологически это время второго этапа так называемой отарско-каратауской раннесредневековой культуры, когда появился ряд оседлых поселений в Южном Казахстане, легших в основу средневековой городской культуры.

Город Туркестан — один из немногих городов Казахстана, за плечами которого пятнадцативековая история.

Б. ВОЛЧКОВ, председатель секции археологии Географического общества КазССР

На склонах Киргизского хребта

На обширной территории Казахстана существует немало археологически неизученных «белых пятен». К ним относятся прежде всего горные и высокогорные районы, которые труднодоступны для проведения исследований. Примером тому служит горная часть Джамбулской области — северный склон Киргизского хреб-

та площадью 4500 кв. км. Памятники культуры различных эпох, находящиеся на этой территории, до сих пор не запаспортизированы. Район не доступен для автотранспорта. Сюда можно добраться только тропами. В далеком прошлом ими пользовались кочевники-скотоводы. Эти тропы имели красочные названия. Так, тропа, проходящая по горным породам красного цвета (красные граниты), называлась Кызыл-кия, идущая вдоль ручья, — Кок-кия. Столь же древняя и тропа под названием Калмак-кия.

С 1962 по 1967 г. алма-атинские геологи исследовали эту горную часть в целях составления геологической карты района и попутного поиска полезных ископаемых. Здесь довелось работать и мне. Почти в каждом геологическом маршруте я встречал археологические памятники различных эпох в виде наскальных рисунков, курганов, каменных оградок различного размера и изваяний, кольцевых выкладок из камня. Попадались также остатки древних поселений и культовых сооружений, в долинах рек сохранились следы оросительных систем. По всей территории района мы не раз наталкивались на отвалы шлака и остатки плавильных печей. В 1967 г. около Гранитогорска при сооружении оросительного канала бульдозером была вскрыта плавильная печь, погребенная под слоем суглинка толщиной 70 см.

Эти многочисленные памятники материальной культуры являются важными свидетельствами и в то же время источниками для изучения древней истории нашей республики.

Разнообразие археологических памятников говорит о довольно высокой культуре кочевых племен, которые в прошедшие тысячелетия населяли северный склон Киргизского хребта.

Встреченные мною памятники древней культуры я фотографировал, делал зарисовки и наносил их местоположение на карту, будучи убежденным, что данная информация может быть полезна археологам. В итоге у меня каждый раз получался двойной маршрут — геологический и археологический.

При обследовании коренных выходов горных пород внимание привлекали рисунки на камне, сделанные в древности художником-охотником. Горные районы изобилуют дикими животными, поэтому сюжет рисунков в основном охотничий. Некоторые из них можно (приблизительно) датировать по типу изображенных животных. Например, туры вымерли в Казахстане три тысячи лет назад. На рисунках же изображены верблюд и одомашненный тур, на которого нападает хищник. Наверняка данным рисункам около трех тысяч лет.

Имеются и другие находки. В пещере на реке Уш-бас в Малом Каратау в 1968 г. при проходке геологического шурфа обнаружена счетная палочка, сделанная из алевrolита. Возраст изделия каменного века 30 тысяч лет. На левом притоке реки Макбал отмечен дольмен эпохи бронзы. На курганных захоронениях зафиксированы каменные изваяния тюркского времени (VIII в.), которые были разграблены. В долине реки Каракыстак на месте древнего

поселения найдена горловина с ручкой от кувшина из красной меди, на ручке — птица-сокол, на горловине вазы — ветка розы с бутонами (XI—XII в. н. э.). В верховьях этой реки около озера Жартыколь стоит примитивная мечеть. В горах в далеком прошлом мечети строили без минаретов. По существу, это лишь участок земли, огороженный стеной из камней, сложенных без раствора.

Уже говорилось, что по берегам речек и водотоков мы находили отвалы шлака — свидетельства существования в данном месте плавильни. Древние металлурги строили их там, где были вода и топливо. Топливом для плавки руды служила арча, в изобилии произраставшая на северном склоне Киргизского хребта. В наши дни здесь растет сравнительно молодая арча (диаметр до 20 см), но встречаются реликты и пенки от деревьев (диаметр до 1 м).

За прошедшие тысячелетия плавильные печи разрушились, их замыло наносами, остались лишь тяжелые шлаки с содержанием железа до 50 проц. и более. Анализы проб шлака и его внешний вид указывают на то, что железо плавили сыродутым методом и получали крицу. Из нее путемковки и изготовляли оружие и бытовые инструменты. Изучение древней металлургии данного района надо начать с составления карты расположения плавильни, после чего путем раскопок установить, кто и когда плавил железо. Затем найти древние выработки, откуда бралась руда. Геологов должны заинтересовать эти вопросы, поскольку древние шлаки и плавильни являются поисковыми признаками, по которым иногда открывают месторождения. Для археологов плавильни и древние горные выработки — это памятники культуры. Именно в этой области стыкуется археология с геологией.

Поисково-съемочная партия Южно-Казахстанского геологического управления шесть лет исследовала северный склон Киргизского хребта и не нашла ни одного месторождения. Район был «закреплен» как бесперспективный. В то же время следы древней металлургии говорят об обратном. Эту загадку должны отгадать геологи. Кстати, в настоящее время другая геологическая партия проводит пересъемку ранее исследованной территории.

Будучи убежденным в необходимости дальнейшего изучения данного района, я в течение восьми лет (1970—1978 гг.) выезжал, имея на руках удостоверение от Географического общества Казахской ССР, на северный склон Киргизского хребта, производил там исследования и по полученной информации к 1978 г. составил карту расположения древних плавильни и других археологических памятников долины р. Каракыстак. О проводимой работе я периодически докладывал на заседаниях Географического общества, а также в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР. Первый этап исследования неизученного района я завершил: выявил памятники, перенес их на карту. Следовало начать археологические раскопки. С этим вопросом я обратился в Центральный совет Общества охраны памятников истории и культуры республики. Здесь признали целесообразным продолжить начатые работы.

Летом 1979 г. был организован археологический отряд, и мы с археологом Ф. П. Григорьевым и группой рабочих приступили к раскопкам в долине реки Каракыстак и ее притока Теректы. За два полевых сезона исследовали два караван-сарая эпохи Караканидов, несколько курганов и кенотафов тюркского времени.

Археологическое изучение этого высокогорного района только начинается. Сейчас необходимо зааспортизировать выявленные археологические памятники. Для этого в ближайшее время следует организовать экспедицию с участием специалистов-поисковиков, снабдив их всем необходимым для работы в высокогорных условиях.

Р. БУРНАШЕВА, кандидат исторических наук

Монеты с зимовки Каратон

В 1976 г. в отдел археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР принесли 32 монеты: из них 28 медных и серебряных монет царской чеканки и 4 монеты советского периода.

Находка позволяет судить о постепенном проникновении русских денег с середины XVIII в. в районы Младшего жуза, занимавшего территорию современного Западного Казахстана. Население его еще с конца XVII в. поддерживало тесные связи с жителями Нижнего Поволжья и Урала. Младший жуз первым принял российское подданство в 30-х годах XVIII в. Гурьевский уезд в XVIII—XIX вв. входил в Уральскую область, в которой русские составляли большинство. Такое положение способствовало развитию у казахов хозяйственной и торговой деятельности, возрастанию роли рынка и расширению товарно-денежных отношений.

Найденные монеты охватывают большой промежуток времени — с 1785 по 1930 гг.: самая ранняя из них — медная монета достоинством 5 коп. — выпущена в годы царствования Екатерины II, а самые поздние — в 1924—1930 гг.

С первой половины XIX в. возросла роль Казахстана как рынка сбыта русского хлеба и промышленных товаров и в то же время как источника животноводческого сырья. Натуральное хозяйство казахов стало разлагаться, увеличилось число хозяйств, переходящих к оседлой жизни, развивались товарное производство и торговля, в различных районах края проводились ярмарки.

Так, в 1832 г. была открыта ярмарка в Букеевском ханстве. Ее оборот уже в 1836 г. превысил 2 млн. руб. Русские купцы покупали главным образом скот и продукты животноводства. В 30—40-х годах XIX в. на Оренбургской и Уральской линиях казахи продавали ежегодно до полумиллиона голов скота, от 3 до 5 тысяч кошм, до 7 тысяч кусков армячины. В эти же годы получила

развитие торговли хлебом, которая шла через Астрахань. Отсюда хлеб морем отправлялся в Гурьев, затем расходился по прилегающим районам. Вслед за земледелием в некоторых районах, хотя и малых размерах, начали заниматься товарным рыболовством и добычей соли. Всего в Младшем жузе в 40-х годах прошлого века продавалось в среднем в год до 6,5 тысячи пудов рыбы.

В связи с переходом капитализма в России в высшую стадию — империализм — экономика Казахстана в начале XX в. вовлекается в систему общероссийского народного хозяйства активнее, чем во второй половине XIX в. Наличие обширных земель, богатства недр, возможности для строительства железных дорог, дешевая рабочая сила были условием для получения колоссальных прибылей. Это понимали русские и иностранные капиталисты. Немаловажную роль в развитии сельского хозяйства края в начале XX в. сыграло массовое переселение сюда русских крестьян, что, в свою очередь, ускорило разложение натурального хозяйства и проникновение в аул капиталистических отношений. Обедневшие крестьяне уходили на заработки в города, на рудники и заводы.

Таким образом, находка русских денег в казахских аулах — явление не случайное, а вполне закономерное. Но процесс внедрения товарно-денежных отношений в казахское хозяйство протекал на территории Казахстана по-разному, на что были объективные причины. Быстрое развитие экономики тормозили: во-первых, кочевой уклад хозяйства, сильно опутанный сетями патриархально-феодальных отношений; во-вторых, двойной гнет, испытываемый казахскими трудящимися со стороны собственных баев и русских промышленников; в-третьих, феодальные междоусобицы, осложнявшиеся борьбой узбекских и кокандских ханов за господство на юге Казахстана. И все же товарно-денежные отношения в Казахстане в конце XIX — начале XX в. развивались неуклонно. Об этом свидетельствуют и монетные находки с зимовки Каратон.

Рассмотрим монетный материал по годам его выпуска.

По сведениям И. Г. Спасского, в течение XVIII — первой половины XIX в. не прекращались поиски наиболее приемлемого веса медной монеты, чем обусловлены многочисленные изменения ее типа, подбора номинала и т. д. В 1757 г. устанавливается стопа (т. е. количество монет, выдаваемых из определенного веса металла) в 16 руб. из пуда, которая продержалась до начала XX столетия. В этот период выпускался очень устойчивый тип номиналов: в 5, 3, 2, 1, 1/2, 1/4 коп. Общим признаком для монет был вензель императрицы в венке (Елизаветы или Екатерины II), занимавший одну сторону, и дата выпуска. На другой, только у пятака, был государственный герб, под которым по кругу монеты обозначалось ее достоинство. На остальных изображался всадник-змееборец и ставился номинал. Медный пятак 1785 г. с зимовки Каратон относится к этой серии медных монет — он выпущен Екатерининском монетным двором (под государственным гербом имеет знаки Е. М., что означает название упомянутого двора).

В 1867 г. после ряда изменений стопы (в 24 руб., 32 и 36) был введен последний тип медной монеты Российской империи, которая сохранялась до 1917 г. Чеканились те же самые номиналы (5, 3, 2, 1, 1/2 и 1/4 коп.), но на 50 руб. из пуда при цене пуда меди около 10 руб., т. е. казна получала прибыль от каждого пуда меди, отправленной на монетный двор, около 40 руб. Эти монеты имели на одной стороне в венке цифровой номинал, а под ним — знаки монетного двора. Наверху монеты ставилась дата выпуска. На другой стороне изображался государственный герб, под которым прописью обозначалось достоинство монеты (например, пять копеек). Наверху по краю была надпись: «медная российская монета». Найденные в Каратоне медяки в 5, 3, 2 коп. выпущены с 1868 по 1916 гг., они аналогичны описанному типу медных монет и являются продукцией Петербургского монетного двора. На лицевой стороне стоят буквы С. П. Б., за исключением монет, выпущенных в 1916 г. На монетах (серебряных и медных) место чеканки позже перестали обозначать, что связано с переименованием Санкт-Петербурга в Петроград.

Среди монетных находок с зимовки Каратон две — серебряные — достоинством 20 коп. (выпуск 1868 г.) и 15 коп. (1916 г.). Впервые разменное серебро в 20 и 15 коп. появилось в России в 1760 г. и чеканилось до правления Александра I. С 1810 г. был установлен другой тип разменной монеты, который сохранился до 1917 г. На ее лицевой стороне в венке обозначено достоинство монеты, под ним — дата, ниже — место чеканки, на оборотной — государственный герб. До 1832 г. дата помещалась на оборотной стороне под орлом, а затем перешла на другую сторону и ставилась под обозначением достоинства.

Только две монеты из найденных использовались в качестве украшения. Одна — серебряная монета 1865 г. с наклепкой из другого металла, за которую ее, видимо, прикрепляли к чему-либо. Другая медная монета 1911 г. с просверленной дырочкой, вероятно, она имела то же назначение.

Советский период представлен четырьмя медными монетами (одна бронзовая), выпущенными в 1924 и 1930 гг. Восстанавливая экономику страны после окончания гражданской войны, Советское правительство создавало монетную систему первого в мире государства рабочих и крестьян. На последнем этапе денежной реформы 1922—1924 гг. продолжала чеканиться медная монета достоинством от 5 до 1 коп. В 1926 г. медную монету сменила сходная с ней по типу, но меньшая по размеру, бронзовая, которая выпускается и по сей день.

Собранный на Каратоне монетный материал в определенной степени указывает на время бытования казахской зимовки в Западном Казахстане (1785—1930 гг.). Она является интересным памятником для изучения истории и материальной культуры казахов конца XVIII—XX вв. Многие сооружения такого типа, исследованные на юге Казахстана, датируются приблизительно.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И ЛИТЕРАТУРЫ О ПАМЯТНИКАХ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Да, память и культура — это совесть многих поколений, всех тех, кто жил, строил, любил, страдал, боролся для нас, и тех, кто живет сейчас. Есть вечные камни, перед которыми надо останавливаться и снимать шапку с гордостью за нашу культуру и благоговением, почитая талант наших отцов, их золотые руки, их тонкий вкус, глобальные идеи, мужество, свободу, народную волю, красоту.

Нет, мы не можем входить в историю пятясь. Мы должны входить в нее, глядя и вперед, и оглядываясь назад, не теряя из поля зрения прошлые ориентиры, что грели сердца отживших поколений. Сохранить прошлое — это сохранить душевное равновесие, что не значит быть консерватором, а значит оберегать и улучшать самих себя.

Юрий Бондарев, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий

Не блажью и переизбытком щедрот была навеяна мысль о создании республиканских обществ по охране национальных памятников, составляющих красу и гордость нашей страны. В их задачи входит не только сбережение, но и восстановление порушенных бурями мемориальных сооружений прошлого. ...И уж, конечно, не для праздного любования нужен нам блеск старинных куполов, ажурный узор башен, каменная мощь стен, под сенью которых предки наши отваживали от своего порога гостей непрошенных.

* * *

Восстанавливая древние святыни, мы умножаем чувство нашего национального достоинства, национальной памяти. Ведь воздействие культурной среды на души людей становится отчетливой силой, особенно могучей в переломные моменты истории.

Леонид Леонов, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий

Чтобы сохранить памятники культуры, необходимые для «нравственной оседлости» людей, мало только платонической любви к своей стране, любовь должна быть действенной. А для этого нужны знания, и не только краеведческие, но и более глубокие, объединяемые в особую научную дисциплину — экологию культуры.

Широчайшая разъяснительная, просветительная работа, борьба с чиновниками и бюрократами, если надо, борьба непрерывная и только до победного конца — это и есть первая и основная обязанность органов ВООПИК...

Д. С. Лизачев, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР

Я каждый раз испытываю тяжелое огорчение, обиду, когда вижу на месте славного, древнего, прекрасного памятника, безусловно, имеющего огромное историческое значение, какую-то ужасную развалину, а на ней — надпись: «охраняется государством»! И когда на развалине, которая находится в полном забвении и пренебрежении, висит такая вывеска, я это воспринимаю, извините, за резкость, как активную антисоветскую пропаганду, которая работает с силой не меньшей, чем, скажем, враждебные «голоса».

И. В. Петрянов-Соколов, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий

С. АДЖИГАЛИЕВ, научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
АН Казахской ССР

Зодчество Арало-Каспия: ареал, хронология, традиции

Среди памятников традиционной культуры Западного Казахстана наиболее примечателен обширный комплекс оригинальных сооружений погребально-культового зодчества. Они сосредоточены в основном на средневековых и более поздних некрополях и кладбищах. Отличительные черты комплекса — наличие специфических камнерезных сооружений (мавзолей, саганатамы, саркофаги-сандыктасы, стелы-кулпытасы, надгробия типа койтас и др.), их многообразии, гармония архитектурных линий и камнерезного искусства. Последнее достигнуто благодаря мастерству и использованию определенных пород известняка и песчаника. В архитектуре Арало-Каспия синтезировались и другие виды народного искусства: орнаментика, роспись и т. д. В структуру, декор памятников удачно вплелись реалии кочевого быта казахов, а также эпиграфика. Все это обуславливает интерес к всестороннему изучению западноказахстанского «архитектурного» комплекса как уникального историко-культурного феномена, зародившегося в недрах кочевнического общества.

Целенаправленным изучением народного зодчества Западного Казахстана занимается уже второе поколение исследователей. Начали его в послевоенный период Т. К. Басенов и М. М. Мендикулов. Особенно интенсивными исследования стали с 70-х годов,

когда развернулась работа по государственному учету, паспортизации и реставрации архитектурных памятников. Многочисленные экспедиции за десятилетие выявили большое количество старинных некрополей мангышлакско-устюртского района. Однако материалы этих исследований в целом остались не опубликованными.

Несмотря на 40-летнее изучение памятников архитектуры Арало-Каспия, сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, намечился переход от сбора материалов к определенному теоретическому его осмыслению, с другой, — нет ни одного цельного научного описания западноказахстанского комплекса. Вследствие этого в последние годы получило развитие сугубо интерпретационное направление с выводами, не всегда четкими и достаточно аргументированными. Поэтому изначальная проблема введения в научный оборот малоизвестных памятников Западного Казахстана более актуальна, чем вопросы их трактовки. При этом основополагающее значение имеет ареальная характеристика западноказахстанского комплекса, знакомиющая с традицией в целом, степенью изученности народного зодчества Арало-Каспия и перспективами его исследования, охраны и реставрации. Такой обзор важен и в плане составления Свода памятников истории и культуры западных областей Казахстана.

Новейшие полевые исследования значительно расширили наши представления о круге западноказахстанских камнерезных памятников, который ранее ограничивался Мангышлакско-Устюртским районом. Экспедициями Министерства культуры (1979—1980 гг.) и Общества охраны памятников (1983—1984 гг.) здесь исследовано множество неизвестных и малоизвестных памятников народного зодчества и монументальной глиптики. Важное значение имела также экспедиция Общества охраны памятников 1982 г. по изучению Центрального и Юго-Восточного Устюрта*.

Полевое обследование выявило формально-типологическую целостность большого круга мемориально-культурных сооружений эпохи средневековья, в особенности нового времени (XVIII—начало XX в.), на всей территории Западного Казахстана. Для данного комплекса памятников характерно наличие специфических типов малых форм архитектурных сооружений — художественных стел и надгробий (кулпытасов, койтасов и т. п.), нередко в сочетании с другими, более крупными типами. Ареал камнерезных памятников, и в первую очередь кулпытасов, позволяет определить границы распространения западноказахстанского мемориально-культурного зодчества. По нашим исследованиям, крайние точки данной традиции (см. карту): на востоке — долина р. Олькейек (Улькейек), на западе — р. Урал, на юге — юго-западный и юго-восточный чинки Устюрта, на севере — долина р. Илек. С учетом

* Активное участие в работах экспедиций принимали архитекторы: Н. Бисенов, А. Итенов, З. Глеубаева, Т. Турекулов, фотограф Н. Нугманов.

изысканий других экспедиций, литературных данных ареал камеральных памятников расширяется до междуречья Урала и Волги, Восточного Приаралья, а в целом совпадает с территорией бывшего Младшего жуза казахов.

Хронологически погребально-культурные комплексы Арало-Каспия можно разделить на три большие группы: средневековые, начало формирования которых относится к огузо-кипчацкому времени, XII—XIII вв. (Шопан-ата, Султан-эпе, Шакпак-ата, Караман-ата, Балгасын); позднесредневековые, малая часть которых приходится на XIV в., а большая — на XV—XVIII вв. (Кендыбаба, Уштам, Масат-ата, Кошкар-ата мангышлацкое, Кошкар-ата устьюртское, Сейсен-ата, Абат-Байтак, Карасакал, Асан-кожа и др.) и нового времени (Кызылсу, Сагындык, Бейсембай, Алп-ана, Даумшар, Нурманбет, Тайлан, Даут-ата, Карабас-аулие, Мениаулие, Хан-моласы и др.). Верхняя хронологическая граница некоторых комплексов — XIX в., большинства же некрополей и кладбищ — начало XX в.

Памятники Западного Казахстана имеют также топографические особенности формирования, по которым их можно поделить на две группы. Это комплексы, созданные в местности со сложным рельефом: главным образом, некрополи Мангышлака и Устьюрта, основанные в честь суфийствующих отшельников — «святых» (аулие): Шопан-ата, Султан-эпе, Шакпак-ата, Масат-ата, а также отдельные некрополи Северного Устьюрта — Жыбыскы, Аксай. Контрастный ландшафт, став частью комплексов, придал им живописность и превратил их в своеобразные архитектурно-ландшафтные памятники. Такие комплексы сложны по структуре, поскольку включают в себя и мечети как характерную часть средневекового культа святых насельников Мангышлацко-Устьюртского района.

Другая большая группа памятников, как правило, располагается в урочищах, долинах рек, на плато, которым присущ спокойный рельеф. В структуре ансамбля доминируют крупные архитектурно-пространственные объемы: мавзолеи, саганатамы. Например, бейиты Сейсен-ата, Алп-ана, Абат-Байтак.

Комплексы различаются и по этническому, родоплеменному фактору. В некоторых районах Мангышлака (в основном прибрежная зона) и Устьюрта, связанных с этнической историей туркменского народа, встречаются туркменские кладбища того времени: Кендыбаба, Уштам, Акшора и т. д. В этих же районах имеется немало и смешанных казахско-туркменских некрополей: Шопан-ата, Огланды, Кошкар-ата (мангышлацкое), Калипан (Калынарбат), Кусши-ата, Масат-ата. В основном они сформировались в местах древнего культа.

Большая часть изучаемых мемориально-культурных комплексов — казахские. Они относятся к эпохе позднего средневековья и нового времени. По родо-племенной принадлежности они разнообразны — нередко в крупном некрополе по тамговым знакам

можно выделить несколько родовых кладбищ, что объясняется этнотерриториальным расселением казахов Арало-Каспия в прошлом. Так, на Мангышлаке доминируют мемориальные сооружения рода адай, на северо-востоке Устюрта, в долине р. Улы-Хобда — рода табын.

Специфические признаки позволяют выделить в Западном Казахстане два комплекса памятников зодчества и камнерезного искусства: юго-западный (очаговый) — мангышлакско-устюртский, для которого характерны обилие и массовость надмогильных сооружений, архаизм облика, и северный — менее насыщенный типичными памятниками и испытавший влияние южно- и центрально-казахстанской архитектурных традиций. Оба комплекса отличается высокая школа камнерезного искусства основных стилистических направлений: традиционного (Мангышлак, Устюрт) и нового «изящного» (север Арало-Каспия).

Кроме того, памятники можно поделить на локальные (географические) группы: мангышлакская, устюртская, амбо-сагизская, хобдинско-илекская, северо-приаральская. Каждая весьма специфична, имеет разную концентрацию комплексов, особенности топографии и строительных материалов. Дадим им характеристику, начнем с юга, что в целом не противоречит хронологическому распространению традиции.

Некрополи Мангышлака очень разнообразны. Прежде всего привлекает группа наиболее ранних памятников, оформившихся в огузо-кипчакский период (XII—XIII вв.). Среди них замечателен некрополь Шопан-ата, эпонимом которого считается легендарный патрон пастухов — якобы ученик туркестанского шейха Ходжи Ахмеда Ясави. Согласно преданию, Шопан-ата, один из послушников (мюридов) Ахмеда Ясави, нашел на Мангышлаке выброшенный учителем посох. На этом месте он выстроил мечеть, а рядом из посоха выросло дерево.

Этот некрополь как в генезисном, так и в погребально-культурном отношении присущ данному региону. По площади и количеству памятников (более двух тысяч) — один из самых крупных в Арало-Каспии. Он четко разграничен на две части: казахскую (адаевскую) и туркменскую. Культурным центром его является мечеть, имеющая несколько служебных помещений, вырубленных в известняковой породе полукругом.

К западу и северо-западу от мечети находятся средневековые туркменские памятники, среди них немало стилизованных надгробий типа койтас, а также архаичных оградок, ящиков-саркофагов, стел-фертов и грубых стел. Койтасы разных размеров: от небольших ступенчатых до гигантских. Но все они однотипны и архаичны, нередко сверху покрыты рельефным и контурным декором простого мотива (треугольники, розетки), рисунками бытовых предметов, изображениями лошадей и других животных. Вооруженные всадники на надгробиях с характерными аксессуарами —

секиры (айбалта), сабли (кылыш), переметные сумы (ат коржын), колчаны со стрелами (садак).

В восточной (казахской) части бейита расположено множество саганатамов, купольных мавзолеев, кулпытасов с койтасами, сандыктасов, надгробий типа уштасов. Надгробные сооружения здесь по архитектурно-объемному решению разнообразнее и декоративно оформлены интереснее (объемная, плоскорельефная, контурная резьба, покраска). Ближе к центру некрополя преобладают кулпытасы с койтасами, среди них прослеживаются памятники переходного типа от ранних к более поздним (адаевским). Надгробия и стелы разнотипны стилистически и композиционно, что свидетельствует о существовании камнерезов различных школ.

Создание комплекса, очевидно, связано с деятельностью средневекового суфийствующего отшельника, легендарная связь которого с Ясави позволяет наметить ориентировочную нижнюю датировку памятника — XII—XIII вв. Впоследствии здесь разрастается туркменское, а затем казахское кладбище.

Деятельности учеников Ахмеда Ясави и «потомков» Шопан-ата обязаны незаурядные некрополи Мангышлака: Султан-эпе, Караман-ата и, наконец, комплекс Шакпак-ата. Последний с замечательной скальной мечетью, открытой и обследованной А. Г. Медоевым.

Большая группа погребально-культурных комплексов Мангышлака активно складывалась в эпоху позднего средневековья (XV—XVII вв.). Таковы, например, туркменские некрополи Кендыбаба и Уштам (XVI в.), а также казахско-туркменские: Кожкар-ата, Калипан, Масат-ата. К концу средневековья формируются и специфически казахские погребально-культурные сооружения, среди которых большой интерес представляют некрополи Карагашты-аулие (Караган) и Камысбай.

На Мангышлаке немало бейитов, складывавшихся в течение нового времени: Сагындык, Бейсембай, Кызылсу, Жылкыбай. В них архитектурно-художественные типы сооружений доминируют над архаичными, на высоком уровне камнерезная техника.

Для мангышлакских памятников характерна их концентрация на сравнительно небольшой территории, что говорит о преемственности здесь архитектурных погребально-культурных комплексов на протяжении почти всего второго тысячелетия нашей эры. Особенностью многих некрополей Мангышлака является их связь как с местными, так и с хорошо известными в регионе персонажами агиологии — преимущественно с суфийствующими отшельниками. Это сказалось и на структуре комплексов, которые непременно включают и мечеть подземного, скального, напольного типа. Некрополи этого района чрезвычайно разнообразны по типу каменных памятников (известняк или песчаник).

Архитектурные мемориально-культурные комплексы Устюрта, в особенности западных районов плато, по структуре и характеру весьма близки мангышлакским, но в отличие от них представлены

отдельными группами или единичными памятниками на огромной территории, в целом они относятся к более позднему периоду — XVI— началу XX в. В районе западного чинка Устюрта особое внимание привлекает культовый комплекс Бекет-ата и расположенный рядом с ним некрополь Огланды. Основание Бекет-аты связывают с деятельностью адаевского служителя культа конца XVIII— начала XIX в. Бекета Байтеле. Кроме того, в западной части плато имеются небольшие старинные казахские кладбища (Ишсу, Жанасу, Айтмансу) с монументальными надмогильными сооружениями — мавзолеями и саганатамами. Изредка здесь встречаются и туркменские некрополи.

Крупные мемориально-культовые комплексы, такие, как Уали, Сейсен-ата, расположены в северо-западной области Устюрта. Последний из них — выдающийся архитектурный ансамбль. Он насыщен разнообразными высокохудожественными камнерезными памятниками XVIII—XIX вв.

Долго оставались не изученными районы Центрального и Восточного Устюрта. Недавно здесь обследованы два крупных некрополя: Кусши-ата и Даут-ата. Бейит Кусши-ата находится в центре Устюрта у одноименного колодца. Название его, по рассказам чабанов, происходит от имени туркменского «святого» Кусши-ата — покровителя птиц и беркутчи, захороненного здесь. Некрополь средних размеров, но насчитывает около 500 различных памятников. Наиболее ранняя его юго-восточная часть (XVII—XVIII вв.) примыкает к могиле эпонима. В основном это оградки, каменные наброски с грубообработанными стелами, небольшие надгробия типа койтас внутри оградок.

Большая часть сооружений — типичные казахские памятники XVIII— начала XX в. Среди них имеются сооружения и более раннего периода в виде архаичных оградок циклопической кладки с грубыми кулпытасами, на которых стоят табынские тамги. Памятники XIX в. более разнообразны — купольные, шлемовидные мавзолеи и саганатамы. Наиболее представительная группа сооружений — кулпытасы с койтасами, очень выразительной формы и оригинальным лаконичным декором.

Памятники традиционной казахской архитектуры распространены и в Восточном Устюрте, вдоль чинка, а также по трассе старой караванной дороги из Хивы на Эмбу, за пределами Казахстана. Особо интересен некрополь Даут-ата, находящийся около г. Кунграда. Это крайний юго-восточный комплекс со специфическим набором мемориальных сооружений мангышлакско-устюртского типа.

Богат памятниками народного зодчества и монументальной глиптики район песков Сам на севере Устюрта: бейиты Бекет-ата, Имантурлы, Омар и Тур. Здесь распространены также декоративные камнерезные сооружения. Некрополи данного района относительно поздние — XVII — начала XX в.

Традиции камнерезных мемориальных памятников четко про-

слеживаются и в районе северного чинка Устюрта (Донгызтау). Здесь по берегам и склонам глубоких саев располагается группа некрополей XIX—начала XX в. К мангышлакско-устюртскому типу тяготеют два небольших бейита в местности Кокей.

В целом же комплексы Донгызтау имеют характерные черты, встречающиеся в памятниках и других, более крупных, некрополей: Аксай, Улькен Жыбыскы, Киши Жыбыскы, Арыс-аулие. Специфические черты народной архитектуры Северного Устюрта хорошо выражены в комплексе Улькен Жыбыскы. Остатки жилых построек XIX — начало XX в., мечеть со службами и некрополь живописно раскинулись на крутых склонах широкого сая, образуя единый историко-ландшафтный памятник. Сам некрополь занимает минимум площади: нередко сооружения установлены вплотную, имеют смежные стены. В основном это циклопические ограды — торткулак из бурого песчаника. Композиционным центром некрополя является выразительный купольный мавзолей с кулпытасом. Художественных стел и надгробий здесь немного, они оригинальны, но архаичны. Кое-где отмечен такой тип надмогильной архитектуры, как сандыктасы в сочетании с кулпытасами и койтасами.

Показательно, что в данном районе стали сооружать памятники и из жженого кирпича. Таковы своеобразные саганатамы синкретического типа, а также центрические и многокамерные мавзолеи.

Таким образом, памятники Устюрта по своему составу неоднородны. Если некрополи запада, центра и юго-востока плато имеют много общего с комплексами Мангышлака, то памятники северного чинка резко отличаются. Они очень разнообразны в использовании материала (известняк, песчаник, жженный кирпич, сырец), но просты в композиционном и конструктивном плане, им присуща грубая проработка деталей. В то же время композиционный и декоративный лаконизм северо-устюртской мемориальной архитектуры говорит о ее глубоких генезисных корнях в местной культуре.

Эмбо-Сагызская группа некрополей компактна и многочисленна. Она отличается от североустюртских комплексов и более схожа с мангышлакско-устюртскими памятниками, что объясняется этнотерриториальным расселением кочевников-казахов. На путях кочевий из Мангышлака, Сама на Эмбу выявлены наиболее ранние некрополи. Например, Ушкан-ата, известный своими замечательными кулпытасами.

Некрополи долины р. Эмбы сконцентрированы в основном на ее левом обрывистом берегу, в районе среднего течения находятся Даумшар, Карасакал, Асрел-Мусрел, Нурманбет, Асан-кожа. Наиболее крупным из них является комплекс Карасакал, насчитывающий не менее тысячи надгробных сооружений.

Очень своеобразен некрополь Асан-кожа, созданный в новых тенденциях казахской мемориальной глиптики второй половины

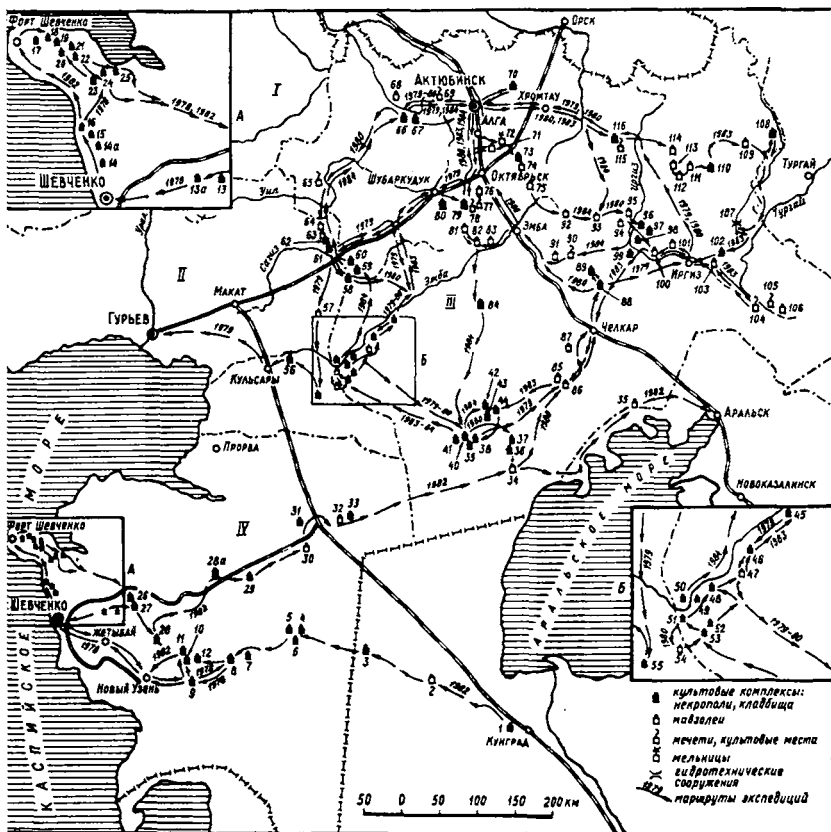
XIX— начала XX в. Монументальные сооружения представлены группой саганатамов, для которых характерны композиционное единство и великолепный декор. Большинство памятников составляют кулпытасы с койтасами и кулпытасы с оградами (каменными и глинобитными). Встречаются как архаичные типы надгробий и стел, так и новые, с четким объемным членением и тонкой резьбой. Но несмотря на свою привлекательность, они однотипны. Это новое веяние в камнерезном искусстве проявилось в начале XX в. в связи с повышением спроса на художественные надгробия. «Промышленный» подход к их созданию зачастую порождал трафаретность облика. Тем не менее своеобразие камнерезных памятников позволяет выделить на Асан-кожа две школы зодчих-камнерезов: середины XIX в. и конца XIX— начала XX в.

Несколько южнее большой излучины Эмбы разбросано немало отдельно стоящих памятников и небольших кладбищ XIX — начала XX в., уходящих к отрогам Северного Устюрта и пескам Сам. Среди них следует отметить два небольших некрополя: Тайлан и Каракул, на которых встречаются все типы характерных западно-казахстанских памятников — мавзолеев, саганатамы, кулпытасы, койтасы, ступенчатые надгробия и даже изваяние кошкара. Привлекает внимание высокохудожественное решение малых архитектурных форм. Наиболее интересен в этом отношении бейит Тайлан. Он представляет собой маленький заповедник казахской монументальной глиптики эпохи ее расцвета.

Небольшие казахские кладбища XIX — начала XX в. отмечены в водоразделе Эмба — Сагиз. К северу, в долине Сагиза, вновь встречаются крупные некрополи. Примечателен один из них — Алп-ана. На нем имеются различные типы сооружений: мавзолей из опиленных блоков, сырцового, жженого кирпича, саганатамы, кулпытасы с койтасами, стелы в виде грубо обработанных плит. Другие комплексы в районе ст. Сагиз менее разнообразны. Так, на кладбище Абдильда-Казырет в основном стоят гигантские кулпытасы высотой 2,5—3 м. Этот тип стал популярным в конце XIX— начале XX в. Он многочислен в памятниках некрополя Ушкан-ата.

Эмбо-Сагизская группа как бы завершает на севере ареал некролей с комплексом камнерезных памятников. К северу от нее встречаются лишь комплексы с экстраординарными малыми формами.

Замечательным памятником *Хобдинско-Илекской группы* является некрополь Абат-Байтак, находящийся в долине р. Улы-Хобда. Сложился он в средневековье. Имя ему дал мавзолей Абат-Байтак — выдающийся памятник зодчества, сложенный из жженого кирпича с коническим куполом. По архитектурно-стилевым признакам, а также по легенде он датируется концом XIV — началом XV в. Предания приписывают памятник сыну известного казахского философа-утописта XV в. Асана Кайгы — Абату, неожиданно умершему здесь во время перекочевки.

бласти: I — Уральская, II — Гурьевская, III — Актюбинская, IV — Мангышакская.
 амятники: 1 — Даут-ата; 2 — Акмолаухарбай; 3 — Кушни-ата; 4 — Ишсу; 5 — Жанасу; 6 — Айтмансу; 7 — Кырчи; 8 — Бекет-ата (Огланды); 9 — уэс; 10 — Сенек; 11 — Шопана; 12 — Кызылсу; 13 — Беки; 13а — арамаи-ата; 14 — Кошкара-ата; 14а — алипан; 15 — Карамола; 16 — Жылкый; 17 — Демеу; 18 — Вейсембай; 19 — кшора; 20 — Сагындык; 21 — Карагаш-аулие; 22 — Уштам; 23 — Кенды-ба; 24 — Султан-апе; 25 — Шаппак-ата; 26 — Камысбай; 27 — Ажук; 28 — Мат-ата; 28а — Сейсен-ата; 29 — Уали; 30 — мектеп-медресе «Коксудук»; 31 — екет-ата; 32 — Омар и Тур; 33 — Аман-глы-Кожалак; 34 — Жемке; 35 — Кошман; 36 — Кыздар-Шыккан; 37 — Кошар-ата; 38 — Көкей; 39 — Аксай 1; 40 — Аксай 2; 41 — Аксай 3; 42 — лькен Жыбыскы; 43 — Киши Жыбыскы; 44 — Арыс-аулие; 45 — Даумшар; 46 — Карасакал; 47 — Сундета; 48 — урманбет; 49 — Асрен-Мурен; 50 — цар-кожа; 51 — Асан-кожа; 52 — Какуи; 53 — Тайлан; 54 — Саркаса; 55 — Ушкан-ата; 56 — Бакаши-аулие; 57 — Жубан-тамы; 58 — Алп-ала; 59 — укты-ата; 60 — Абдилда Казырет;

61 — Кыргын-тобе (Дулат); 62 — Курман-Батык; 63 — Иба; 64 — Таган; 65 — памятники г. Уила; мечеть, торговые ряды; 66 — Абат-Байтак; 67 — Томпак-мечеть 1, 2, 3; 68 — Кызыл-там; 69 — мечеть Шанен-ишан; 70 — Кызыл-там; 71 — Котебар-батыр (разв.); 72 — мельница у с. Павловна; 73 — Куласу; 74 — Алдияр-тамы; 75 — Костам; 76 — Костам; 77, 78 — церковь и мечеть в г. Темпре; 79 — Сырлы-там; 80 — Ишан-ата; 81 — Костам; 82 — Берди-кожа; 83 — Жалимбета; 84 — Токсанбай; 85 — Есета; 86 — Дариба; 87 — Токбана; 88 — Балгасын; 89 — Мамай-батыр; 90 — культовое место Игас; 91 — Мусир-эли; 92 — Карагул-тамы; 93 — Нурсейт-тамы; 94 — Кали (Картын)-тамы; 95 — Назар-тамы; 96 — Аралбай; 97 — Сатай; 98 — Бесмола; 99 — Мени-аулие; 100 — Жаныс-тамы; 101 — Байтабыл-тамы; 102 — Ушбатыр; 103 — Алмат-тамы; 104 — мечеть акына Дюсемби; 105 — мечеть Исатай; 106 — Жапак-тамы; 107 — мост на р. Олькейек; 108 — Хан моласы; 109 — Каражан; 110 — Карабас-аулие; 111 — Шыбын; 112 — Кусеп; 113 — Сенгирай-тамы; 114 — Сахабай-тамы; 115 — минарет мечети бывшего рода култас; 116 — Жоллай-Жусуп.

К западу от мавзолея расположен поздний некрополь (XVIII—начало XX в.). Он представляет собой ансамбль великолепных резных стел-кулпытасов (более 200), установленных с западной стороны надмогильных насыпей или сырцовых оградок. Кулпытасы Абат-Байтака — особое явление в западноказахстанском камнерезном искусстве. Они очень разнообразны, отличаются оригинальностью архитектурно-пространственного и художественного решения. Среди них встречаются как ранние эпитафические разновидности, так и более поздние виды объемной структуры. Для большинства стел XIX в. характерно сочетание эпитафики и декора, который превалирует, что позволяет их рассматривать как памятники глиптики. Исходя из этого можно выделить группу памятников камнерезной школы середины XIX в. с тончайшей проработкой деталей. Зачастую объемно-декоративные элементы кулпытасов решены в традициях резьбы по дереву с преимущественным использованием растительных мотивов.

В целом кулпытасы некрополя Абат-Байтак исполнены в духе общей для Западного Казахстана традиции развития художественных стел, но с акцентированием местной школы глиптики (сложная объемно-пространственная композиция, разнообразие техники резьбы, насыщенность декором, растительные мотивы). Эти элементы оформления прослеживаются и на небольших родовых кладбищах конца XIX — начала XX в., расположенных в долине р. Улы-Хобда (кладбища в местности Томпак-мечеть и др.).

Самым северным из исследованных пока комплексов западноказахстанских камнерезных памятников является кладбище Кызылтам, находящееся на берегу Каргалинского водохранилища к северо-востоку от г. Актюбинска. Здесь неподалеку от развалин известного в литературе позднесредневекового мавзолея Кызылтам насчитывается несколько десятков каменных оград с кулпытасами, среди которых встречаются и оригинальные образцы. В целом же в бассейне р. Илек комплексы камнерезных памятников редки и еще мало исследованы.

Характерным типом памятника хобдинско-илекской группы является кулпытас, установленный у западного края надмогильной насыпи или ограды из плитняка или глины. Малые архитектурные надгробия, как койтас или сандыктас, здесь отсутствуют.

Район Северного Приаралья, включая бассейн р. Ирғиз, — крайний северо-восток изучаемого круга памятников. Мемориально-культурное зодчество здесь имеет отличия в сравнении с памятниками межарало-каспийского района и некоторое сходство с архитектурной традицией Центрального Казахстана и долины р. Сырдарьи (строительство мавзолеев с применением жженого кирпича). Нередко камнерезные памятники (в основном кулпытасы) находятся около средневековых и более поздних мавзолеев.

Наиболее ранним архитектурным комплексом Северного Приаралья является некрополь Балгасын, начало которому положили в монгольскую эпоху. Комплекс состоит из оплывшего холма с

развалинами, описанными еще в начале века И. Кастанье и А. Матовым, мавзолея Онолбек-ата (XVII—XVIII вв.) и большого количества надмогильных насыпей и оградок из сырцового кирпича. Художественные стелы и надгробия отсутствуют, что было присуще Северному Приаралью в средневековую эпоху. Традиция камерных надмогильных памятников здесь свойственна комплексам эпохи нового времени. Два таких кладбища XVIII—XIX вв. обследованы в водоразделе Ирғиз — Олькейек. Для бейгита Карабас-аулие характерен тип плоскостного эпиграфического кулпытаса с каменной оградой. Интересен так называемый «Ханский могильник», где, согласно источникам и рассказам старожилов, захоронен хан Младшего жуза Абулхайр. Надмогильные сооружения в виде холмиков, остатков оплывших сырцовых сооружений (оградок или мавзолеев?), что соответствует историческим описаниям. Здесь также встречаются кулпытасы и оригинальные надгробия — параллелепипеды, по некоторым признакам (угловые колонки, эпиграфические фризы) тяготеющие к более южным (туркестанским) образцам, нежели к западноказахстанским койтасам.

Среди неисследованных в данном районе старинных кладбищ следует отметить бейит Мэни-аулие, находящийся на одноименной горе у слияния рек Ирғиз и Шет-Ирғиз. Он представлен архаичными оградками из плитняка с простыми по композиции кулпытасами у западных стенок, которые более интересны как памятники историко-этнографические (эпиграфика, тамги), нежели монументальной глиптики. Аналогичны по значению и другие небольшие кладбища со стелами XIX — начала XX в.: Уш-батыр, Мамай-батыр и др.

Кулпытасы объемно-декоративного решения в Северном Приаралье отмечены пока лишь на бейгитах Жолай-Жусуп, Алмат-тамы. Они представляют собой достойные образцы казахского камерного искусства XIX в. Описанные памятники широко распространены, что свидетельствует о доминировании канонов мемориальной глиптики в новое время на всей территории Западного Казахстана. При отсутствии в Северном Приаралье обычных типов каменных памятников (мавзолеев из опиленных блоков, саканатамы, сандыктасы, койтасы) кулпытасы бытуют здесь в сочетании с сооружениями формально иного типа (мавзолеев из жженого и сырцового кирпича).

Традиция строительства купольных мавзолеев в Северном Приаралье и прилегающих территориях — это новая оригинальная страница в истории народного зодчества региона. Доселе неизвестная школа казахских зодчих эпохи средневековья и нового времени представлена такими яркими образцами, как мавзолей Онолбек-ата и Кюшкар-ата (XVI—XVIII вв.), мавзолей (тамы) Жаныса, Карагула, Байгабыла, Назара, Алдияра, Кали (Картынтамы), Алмата, Женке, Нурсейта, Жалимбета (XIX — начало XX в.). Для этих комплексов характерно следующее: использование жженого кирпича как в конструкциях (иногда в сочетании с

сырцовым — массивы кладки), так и в оформлении, четкое архитектурно-пространственное решение основного объема (четверик, позднее — восьмерик остова, граненый барабан, купол) с соответствующей системой конструктивных переходов (ярусы трюмов — парусов, ячеистых трюмов), оригинальное декоративное оформление, нередко с применением лекальных кирпичей. По композиционно-планировочному принципу среди них выделяются центрические с входным проемом в южной стороне, портално-центрические со слегка выделенным входом, портално-купольные с развитой входной частью в виде тамбура и многокамерные мавзолеи.

Интересен генезис оснований мавзолеев данной группы: наряду с более традиционным остовом-четвериком в XIX в. часто применяется остов-восьмерик. Использование многогранной ротонды в качестве основного объема присуще памятникам Иргизско-Мугоджарского района, среди них имеются великолепные образцы народного зодчества: Жаньыс-тамы, Назар-тамы, Карагул-тамы.

Специфической чертой портално-купольных мавзолеев Северного Приаралья является возведение портала в виде входного тамбура с поворотным коленом, отмеченного уже в ранних памятниках (Оналбек-ата), но чаще встречаемого в поздних сооружениях. Так, в мавзолее Кали он превратился в оригинальную входную галерею с пятью камерами, перекрытую небольшими куполами. Чрезвычайно интересны многокамерные мавзолеи Женке и Алмат-тамы. Особенно своеобразен последний с центральным помещением, соединенным арочными проемами с пятью камерами, в которых устроены склепы. Удачно декоративное оформление памятника ганчевыми штампованными плитками на фризе в центральном зале и с фигурной кладкой на фасадах.

Культовая архитектура Северного Приаралья очень многообразна. Здесь немало и специфических казахских мавзолеев из сырцового кирпича (уйтамов), своеобразных общественных сооружений конца XIX — начала XX в.: мечети акына Дүйсемби, Исатая, минарет мечети рода култас.

В целом памятники этого района весьма интересны для изучения генезиса зодчества и камнерезного искусства Арало-Каспия, с одной стороны, и для выявления общих тенденций и взаимовлияния западно-, центрально- и южноказахстанских школ и тенденций народной архитектуры, — с другой.

Таким образом, благодаря обширным полевым изысканиям последних лет мемориально-культовое зодчество Западного Казахстана предстает перед нами как более сложный (ареально и типологически), чем мангышлакско-устюртский комплекс памятников, для которых характерно распространение малых форм погребально-культовой архитектуры (стел-кулпытасов и отчасти надгробий). Изучение памятников Северного Арало-Каспия и Устюрта вносит значительные коррективы в выполнение программы Свода памятников архитектуры Западного Казахстана, в дело их охраны, консервации, реставрации и дальнейшего исследования.

Т. ТЕПЛОВДСКАЯ, научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
АН Казахской ССР

О гончарстве Отрара

Я видел гончара в толпе людей.
Вращая колесо ногой своей,
Кувшины, чашки делал он проворно
Из праха нищих, из голов царей.

ОМАР ХАЙЯМ

С начала археологических работ городище древнего Отрара поразило исследователей обилием обломков красочной, разноцветной керамики, обнаруженных в земле. По мере расширения и углубления работ на Отраре коллекция керамики увеличивалась, в настоящее время она насчитывает несколько десятков тысяч. Разнообразие форм, многоцветье поливы, красочность и оригинальность орнамента посуды — все это привлекало внимание исследователей, и, естественно, напрашивается вопрос, что обусловило такое многообразие керамических изделий.

В 1974 г. впервые в Отраре были вскрыты остатки гончарных печей, отвалы бракованной керамики, инструментарий гончара, печной припас (приспособления для установки изделий в печи во время обжига) и даже «склад готовой продукции». Эти и последующие находки убеждали в том, что средневековый Отрар имел собственное высокоразвитое гончарное производство. К сожалению, письменных свидетельств об истории местного гончарства не сохранилось, но сами керамические изделия могут рассказать многое: как и из каких глин они сделаны, какими красками расписаны, какими глазурями покрыты.

Результаты оптического, спектрального и химического анализов показали, что чаши, кувшины, горшки и прочие гончарные изделия города изготовлены на гончарном круге, который длительно и равномерно мог вращаться с большой скоростью, из легкоплавких лёссовидных с разной степенью ожелезненности глин. Росписи на них выполнены окислами меди, марганца, железа, хрома, сурьмы, кобальта. Изделия покрыты свинцовыми, свинцово-щелочными и щелочными поливами.

Где же брали эти сырьевые материалы отрарские гончары?

Земли древнего Отрарского оазиса занимали удобное географическое положение. С одной стороны, к ним примыкала степь, издревле заселенная кочевниками-скотоводами, с другой, — богатые полезными ископаемыми горы Каратау. По Сырдарье проходили торговые пути, связывавшие Отрар с северным Причерноморьем, Приуральем, Поволжьем, Шашем, Согдом, Ферганой. Само геогра-

фическое положение способствовало превращению Отрара в крупный торгово-ремесленный центр.

Для развития гончарного ремесла в Отраре были все условия. Прежде всего Отрарский бассейн богат самым необходимым для гончаров сырьем — глинами. Это и достаточно чистые каолины Сайлыка, и легкоплавкие лёссовидные суглинки Туркестанского и Чимкентского месторождений и выходы огнеупорных глин по берегам Арыси и Сырдарьи. Из этнографических источников известно, что гончар за нужной ему глиной мог ездить за 150, а иногда и 300 км. Отрарским мастерам в этом не было необходимости. Глины с берегов Арыси и Сырдарьи годились для производства керамических сосудов. Чтобы изготовить из них парадную тонкостенную столовую посуду, гончары смешивали глины в определенных пропорциях. В глиняную массу, предназначенную для кувшинов, хумов и тагора, чтобы облегчить формовку и уменьшить вес, добавляли мелко рубленную солому или пух камышовых метелок, а в тесто для кухонной посуды, чтобы увеличить ее жаростойкость, — песок или шамот.

Неполивные изделия ангобировались, т. е. покрывались водным раствором тонко измельченной глины. Ангоб, с одной стороны, уменьшал пористость, с другой, — выравнивал поверхность, придавал изделию желаемый цвет, мог служить фоном для любой росписи. Согласно аналитическим данным, белые ангобы изготавливались из светложгущихся карбонатных глин; красноватые и коричневатые — из охристых, ожелезненных; темно-коричневые и черные — из ожелезненных глин с добавлением окиси марганца; зеленоватые — из светложгущихся глин с добавлением извести.

В Отрарском регионе имелось сырье и для производства поливной керамики. Как известно, основой любой глазури (средневековой или современной) является кремнезем. Он вводится в виде чистого кварца или кварцевого песка. Отрарские гончары могли использовать в качестве сырья как кварцсодержащие руды Каратау, так и речной и степной песок. Руду или песок дробили, просеивали через волосяные и шелковые сита, размельчали, т. е. превращали в порошок на специальных жерновах. Если к молотому кварцу гончары добавляли окись свинца, то получали свинцовые поливы, если щелочи, то — щелочные поливы.

Окись свинца, как один из главных компонентов свинцовых глазурей, известна с глубокой древности. Еще в XVII в. до н. э. в Месопотамии она использовалась для приготовления стекловидных масс. В Средней Азии свинцовые поливы особенно широко распространились в IX—X вв. С небольшими изменениями в составе эти поливы дожили до наших дней. Широкое применение объясняется простотой приготовления, а также художественными и техническими качествами — они легкоплавки, малочувствительны к перепадам температур в печи, придают яркий блеск и сочность краскам.

Во все времена гончары предпочитали употреблять чистый кусковой свинец, за неимением его применяли пережженный свинец — сурик (красная окись свинца) или глет (желтая окись). К сожалению, описаний, каким именно сырьем пользовались отрарские гончары, у нас нет, но наличие в составе свинцовых поливов отрарских изделий цинка, серебра, олова позволяет предположить, что ремесленники прибегали к свинцово-цинковым рудам Каратау. По словам исследовавшего полезные ископаемые Туркестана в начале нашего века В. Н. Вебера, в Туркестане «нет ни одного хоть немного богатого месторождения, которое бы не работало в старину». Только в Чимкентском уезде им названо шесть выходов свинцовых руд, в которых сопутствующим элементом свинца было серебро.

Главные компоненты щелочных глазурей (сода и поташ) гончары получали путем пережигания особых трав. Зола одних растений содержит в большей мере соли натрия (сода, «натрун»), зола других — соли калия (поташ). Кроме того, в золе многих растений имеется свинец, титан, мышьяк, марганец, бром и другие химические элементы. Полученную золу гончары смешивали с кварцем и в специальных печах на мягком огне варили несколько часов, пока вся смесь не превращалась в расплавленное стекло. Раскаленную массу (фритту) бросали в холодную воду, от разницы температур она растрескивалась, ее измельчали и оставляли на некоторое время на открытом воздухе. Чем дольше фритта подвергалась воздействию атмосферы, различных осадков, тем качественнее становилась глазурь. Затем полученный сплав песка и щелочи — основу глазури — подвергали дальнейшей обработке: размалывали, растирали в порошок и смешивали с другими частями глазури (глиной, минеральными красителями).

У гончаров Отрара был большой выбор — в долинах Сырдарьи и Арыси произрастает более тридцати видов растений, зола которых могла использоваться для приготовления глазурей. Это различные виды солянок — балык куз (содержит соду), крк бугун (сода и поташ), балканг бак (сода), чоройна (поташ), поташник каспийский, а также тростник, тамариск и другие травы.

Средневековые авторы — ал-Бируни и неизвестный автор керамического трактата 1301 г. — называют двенадцать веществ, необходимых для производства глазури. Среди них — железо, кварц, свинец, полевой шпат, цинк, марганец и др. Эти элементы имеются в горах Каратау.

Изделия со свинцовой поливкой отличаются яркостью, «праздничностью» красок росписи, что достигается путем сочетания красного, желтого, зеленого, коричневого и горчичного цветов. В изделиях с щелочной поливкой цветовая гамма более изысканна — это различные сочетания голубого, бирюзового, коричневого и черного цветов. Росписи под разными поливками выполнены одними и теми же красителями — окислами меди, марганца, железа. При одном и том же красителе, но при смене составных

частей глазури, разница в цвете бывает очень большой. Так, под свинцовой глазурью окись меди дает все оттенки зеленого цвета, а под щелочной — голубого. Окись железа под свинцовой поливой может быть желтой, красной, коричневой, а под щелочной — только коричневой; окись марганца коричневая — под свинцовой глазурью и коричнево-фиолетовая — под щелочной. Очевидно, все красители местные.

По археологическим данным, в Отраре были развиты медническое и железоделательное производства. Их отходы — опилки, стружки, обрезки, а также вышедшие из строя медные и железные вещи могли использовать в качестве красителей в гончарном производстве. Краски изготавливали из пережженных меди и железа или из ржавчины. Согласно средневековым источникам, ржавчину получали следующим образом: «На медную чашку с уксусом опрокидывают другую медную чашку и оставляют на некоторое время, чтобы образовалась ржавчина. После этого ржавчину ножом соскабливают». Или «опилки смешивают с нашатырем, кладут в сырое место и оставляют на несколько дней и образуется ржавчина». Подобным образом получали краску и из окиси железа. Такую ржавчину растирали, просеивали, смешивали с кварцем или фриттой, затем разводили водой и наносили роспись. Окись марганца древние гончары применяли в виде пиролюзита, но чаще в виде породы магл, которая образуется в зоне окисления железных руд в горах Каратау и содержит железо и марганец.

В конце XV — начале XVI в. в Отраре особой популярностью пользовались изделия с ярко-синей и сине-фиолетовой росписью. Согласно анализам, красителем служила окись кобальта. Открытые геологами в горах Каратау так называемые «кобальтовые точки» в древности не разрабатывались. Очевидно, синий краситель (лочивард) привозили из Самарканда, куда он поступал из Бадахшана.

На некоторых изделиях Отрара желтая роспись выполнена окисью сурьмы. Эта краска также привозная (в Среднюю Азию сурьма поступала из Ирана и Мешхеда). Из-за дороговизны она применялась крайне редко.

Отрарские гончары в основном использовали местное сырье, но не чурались и привозных материалов, нужных для украшения изделий. Возможности для этого были. Археологические находки убеждают в том, что на базарах Отрара торговали товарами из Китая, стран Ближнего и Среднего Востока, из городов Средней Азии. Видимо, среди изделий, шедших на продажу, отрарская керамика занимала не последнее место. Поэтому вполне естественно, если в ходе дальнейших археологических работ высококачественные гончарные изделия отрарских мастеров могут быть найдены далеко за пределами региона.

«...Люблю этот край сыновьей любовью...»

В накинутых на плечи, по старинному обычаю, расписных цветастых полушалках старейшие жительницы станицы Пресновской, участницы фольклорного ансамбля Анна Федоровна ОмUTOва, Фекла Егоровна Азовская и Анна Никитична Вальцева распевают у деревенского сруба напротив усадьбы дома, где жил и творил их земляк-писатель Иван Шухов, протяжные раздольные русские песни. Уж что-что, а петь старые казачки умеют, и в молодости они славились своими спевками, да и сейчас не отстанут, а то и за пояс заткнут молодых в песенном творчестве. Невольно припомнилась так хорошо описанная Иваном Петровичем «в предзакатный час заблудившаяся в ковыльных просторах прополосная девичья песня».

Не найдется, пожалуй, человека, который не любил бы песню. А в Пресновке это и стар, и млад. Придешь ли в районный Дом культуры, где на сцене нередко выступают фольклорные ансамбли, или выйдешь за околицу села, где особенно хорошо поется наедине со степным простором. Есть здесь свои импровизаторы, которые могут подобрать любую мелодию на музыкальном инструменте. Даже на таком немудреном, на первый взгляд, как балалайка.

Бурлило, шумело половодье народного праздника в честь 80-летия со дня рождения замечательного писателя-земляка, отмеченного в его родной ста-

нице 6 августа 1986 г. Широко разлился он по всей станице, взяв старт в районном Доме культуры, где собрались не только пресновчане, но и многочисленные гости, чтобы от всей души выразить свою любовь и признательность большому советскому писателю, открывшему не только своим землякам, но и всесоюзному читателю прекрасную страну Приишимье и населившему ее характерами самобытными, мужественными, мятежными.

Показал он неяркую, но диковинную красоту родной земли с ее незатейливыми березовыми перелесками, трубным кличем лебедей на рассвете, запахами полыни, хлеба, пахнущего домом, теплой маминой щекой, сухими горячими ее руками. Открыл североказахстанскую степь, которая, как справедливо отметила критика, стала благодаря лебединому взмаху его таланта одной из ярких страниц в советской литературе.

Всем сердцем воспринимаешь идущие из глубины души шуховские слова: «Я люблю этот край жемчужных озер и светлых березовых перелесков глубокой сыновьей любовью», которые начертаны земляками писателя над зеленой калиткой, ведущей в усадьбу Дома-музея И. П. Шухова. После волнующей минуты, когда алая ленточка была перерезана у парадного крыльца литературно-мемориального дома-музея, гости праздника словно встретились с героями шуховских книг в литературно-музыкальной композиции «Пресновка в творчестве И. П. Шухова», а главное, с одним из самых замечательных граждан станицы, который «вставал с восходом солнца, ходил босиком по росистой траве, а потом садился писать книги».

С гордостью говорит один из молодых пресновчан, ведущий композицию: «Все произведения писателя читаются как единое повествование о судьбах казачества в разные годы его жизни, будь то переход к коллективизации, Великая Отечественная война, целина — везде существуют сибирские казаки; везде воспевают с неизменно глубокой любовью Шухов свой край, где часто звучит дорогое и нашему сердцу имя нашей станицы Пресновка... В автобиографических повестях «Пресновские страницы» писатель возвращается в юность, чтобы еще раз повторить ее, услышать голоса степи, запахи трав в чистом поле, свой колокол. Колокол творческой жизни, звучащий на всю богатырскую степь своим неповторимым чистым звоном».

Сказанное перекликается со словами первого секретаря Пресновского райкома партии В. Н. Журина, прозвучавшими на торжественном собрании, посвященном 80-летию И. П. Шухова:

«С историей Пресновского района неразрывно связано имя известного советского писателя Ивана Петровича Шухова, начало творческой деятельности которого относится к концу двадцатых — началу тридцатых годов, т. е. ко времени зарождения района. Почти все написанное им посвящено судьбе сибирского казачества».

Выступая перед земляками на Пресновском районном съезде Советов в ноябре 1934 г. Иван Петрович говорил: «Меня часто

спрашивают, почему я живу именно в Пресновке. Отвечаю: «Я живу в деревне потому, что пишу о деревне. А для того, чтобы хорошо и правдиво писать о деревне, надо хорошо знать ее. Для того, чтобы хорошо знать ее, не следует от нее отрываться, надо ежедневно наблюдать за ее огромным небывалым расцветом...»

С большим интересом участники литературного праздника познакомились с отрывками из шуховских произведений, услышали так горячо любимые писателем простые задушевные казачьи песни, игру на балалайке, на которой он сам играл и импровизировал отменно. Обожал Иван Петрович музыку Шопена, Бетховена, Чайковского. И любимый им «Ноктюрн» Шопена, исполненный Аминой Галиевой, был еще одним важным штрихом в показе глубоко одухотворенной, самобытной натуры писателя.

После завершения литературно-музыкальной композиции исполняющая обязанности директора музея Е. Н. Штиер приглашает гостей на обзорную экскурсию.

Шумят на ветру старые разросшиеся клены и тополя в парке с аккуратно разбитыми аллеями, клумбами цветов, поблескивает станичное озеро, на берегу которого раскинулся просторный дом с мемориальной табличкой.

Зайдите в него и почувствуете, что вы словно в гостях у Ивана Петровича Шухова. Кажется, только что вложил он чистый лист бумаги в каретку пишущей машинки да вдруг, прежде чем коснуться клавиш с буквами, снял очки, о чем-то задумался, наклонившись над письменным столом. В этом уютном доме с мезонином под шум деревьев хорошо думалось и мечталось писателю: сидел ли он за своим рабочим столом или в гостиной, где гудел самовар, или грел руки ненастным зимним вечером у железной печки, в которой весело потрескивали березовые поленья. С волнением всматриваемся мы в многочисленные экспонаты дома-музея. Среди них произведения И. П. Шухова «Горькая линия», «Ненависть», «Пресновские страницы», изданные на русском, английском, немецком и других языках.

Разумеется, привлекает внимание высказывание Э. Левонтина посло выхода в 1934 г. «Ненависти» на французском языке в Издательстве иностранных рабочих в СССР (Москва), который опубликовал в журнале «Литература национальностей СССР» большую рецензию на шуховскую книгу.

«Французы не слишком охотно переводят иностранных авторов. Толстой, Достоевский, Горький — и после революции Чехов — вот, пожалуй, основной список переведенных и популярных во Франции русских писателей,— подчеркивается в начале рецензии.— Советских писателей Франция переводит и читает немного — меньше чем Германия, меньше чем Англия и Америка. Вот почему сам факт перевода крупного советского художественного произведения на французский язык заслуживает пристального внимания. Тем более, мы должны серьезно отнестись к переводу романа, тема которого посвящена эпохе нашей революции — эпохе

социалистического переустройства деревни. Переводчики сделали удачный выбор. Роман Ивана Шухова показывает классовую борьбу в деревне именно на разнонациональном стыке деревенских масс». И далее: «Всякая попытка перевести Шухова с русского языка на французский с помощью передачи отдельных слов и фраз по лексикону была бы совершенно безнадежна. Образы шуховского романа, вся социальная сфера в нем с большой и впечатляющей силой передаются также своеобразием языка».

Большой интерес среди экспонатов вызывают редкие фотографии Шухова с Михаилом Шолоховым, Ольгой Берггольд, Ильей Эренбургом, Джамбулом, Сабитом Мукановым, Габитом Мусреповым, в суровой фронтовой землянке среди бойцов на Лодейном Поле, с героями целинных очерков, а также стенды, отражающие этапы большого творческого пути писателя, его поездки в Америку и Югославию.

Обращает на себя внимание диорама «Пожар в степи» по мотивам повести «Колокол» алма-атинского художника Б. Н. Старкова.

Но есть среди рукописей, ксерокопий, писем, нехитрых предметов и вещей реликвия, заставляющая сильнее биться сердце каждого, входящего сюда, — билет члена Союза писателей СССР, подписанный основоположником советской литературы А. М. Горьким. От него — прямой путь к бесценному свидетельству горьковской заботы о молодых талантах. Лишь один отрывок из письма к Шухову:

«Вы написали очень хорошую книгу, это — неоспоримо. Читая «Горькую линию», получаешь впечатление, что автор — человек даровитый, к делу своему относится вполне серьезно, будучи казаком, находит в себе достаточно смелости и свободы, для того, чтоб изображать казаков с беспощадной и правдивой суровостью, вполне заслуженной ими. Вам — 25 лет, пишете Вы о том, что видели, когда Вам было 12 и, разумеется, Вы не могли видеть всего, что изображается Вами. Но когда читаешь Вашу книгу — чувствуешь, что Вы — как будто — были непосредственным зрителем и участником всех событий, изображаемых Вами, что Вы — как бы подслушали все мысли, поняли все чувствования всех Ваших героев. Вот это и есть подлинное настоящее искусство изображения жизни силою слова. Пишете Вы — на мой взгляд — в достаточной мере технически умело, фраза у Вас простая, четкая, и все слова почти всегда стоят на своем месте, не мешая читателю понимать и даже видеть все то, что Вы изображаете!..»

Другие строки горьковского письма к Ивану Шухову можно поставить эпиграфом ко всему его творчеству: «Вам следует работать над собой много и серьезно: у вас хорошее, здоровое, революционное дарование, его необходимо расширить, углубить».

Раздел «А. М. Горький о творчестве И. П. Шухова», на наш взгляд, один из привлекательных в экспозиции дома-музея. И вряд ли кто из посетителей не познакомится с такими, напри-

мер, высказываниями основоположника русской советской литературы на совещании редакторов политотдельских газет:

«...Я думаю, что кое-что Вы могли бы дать и о некоторых наших литературных достижениях. Таких, например, как книга Шухова «Ненависть». О ней следует рассказать. Интересная книга. Или книга Шолохова, вероятно, вам всем известная, — и о ней напечатать толковую рецензию. Собрать целый ряд таких книг и объяснить, почему они интересны, почему их надо знать».

Или: «...Критика еще не удосужилась сопоставить «Бруски» с «Ненавистью» Шухова и «Поднятой целиной» Шолохова» («Открытое письмо А. С. Серафимовичу»).

В речи на пленуме правления Союза писателей 7 марта 1935 г. А. М. Горький еще раз подчеркивал:

«Должен указать одно — что, несмотря на обилие докладов и остроу дискуссий, и критики, и литераторы обнаружили все-таки недостаточное знакомство с современной литературой, не назвали целого ряда книг, которые заслуживают внимания критики — должны заслуживать, — которые прошли незаметно. На это самое указывал тов. Серебрянский, что говорили о двух основных произведениях на тему колхоза: о произведении Шолохова и о произведении Панферова. Конечно, это основные произведения, кто это будет отрицать, но есть третье — Шухова «Ненависть», тоже очень значительное произведение».

Можно утверждать, что писатель горьковской школы Иван Петрович Шухов всю жизнь следовал одному из прекрасных заветов своего учителя — бережно относился к одаренной литературной молодежи, ко всему истинно творческому, талантливому.

Редактируя «Простор» (полная подшивка журнала за все годы работы И. П. Шухова редактором «Простора» хранится в доме-музее), он сделал достоянием всесоюзного читателя малоизвестные и неизвестные страницы из жизни Павла Васильева, Осипа Мандельштама, дал вторую творческую жизнь большому прекрасному художнику слова Андрею Платонову публикацией повести «Джан», напечатал увлекательные страницы творчества Венямина Каверина, Юрия Казакова и других замечательных писателей. Об отношении Ивана Шухова к талантливым произведениям на посту редактора журнала «Простор» говорил на торжествах в честь открытия мемориального Дома-музея И. П. Шухова ответственный секретарь журнала «Простор» Р. В. Петров, передавший в дар дому-музею негативы редких фотографий и сигнальный номер журнала «Простор» с материалами, посвященными 80-летию со дня рождения писателя.

Очень интересно вживаться во внутренний мир писателя, слышать его негромкий, чуть хриловатый голос, записанный на магнитофонную пленку, читать воспоминания о встречах с А. М. Горьким, Е. П. Пешковой, матерью и сестрой Сергея Есенина, строки писем, адресованные Шухову А. М. Горьким, П. П. Бажовым, А. Т. Твардовским, П. И. Замойским, Ю. П. Казаковым.

И вот уже появляются первые записи в книге отзывов Дома-музея И. П. Шухова. Например, одна из них: «На нас, членов оргкомитета по проведению большого литературного праздника, посвященного 80-летию со дня рождения И. П. Шухова, прекрасное впечатление произвел шуховский литературно-мемориальный музей. И его экспонаты, и живо воссозданная обстановка кабинета и гостиной, и разросшийся сад, и аккуратно разбитые аллеи с клумбами цветов — все радует сердце.

От всей души хочется надеяться, что литературно-мемориальный Дом-музей И. П. Шухова положит начало заповедной литературной зоне в этом крае, являющимся также родиной классиков казахской советской литературы Сабита Муканова и Габита Мусрепова, память о которых так же, как и об Иване Шухове, бережно хранят земляки-североказахстанцы.

Пусть же станут доброй и прекрасной традицией ежегодные шуховские чтения, литературные праздники в старинной станице Пресновской, как стали они в пушкинском Михайловском, блоковском Шахматове или есенинском Константинове...»

О благотворном воздействии и большом воспитательном значении шуховской прозы хорошо сказано в отрывке одного из читательских писем, экспонирующихся в экспозиции Дома-музея:

«Да здравствуют неспящие ручьи, поющие в безмолвной ночи. Не уставайте, Иван Петрович, пожалуйста, не уставайте, и живите долго-долго, растите Ваши травы в необъятной чистоте Вашего писательского поля, где так хорошо дышится читателю».

«Мы много сделали...»

(Малоизвестные документы
И. Жансугурова)

Шел 1932 год. Работники одного из ленинградских издательств знакомятся с автобиографией человека, которому предстоит возглавить писательскую организацию Казахстана. На приложенной к ней фотографии изображен юный парень в зимней национальной одежде, подпоясанной узким ремнем с металлическими бляшками. На оборотной стороне подпись: «Жансугуров Ильяс. Снимок 1923 года».

Письмо из Алма-Аты было деловым и довольно лаконичным: «В издательство писателей в Ленинграде. Поздно получил Ваше письмо. Посылаю Вам краткие сведения о себе и об Орманове. Эти сведения далеко неполные, но все-таки дают основные ответы на вопросы, которые Вами указаны в письме. Просим учитывать наше особое положение: наша страна — бывшая отсталая, это отражается и на нашем развитии и росте. С товарищеским приветом Жансугуров».

Каких-либо документов Гали Орманова или что-либо о нем в этом архивном деле нет. Возможно, их когда-то отделили от материалов Ильяса Жансугурова. Но, безусловно, у нас не может не вызывать определенный интерес то, что связано с именем одного из зачинателей советской казахской литературы, первого руководителя Союза писателей Казахстана. Поэтому правомерно привести и некоторые тексты с автографами человека, так много сделавше-

го для становления не только новой литературы, но и для социалистической культуры своего народа.

Автобиография (приложен документ):

ДЖАНСУГУРОВ ИЛЪЯС

Я родился в 1894 году в Аксуйском районе, аул № 4, Алма-Атинской области Казахской АССР. Мой отец был середняком. До 1920 года, т. е. до (утверждения) Советской власти в Казахстане, я не имел образования. Работал в ауле, в крестьянском хозяйстве. После 1920 года я приехал в город Ташкент и поступил на краткосрочные курсы при Ташкентском инпросе. Участвовал в комсомольской печати. Прожив одну зиму в инпросе, я вернулся в свой родной аул и стал активным работником в ауле и постоянно корреспондировал и писал стихи в газеты. В 1923 году я приехал в город Алма-Ата и поступил на работу в редакцию областной газеты «Тильчи», стал «поэтом» газеты. С этого момента я начал сотрудничать и в других органах печати, а именно: в журналах «Жас казах», «Лениншил жас», «Аель тендиги», «Сана» и пр. После 1925 года я приехал в Москву и поступил в Государственный институт журналистики, окончил его в 1928 году. После окончания учебы я поступил на работу в редакцию краевой газеты «Элбекши казах», в которой работаю по настоящее время.

Мои труды, вышедшие в свет, следующие:

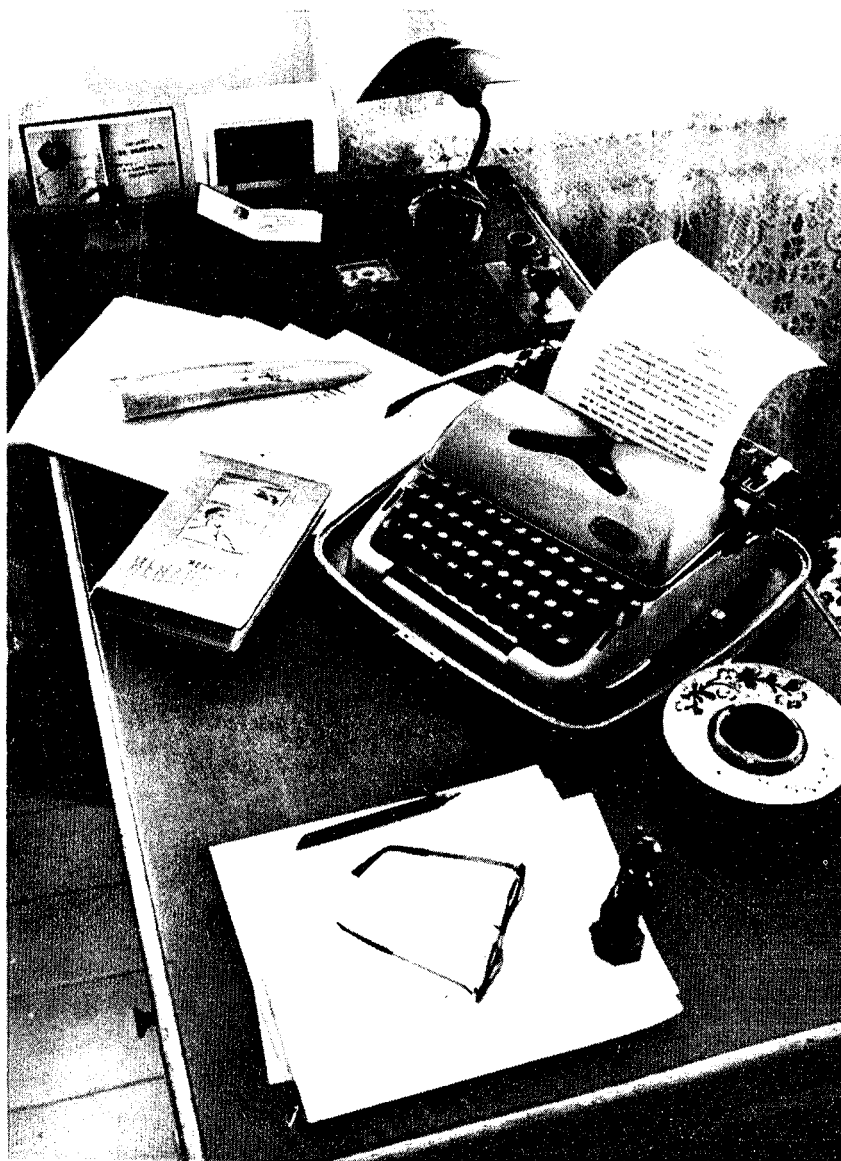
1. «Бет ашар» («Первое приветствие»).— Стихи. Издание журнала «Аель тендиги», 1927, город Кзыл-Орда.
2. «Отрик» («Небылица»).— Сборник народных небылиц. Издание Центриздателства народов СССР, 1926, Москва.
3. «Саганак».— Сборник стихотворений. Издание КазГИЗ, 1928, город Кзыл-Орда.
4. «Жанка» («Щепка»).— Сборник стихотворений казахских поэтов. Издание Центрального комитета новотюркского алфавита, 1929 г., город Кзыл-Орда.
5. «На новых путях».— Художественные очерки о строительстве Турксиба. Издание Казиздата, 1929 г., город Алма-Ата.
6. «Новые мотивы».— Сборник стихотворений. Издание Казиздата, 1930 г., город Алма-Ата.
7. «Степь».— Поэма, посвященная 10-летию КАССР. Издание Казиздата, 1930 г., город Алма-Ата.
8. «Кек» («Месть»).— Пьеса, характеризующая классовую борьбу в казахских аулах после Октябрьской революции. Издание Казиздата, 1931 г., город Алма-Ата.
9. «Враги» («На два фронта»).— Пьеса, характеризующая борьбу против великодержавного шовинизма и местного национализма. Издание Казгостеатра, 1932 г., город Алма-Ата.

Детские книги:

1. «Подарок детям», первая часть; 2. «Подарок детям», вторая

Диорама «И. П. Шухов и герои его произведения» в мемориальном доме-музее в с. Пресновка Северо-Казахстанской области.

Рабочий стол И. П. Шухова в мемориальном доме-музее в с. Пресновка Северо-Казахстанской области.

Труды Общества изучения Казахстана, изданные в начале 20-х годов.

Курмангазы Сағырбаев. Художник Е. Гилев.

часть: 3. «Маек» (о колхозе); 4. «Малта» (о процессе изготовления сыра); 5. «Чаркей» (о процессе изготовления кошмы); 6. «Загадки»; 7. «Союз» (о союзе детей всех народов СССР).

Кроме того, мои стихи и рассказы разбросаны по журналам, газетам и учебникам, которые Казиздат собирает и будет издавать полное собрание моих сочинений в этом году.

Образование среднее.

Член ВКП(б) с 1927 года.

Член КазАППА с 1928 года и член краевого бюро этой организации.

Я не участвовал в гражданской войне.

Имею связь с производством, а именно: Риддер, Турксиб, типография и суконная фабрика в г. Алма-Ата. Бываю на этих предприятиях (в тексте «производствах». — В. П.) и получаю письма от рабочих. Бываю в колхозах и совхозах по командировкам, по эту связь считаю недостаточной.

Библиография.

Отзывы о моей литературной деятельности.

Журналы «Жапа адабият», № 9 за 1930 г. и № 7 за 1931 г. и «Красная нива» (Москва), № 28 за 1928 г.

Газета «Энбекши казах», 1930, № 78.

Книга Тогжанова «Вопросы литературы и критики», издание редакции газеты «Эпбекши казах», 1929 г.

Литературная энциклопедия. Книга 4-я.

Джансугуров. 15 февраля 1932 г., гор. Алма-Ата (ЦГАЛИ, ф. 1624, оп. I, д. 53, л. 1—4).

Выросший в среде таких выдающихся писателей и общественных деятелей, как Сакен Сейфуллин, Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов, Ильяс Джансугуров взял на свои плечи груз огромной организационно-административной работы в Союзе писателей республики. Какими делами ему приходилось заниматься «по должности», продолжая активную творческую литературную работу, видно из письма к старому большевику и писателю Ф. А. Березовскому.

«Москва, 31 марта 1935 г.

Многоуважаемый Феоктист!

Перед отъездом я к Вам позвонил. Мне хотелось поговорить с Вами. Мы, все казахстанцы, уезжаем вместе — Сакен, Сабит, Жамангулов и др. 1/IV.

Я составил смету на оборудование Дома писателей на 83 000 руб. По этому поводу говорил с Ивановым. Но Хашпалов категорически отказал. Я от него требовал обсуждения нашей сметы на заседании правления. Но когда правление состоялось, то Иванов не пришел на заседание, и я просил наш вопрос не обсуждать без его участия. Таким образом, вопрос перешел на следующее заседание правления.

Теперь мне пришлось участвовать... (документ, написанный

мелким каллиграфическим размашистым почерком на двух сторонах листка, внизу оборван.— В. П.)... на это правление. Я очень прошу, когда будете в Москве, вмешайтесь в этот вопрос.

После приезда в Алма-Ату Жамангулов обещает послать Вам договор на Ваш сборник.

Ну пока все. Жму Вашу товарищескую руку! Передайте от меня дружеский привет супруге. До свидания! Пишите письма!

Ильяс.

Мой адрес: Алма-Ата, ул. Красина, 41. Джансугурову».

(ЦГАЛИ, ф. 1785, оп. 2, д. 35, л. 1).

Известно, что Джансугуров поддерживал контакты с видными советскими писателями, встречался и беседовал несколько раз с А. М. Горьким. Как представитель молодой казахской советской литературы он выступил с блестящей речью на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г.

К сожалению, немало важных фактов из биографии поэта утрачено из-за отсутствия документов. Поэтому весьма ценна каждая находка в архивах. Одна из них — выступление Ильяса Джансугурова 11 февраля 1936 г. в Минске, выявленное при обработке сотрудниками Центрального государственного архива литературы и искусства материалов пленумов Союза писателей СССР.

Как явствует из стенограммы, на выездном пленуме на вечернем заседании председательствующий А. С. Щербakov предоставил слово Джансугурову. Зал встретил его аплодисментами. В речи представителя Казахстана, начатой с приветствия белорусскому народу, подчеркивалась важность дружбы народов, сплотившихся в Союзе ССР на основе ленинской национальной политики, констатировались успехи в деле ликвидации фактического неравенства.

Яркая речь Джансугурова привлекла внимание не только своей эмоциональностью, но и содержанием. В ней сопоставлялось проклятое прошлое и светлое настоящее казахского народа, с четких классовых позиций давались оценки эпохам, социально-экономическим отношениям, национальным взаимоотношениям. О приобщении ранее отсталых народов к мировой культуре сказано: «Народы, которые до Октябрьской революции не имели даже алфавита, сейчас читают Пушкина на родном языке... Пушкин, Горький, Маяковский обогащают теперь не только русскую литературу, но и литературу народов нашей великой Родины. Русский язык, на котором мыслил Ленин, — главный мост связи наших братских литератур... Любимый наш Алексей Максимович не раз говорил о важности литературной связи между нашими народами. Он всегда ставил вопрос на практические рельсы, говоря о специальных альманахах, о посылке писательских бригад, о связи между работниками театра и искусства и т. п. Мы много сделали по осуществлению этих указаний».

Закончил свое выступление Джансугуров стихотворением на казахском языке, покорившим аудиторию своей мелодичностью. Затем он пояснил, что оно посвящено гостеприимному белорусско-

му народу, его перевод сделал Александр Безыменский, который и прочитал стихи по-русски. Девять четверостиший еще не опубликованного стихотворения зазвучали в зале:

Необъятен великий Союз,
Много, много в нем братских стран,
На Востоке — степной Казахстан,
А на Западе — Беларусь...

(ЦГАЛИ, ф. 613, оп. 1, д. 8612, л. 175—180).

Вполне возможно, что при дальнейшей тщательной работе архивистов, историков, литераторов в архивах, в периодике 20—30-х годов могут быть найдены еще не введенные в оборот материалы о плодотворной, исключительно полезной деятельности выдающегося казахского писателя Ильяса Джансугурова.

В. ЮДИН

Неизвестная версия гибели Урус-хана

*(О некоторых письменных памятниках
и устной историографии)*

После смерти последних ханов Золотой Орды Джанибека и Бердибека, потомков второго сына Джучи — Бату, во владениях Золотой Орды, в частности в Дашт-и Кипчаке, более чем 20 лет царила смута. Исследователи отмечают, что за эти годы в Сараях сменилось более 25 ханов. Восточный Дашт-и Кипчак (т. е. Казахские степи) отделился от Сарая, вероятно, несколько ранее. Но и здесь не было мира. За власть боролись различные группировки, во главе которых стояли потомки разных сыновей Джучи (только законных источники упоминают 18). Их общими усилиями потомки Бату были истреблены. Наступало время, когда на политической арене Восточного Дашт-и Кипчака остались лишь соперничавшие линии потомков пятого сына Джучи — Шайбана и тринадцатого сына Джучи — Тука-Тимура. В означенное время власть в Восточном Дашт-и Кипчаке сосредоточилась в руках Урус-хана, сына Бадыка, потомка Тука-Тимура.

Политическая обстановка в странах, окружавших Восточный Дашт-и Кипчак, была опасной для Урус-хана. В Западном Дашт-и Кипчаке правил племенной предводитель Мамай. В Сараях все время менялись ханы, которые пытались восстановить власть Золотой Орды в Восточном Дашт-и Кипчаке. Возвышалась Московская Русь. В Средней Азии господствовал Тимур. В Мугулистане усилился чагатаид Туглук-Тимур-хан. В самом Восточном Дашт-и Кипчаке против Урус-хана также действовали силы в лице джучидов, племенных владетелей и др. Именно эти силы и привели, в

конце концов, к его гибели и помешали объединить Восточный Дашт-и Кипчак.

Введенные в обиход источники не говорят подробно о том, как сошел с политической арены Урус-хан. Сообщается лишь, что он умер естественной смертью. Этому противоречат, однако, известия такого сочинения, как «Чингиз-наме» («Книга о Чингизе») Утемиша-хаджи (XVI в.). По данным этого источника, Урус-хан был убит в стычке с Тохтамышем.

Тохтамыш тоже был потомком Тука-Тимура. Его отец Той-Ходжа был убит Урус-ханом за неповиновение. Той-Ходже принадлежал якобы Мангышлак. Известно, что Тохтамыш бежал из Дашт-и Кипчака в Мавераннахр, к эмиру Тимуру. Последний использовал его в борьбе против Урус-хана. Борьба между Тимуром и Урусом была ожесточенной. Разворачивалась она в основном в присырдарьипских районах. Согласно источникам, Тимур помогал Тохтамышу людьми и снаряжением. Но Урус постоянно разбивал Тохтамыша, поэтому последний смог утвердиться на «троне Саина» и временно объединить Восточный и Западный Дашт-и Кипчак лишь после смерти Уруса, когда одолел и Мамай, разгромленного на поле Куликовом.

Сведения Утемиша-хаджи уточняют эти события. В «Чингиз-наме» делается попытка осветить историю Дашт-и Кипчака в послемонгольское время на основе историографической традиции «кари соз» — преданий, передававшихся изустно в степях от поколения к поколению. Это очень своеобразный источник, отличный от тимуридской историографии. Его данные — это память о своем прошлом насельников Дашт-и Кипчака. Как же изложены упомянутые события в «Чингиз-наме»? Источник сообщает следующее.

Тохтамыш, который нашел убежище у Тимура, несколько раз выступал против Уруса, но всякий раз бывал разбит. Его поддерживала недовольная молодежь, видевшая в нем лидера, способного добиться цели. Однако опора на молодежь не обеспечила Тохтамышу успеха. Он смог его достичь только путем соглашения с предводителями некоторых узбекских племен, т. е. с лицами, имевшими реальную власть. Тохтамыш установил связь с предводителями четырех крупных дашт-и-кипчакских племен, которые якобы были выделены в прежние времена его предкам, поэтому он как бы имел «историческое» право на их поддержку. Совместно они разработали детальный план заговора против Уруса. Согласно плану, четыре племени после получения сигнала от Уруса о начале перекочевки на летовья должны были как можно дольше оставаться на месте.

Когда большая часть племен Урус-хана откочевала, Тохтамыш тайно прибыл в расположение оставшихся племен и повел их в сторону Итиля (Волги). Перекочевка осуществлялась на телегах, племена уходили, обремененные семьями и скотом, поэтому передвигались медленно. Получив известие об их откочевке, Урус-хан организовал погоню. Он выступил с находившимися при нем людьми

ми и одновременно разослал гонцов в подчиненные ему племена, чтобы те прислали своих воинов для участия в карательных мероприятиях. Но последние уклонились от выполнения его требований. Урус был вынужден преследовать беглецов собственными силами и настиг их ночью. Отряд Уруса намного уступал по численности безавшим племенам. Он знал это и потому решил атаковать их немедленно.

В свою очередь, Тохтамыш и предводители племен, думая, что Урус располагает превосходящими силами, решили прикрыть от него уходивших сородичей и позаботились о сохранении подростков племени. Они отобрали всех мальчиков, способных держаться в седле, и приказали незаметно уйти на конях в ночную темноту и держаться там на безопасном расстоянии. В случае победы мальчики должны были вернуться, а в случае поражения скрыться и затем самостоятельно устраивать свою судьбу. Среди мальчиков были 12-летний сын Тохтамыша Джалал ад-дин и сын главного сподвижника Тохтамыша, предводителя племени ширин Урик-Тимура — Йахши-ходжа.

Урус-хан несколько раз атаковал в конном строю людей Тохтамыша и осыпал градом стрел. Противник отвечал тем же. Джалал ад-дин и его товарищи решили, в свою очередь, напасть на Уруса с фланга. Стрела Джалал ад-дина поразила Уруса. Гибель предводителя породила панику, и отряд бежал с поля боя. Тохтамыш, его сторонники и сыновья ушли к Итилю. С тех пор якобы и бытует среди узбеков истина: «Джалал ад-дин убил Уруса». Таково степное предание, которому нет причин не верить.

Небольшой рассказ, на первый взгляд, уточняет лишь незначительный факт из истории ханов Дашт-и Кипчака — обстоятельства смерти Урус-хана. Однако такой вывод неверен. Источник дополняет наши сведения по такой вспомогательной исторической дисциплине, как генеалогия. К тому же из этого рассказа могут быть сделаны и другие выводы.

1. Рассказ о смерти Уруса позволяет установить существование в степях Дашт-и Кипчака собственной историографической традиции. Она была устной, переходящей из поколения к поколению и имела характерные черты. Традиция существовала в форме рассказов о лицах и событиях, которые, будучи выстроены в хронологической последовательности, создавали последовательный и непрерывный ряд — степное устное историческое знание. Оно может быть названо степной устной историографией¹. Несмотря

¹ Данное сообщение было подготовлено в 1980 г. Позднее, с учетом условной корректности термина «историография» в отношении устной традиции, автор ввел понятие «степная историология». См.: Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая. — В кн.: Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983, с. 122. — *Прим. Ю. Г. Барановой.*

на свою «эзотичность», она в сущности подчинялась тем же системно-структурным принципам, что и письменная историография. Присущие ей хронологические «провалы» и тенденциозность, анахронизмы, избирательность, некоторый разноречивый (приписывание одним и тех же событий различным людям) не составляют принципиального отличия. Ее временная глубина — события эпохи Чингиз-хана. Но и это отличие не принципиально: многие «национальные» письменные историографии эпохи феодализма имели не более глубокую точку отсчета. Каждый такой рассказ резюмировался в форме краткой сентенции типа «Джалал ад-дин убил Уруса», которая, будучи поговоркой исторического характера, закрепляла события в памяти народа, служила зачином или концовкой рассказа-предания. Высокая степень точности данной устной историографии проверяется перекрестным сравнением сведений письменных источников, построенных на ее основе, с известными историческими сочинениями, имеющими иную основу.

2. Степная устная историография может быть трактована не только как форма социальной памяти насельников Дашт-и Кипчака, но и как особая форма изящной устной словесности. Рассказ о гибели Уруса, несомненно, выполнял и эстетическую функцию. Другие рассказы-предания «Чингиз-наме» демонстрируют это качество еще лучше. Они нередко эмоционально окрашены, заострены в морально-этическом плане, а иногда включают в себя жыры (в «Чингиз-наме» — их отрывки), которые иллюстрируют предание, а само оно, в свою очередь, разъясняет их происхождение. Один из таких отрывков, приведенный в «Чингиз-наме» из жыра XIV в., сатирически рассказывает о претенденте на трон Золотой Орды шайбаниде Каабае. Фактически это саркастическая характеристика, одобренная фривольными выражениями, присущими степной поэзии. Из такой поэзии, вероятно, и выросли героический эпос и другие эпические жанры устного народного творчества казахов и других народов, ведущих свое происхождение от племени Дашт-и Кипчака. Эти сведения дошли до нашего времени с большой степенью историографической деформированности.

3. «Кари соз», т. е. рассказы-предания, положенные в основу дошедших до нашего времени сочинений, написанных в основном на тюркских языках в XVI и последующих веках, определили их содержание, структуру, изобразительно-выразительные средства и пр. Среди письменных нарративных источников по истории Дашт-и Кипчака и соседних стран, следовательно, и по истории Казахстана, они составляют особую, своеобразную группу. Без учета их невозможно правильно классифицировать письменные нарративные источники по истории Средней Азии, Казахстана, всего Дашт-и Кипчака и некоторых соседних стран. Эти сочинения можно рассматривать и как продукт историко-художественного творчества, несмотря на их четкую историографичность. Такими сочинениями следует считать «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» Мухаммад Шайбани-хана (предположительно), «Чингиз-наме»

Утемиша-хаджи, «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Кадыр-Али-бий Джалаира, «Шаджара-йи турк ва могул» Абу-л-Гази-хана и др.

Некоторые выводы конкретно-исторического характера:

1. Внутренняя ситуация в Восточном Дашт-и Кипчаке в период правления Урус-хана была далеко не стабильной, несмотря на внешнее признание его власти. Такое положение явилось следствием соперничества в борьбе за власть между джучидами (в данном случае — с Тохтамышем) и наличия «недовольных молодых людей», которые объединялись вокруг лица, способного повести их на борьбу против верховного хана и стоящих за ним социальных сил.

2. Нестабильность усиливала сепаратизм племен, обусловленный признанием «исторического» права главенства над ними за представителями определенных линий джучидов. Переход под власть джучида другой линии воспринимается как противоправный акт и мог стать основанием для отказа от повиновения. Источником такого правового воззрения был раздел Чингиз-ханом племен между сыновьями и внуками.

3. Одной из форм борьбы племен против хана, ставшего их повелителем в нарушение традиционного права, была откочевка.

4. Урус-хан не располагал силой, способной подавить недовольство племен, что послужило причиной его гибели.

5. Не существовало строгой последовательности в перекочевке тех или иных племен. Племена могли по своему усмотрению без вмешательства хана начать перекочевку. Племена, прибывшие на летовья раньше, занимали лучшие пастбища вдоль рек. Следовательно, отсутствовало строгое распределение летовий, их занимали на основе явочного права.

6. Рассказ о гибели Уруса — ценный источник по истории военного дела кочевников Дашт-и Кипчака. Время суток (ночь) использовалось нападающей стороной для сокрытия своей численности. Бой был «конный» и «лучный». Состоял он из серии атак нападающей стороны на вытянутую по фронту конницу, которая в течение боя отступала, прикрывая отходящие обозы. Наступающие шли лавиной, приблизившись к противнику, они осыпали его градом стрел, затем «все вдруг» поворачивались вдоль строя, продолжая интенсивную стрельбу, и отходили. Потом все повторялось. Исход боя решила внезапная фланговая атака мальчигов, которые в данном случае выполняли функцию «засадного полка». И атакующие, и обороняющиеся в бою выкрикивали свои «ураны», что позволяло оценить складывающуюся ситуацию и в то же время было формой связи. В бою действовали законы чести, выразившиеся, например, в том, что Урик-Тимур, под которым был убит конь, громко упрекал Тохтамыша в забвении условий, заключенных между ними, и Тохтамыш посчитал делом чести вернуться к Урик-Тимуру, оставшемуся пешим на «ничьей» территории», поднять его к себе на коня и отвезти к «своим».

7. У насельников Дашт-и Кипчака существовал народный календарь, в котором отразились хозяйственно-бытовые ритмы общества кочевников-скотоводов. В календаре зафиксированы перекочевка на летовья и сезон самого летнего кочевания. В нем особо выделен период, когда «кони разжирили, а люди веселятся и пьют кумыс». Эти подразделения позволяют установить в первом приближении общую структуру народного календаря. Во-первых, существовали основные единицы — сезоны зимних и летних кочевий. Возможно, были сезоны осенних и весенних кочевий. Особо выделяются периоды перекочевок с одних сезонных кочевий на другие. Это был первый уровень деления годового производственного цикла. Во-вторых, основные сезоны имели более дробное деление, что доказывается выделением в рамках сезона летних кочевий периода, когда «кони разжирили». Это — второй уровень календаря.

Изучение источников, основанных на устной историографии, позволит полнее реконструировать народный животноводческий календарь насельников Восточного Дашт-и Кипчака.

У истоков

Появление первых печатных казахских книг относится к началу XIX столетия, однако, в первой половине века было выпущено, по имеющимся данным, не более десяти. Эти издания не оказали сколько-нибудь заметного влияния на культуру казахского общества того времени, так как в силу сложившихся исторических условий не получили распространения в народе.

Становление казахского книгопечатания произошло во второй половине XIX в. Примечательно, что казахские издания выпускались в основном за пределами края. Причем большая часть из них печаталась в Казани. К концу прошлого столетия казахские книги стали выходить также в Оренбурге и Ташкенте, в начале XX в. издавались в типографиях Уфы, Троицка, Петербурга.

Тогда же в областных городах — Семипалатинске, Уральске, Верном и некоторых других — были открыты казенные типографии при ведомствах (областных правлениях).

Отсутствие в XIX в. книгопечатания в самом крае объяснялось главным образом экономической и культурной отсталостью Казахстана, не было базы национального книгопечатания: шрифтов, оборудования типографий и самое главное — кадров.

Первые казахские книги стали печататься в типографии Казанского университета, образованной в 1809 г. Во

второй половине века их издание здесь заметно возросло. Так, с 1856 по 1899 г. в ней было выпущено 84 книги, общий тираж 21 из них составил 120 тысяч 400 экземпляров.

В Казани казахские книги издавались также в частных русских типографиях Л. Шевица — Н. П. Коковина — наследников М. В. Чирковой, Г. М. Вечеслава, Б. Л. Домбровского, Н. М. Чижовой, И. Н. Харитонова.

По количеству казахских книг, изданных во второй половине XIX в., типографии университета немногим уступала частная типография Чирковых. Эта типография, как пишет известный книговед А. Г. Каримуллин, ведет свою родословную от первой частной типографии в Казани Л. Шевица, открытой еще в 1841 г. В 1849 г. он продал ее Н. П. Коковину. С 1884 г. она стала собственностью С. И. Чиркова, затем его сына. Примерно с 90-х годов XIX в. она именуется типографией М. А. Чирковой,¹ а с 1894 г. и до конца функционирования — типографией наследников М. А. Чирковой. Казахские книги здесь издавались с 1866 по 1912 г. За вторую половину прошлого столетия в ней вышло 75 казахских книг, общий тираж 51 книги составил 313 тысяч 200 экземпляров.

С 1882 г. казахские книги стала печатать и частная типография Г. М. Вечеслава, открытая в Казани в 1881 г. До 1894 г. в ней вышло 9 казахских книг. В 1894 г. Г. М. Вечеслав продает типографию Б. Л. Домбровскому, который сумел издать до начала XX в. всего 5 казахских книг.

К концу XIX в. около десяти книг на казахском языке публикуют типографии Оренбурга (Б. Бреслина, И. И. Евфимовского-Мировицкого и П. Н. Жаринова) и три — в Ташкенте.

Выпуск казахских книг по всем типографиям Казани во второй половине XIX в. неравномерен и колеблется от одной-двух до десяти-пятнадцати книг в год. «Книгопечатание в 50—60-х годах в Казани на всех языках не превышает в основном 100 изданий, немного оживляется издание книг в 70-х годах. Начиная с 80-х годов в Казани начинает издаваться около 300 и более названий книг», — пишет А. Г. Каримуллин. Соответственно растет выпуск книг на казахском языке.

В целом в типографиях Казани до революции было напечатано более половины всех казахских книг: это, по неполным данным, свыше 200 названий. За этот период, включая издания оренбургских и ташкентских типографий, на казахском языке было выпущено 222 книги. Выявленный из этого числа тираж 75 книг составил 456 тысяч 800 экземпляров.

Рассматривая репертуар казахских изданий второй половины XIX в., следует отметить схожесть их тематики и содержания. То же самое можно сказать о их внешнем и внутреннем оформлении. Среди этих книг — писания религиозного содержания, сочинения на сюжеты восточной классической литературы и фольклора, образцы казахского устного народного творчества.

В 1862 г. в типографии Казанского университета впервые издается популярный в казахском народе героический эпос «Ер-Таргын», записанный неким Кулубековым. «Ер-Таргын» в той же типографии печатался еще четыре раза — в 1871, 1876, 1879, 1892 гг., а также в типографии Г. М. Вечеслава (1883), затем в типографии наследников М. А. Чирковой (1894, 1898). Из религиозных сочинений на казахском языке публикуются «Кисса Заркум», «Салсал», «Жумжума»; на сюжеты восточных поэм — «Коруглы», «Жусип и Зулейха», «Тахир» и др.

В истории казахской книги 1879 г. весьма знаменателен: вышла в свет «Киргизская хрестоматия» Ибрая Алтынсарина. С его именем связан новый этап в истории казахской дореволюционной культуры. «Киргизская хрестоматия» была первой книгой, написанной казахским автором, и внесла значительный вклад в дело развития казахского книгопечатания, дала новое направление в тематике издания и, по существу, положила начало выпуску книг светского содержания. Это издание содержит почти все произведения выдающегося казахского просветителя. По сравнению с последующими оно наиболее полное. В предисловии к хрестоматии Алтынсарин писал: «Всеобщая неграмотность киргизского народа, полное отсутствие книг на киргизском языке побуждали преподавателей учебных заведений для киргизских детей заменять киргизский язык татарским. Таким образом, без всякой необходимости ученикам приходилось поневоле привыкать к татарскому языку. С другой стороны, татарский книжный язык, переполненный арабско-персидскими словами, непонятен для неграмотных киргизов, и книги, писанные на этом языке, представляют неудобства для обращения их в светских русско-киргизских школах, особенно при переводах текстов на русский язык».

Просвещение и образование казахского народа Алтынсарин ставил в прямую зависимость от обеспечения школ, а также населения учебниками и книгами светского содержания. Для этого, по его мнению, следовало развивать национальное книгопечатание. Он считал, что издание светских книг в какой-то мере будет сдерживать натиск религиозных мусульманских сочинений.

Напряженная работа над «Киргизской хрестоматией», по праву признанной первым классическим творением печатной «художественной» культуры казахов, продолжалась около трех лет. Она была издана, как указано на титульном листе, «по распоряжению Министерства народного просвещения от 11 сентября 1879 г. и одобрению попечителя Оренбургского учебного округа, тайного советника П. А. Лавровского». Книгу отпечатали в Оренбурге в типографии И. И. Евфимовского-Мировицкого тиражом 2000 экземпляров.

Еще в начале 60-х годов Алтынсарин мечтал о создании книг на казахском языке, о выпуске популярных научных и общеобразовательных изданий, причем таких, которые вошли бы в народный обиход. Сознывая необходимость развития национального книгопе-

чатания, Алтынсарин писал: «Наш народ сильно нуждается теперь в научных руководствах на своем родном языке и долг каждого из нас — принести посильную лепту на пользу своей родины». Он понимал, что написанный им учебник и организуемые школы — это первые шаги в культурном преобразовании родного края. Ему хотелось, чтобы начатое дело было продолжено. «Киргизская хрестоматия», напечатанная в русской графике, еще в минувшем веке доказала приемлемость русского алфавита для казахского языка. По мнению Алтынсарина, данным обстоятельством надо было воспользоваться для развития массовой печати и издания светских книг и учебников.

В 1889 г. «Киргизская хрестоматия» выходит на арабском алфавите под названием «Мактубат» («Письма»), а затем переиздается в 1896 и 1899 гг. в Казани братьями Каримовыми. Последний раз ее печатали в русской графике в 1906 г. в оренбургской типографии Б. Бреслина.

Одновременно с хрестоматией в 1879 г. в Оренбурге вышло «Начальное руководство к обучению киргиз русскому языку». Данное учебное пособие (тираж 2000 экз.) представляло собой, по словам Н. И. Ильминского, «краткий очерк русской грамматики. Это были его (И. Алтынсарина.— Ж. III.) записки, по которым он преподавал русский язык в школе Оренбургского укрепления».

В культурной жизни казахского народа в конце XIX в. происходили определенные сдвиги, которые явились результатом изменений в социально-экономической и политической жизни края. Они нашли свое отражение и в казахских книгах. Из них можно было получить представление о тогдашнем казахском обществе, его классах, их интересах и запросах.

На тематику и содержание книг этого времени большое влияние оказывало религиозное мировоззрение, господствовавшее в феодально-байских кругах и распространяемое в народе. «Зажиточная часть населения, в особенности феодально-байская верхушка, стала все чаще и чаще обращаться к исламу,— отмечает в своей монографии «Идейно-политические течения в Казахстане конца XIX — начала XX века» К. Бейсембиев.— В Казахстане все шире и шире распространяются мусульманские нравоучения, догматы ислама, фантастические сказки о Магомете и его соратниках, последователях, приверженцах, о различных мифических пророках и т. д. На средства местных феодалов и духовных служителей в разных местах Казахстана открываются медресе, в которых преподавались так называемые „религиозные науки“».

Большая часть печатных изданий того времени и отвечала потребностям усиливавшейся мусульманской религии. На казахский язык переводятся, а затем издаются всевозможные религиозно-мистические поэмы, сочиненные арабскими и персидскими авторами, среднеазиатскими и татарскими муллами. По сути своей эти книги в языковом плане представляли собой смесь казахского, татарского и персидского языков, как правило, с большим пере-

весом последних. К таким изданиям относятся многие «кисса» (поэма, сказание) и «хикая» (рассказ, повесть): «Кисса хазрет Алий», «Кисса хазрет Осман», «Хикаят Маргуба», «Хикаят дас-стан Хатымтай» и многие другие. Большинство подобных сочинений публиковалось многократно. Тираж каждой книги обычно был от двух до десяти тысяч, по тем временам это немало. Так, по нескольку раз печатались «Кисса Салсал», «Кисса Жумжума», «Кисса Заркум», «Кисса Кожа Гаффан» и другие сочинения религиозного характера.

Во второй половине XIX в. в Казахстане из среды местного населения выходит немало мулл и других лиц, писавших произведения в религиозном духе и стремившихся воспитывать у читателей преданность вере. Вместе с усилением пропаганды догматов ислама увеличивается и выпуск религиозной мусульманской литературы. Причем кроме казахских книг публикуется масса татарских, а также всевозможные молитвенники, комментарии, различные части и полные тексты Корана и его толкования.

Распространение печатных изданий в значительной степени влияло на культуру казахского народа, способствовало ее дальнейшему развитию. Книги того времени свидетельствуют о том, что в недрах разлагавшегося патриархально-феодального общества, по словам профессора К. Бейсембиева, «пробивали себе дорогу новые общественные силы, способные выступать решительно против отживших отношений и традиций». Особенно ярко эти изменения отразились в произведениях казахских интеллигентов, выпавших из народа.

В истории казахской книги конца XIX в. видное место занимают сочинения Мапшур-Жусуп Копеева, Аубакира, Акылбека Сабалова, Кашафутдина Шахмарданова, Шахкарима, Жусупбека Шейкулисламова, Нуржана Наушабаева и других авторов. В своих произведениях они отражали воззрения определенных социальных групп, т. е. примыкали к тому или иному идейному течению. Многие из них были одновременно и редакторами казахских книг. Известный татарский книгоиздатель Шамсутдин Хусаинов, а впоследствии и его сыновья, печатавшие произведения казахского устного народного творчества, активно привлекал к редактированию казахских книг М. Юмачикова, Валиулла Тухфатуллина, Сейта Кереева, Жусупбека Шейкулисламова. К изданию образцов казахского эпоса, различных стихотворных сборников и сочинений религиозно-нравственного содержания больше других причастен Ж. Шейкулисламов. Он подготовил к печати и отредактировал тексты казахских эпосов «Кыз-Жибек», «Алпамыс» и «Айман-Шолпан», а также киссы «Юсуф — Зулейха», «Сейфул — Мулик», «Касым — Жомарт», «Заркум» и др. Кроме того, Шейкулисламов активно собирал и записывал образцы казахского устно-поэтического творчества и был инициатором их издания.

До революции несколько раз выходил сборник произведений Шортамбая Канаева, одного из представителей консервативного

направления в казахской литературе второй половины XIX в. Сборник печатался под названием «Шортанбайдын бала зары» в 1888, 1890, 1897 гг. и четыре раза в начале XX в. Другим представителем этого течения был поэт Дулат Бабатаев, автор правотительных стихов, вошедших в книгу «Осиет-наме» («Завет»). Эта книга издавалась дважды дважды книгоиздателем Ш. Хусаиновым и его наследниками в типографии Н. П. Кокоева в 1880 и 1897 гг.

Определенный вклад в дело казахского книгоиздания внес казахский поэт К. Шахмарданов (Байкеев). Отличное знание восточной литературы дало возможность ему записать значительное число сказаний и поэм и опубликовать затем отдельными книжками. Почти все они напечатаны в типографии наследников М. А. Чирковой. Издателями его книг были братья Каримовы. Шахмарданов записал один из вариантов поэмы «Жамшит», созданной на основе сюжета известной поэмы Фирдоуси «Шахнаме». «Кисса Жамшит» печаталась дважды: в 1889 и 1897 гг. Второе издание поэмы имело тираж 10 000 экземпляров. Эта и другие книги, написанные на восточные темы, говорят о распространении среди казахов восточной литературы.

К. Шахмарданов в свои и переводные книги часто включал стихи казахских просветителей И. Алтынсарина и А. Кунанбаева, а также различные пословицы и поговорки. Так построены сборники «Ақуал» (1897), «Манзурат» (1897), «Минез» (1898), «Қыл тафаккур» (1898) и др. Они состоят из назидательных стихов и различных пословиц, в которых звучит призыв к молодежи учиться, овладевать науками и искусством. В изданиях «Кел, балалар, оқылық кітабы» (1898), «Адебли бала» (1897) и в других Шахмарданов объясняет казахам важность ученья. В своей основе его сочинения носят дидактический характер. Так, в серии поэм «Абулхарис», «Дохтяр Гуанде», «Шах Махмуд» Шахмарданов «восхваляет знаменитых мусульманских ученых, в частности Ибн-Сину, поднявших науку на большую высоту и прославившихся на весь мир», — писал К. Бейсембиев. В некоторых его сочинениях наряду с просветительными идеями встречаются и религиозные взгляды.

В общей сложности К. Шахмарданов написал, перевел и отредактировал более двадцати книг и брошюр. Он первый из казахских авторов написал популярное руководство по медицине. Оно вышло в 1897 г. под названием «Мақулат» («Советы») тиражом 10 000 экземпляров. В книжке в стихотворной форме описана чума, борьба с ней. Автор все время подчеркивает, что чистота предохраняет людей от заражения этой болезнью.

Значительный вклад в казахское книгопечатание внес поэт, собиратель и издатель устно-поэтического творчества Ж. Шейкулисламов, знавший в совершенстве восточную классическую литературу и фольклор. Во время своих путешествий он записывал сказания, легенды, притчи, а позже занялся редактированием и изданием материалов. Кроме того, Ж. Шейкулисламов записал и

издал несколько айтысов казахских певцов-импровизаторов, в том числе айтыс Биржана и Сары, выдержавший восемь изданий. Восемь раз печатался и айтыс Жусупбека и Уазифы. На сюжеты восточных поэм Шейкулисламов написал около десяти произведений, включая переводы. Среди них известные в народе поэмы «Мунлык-зарлык» (вышло 12 изданий), «Шакир Шакрат» (11 изданий), «Гул-чахра» (3 издания) и др. Им написано также свыше десяти религиозных сочинений, что свидетельствует о его приверженности к религиозному мировоззрению.

В конце XIX в. увеличивается число изданий на религиозную тему. Это «Сейт-Баттал», «Заркум», «Бедир», «Салсал», «Ужуд», «Мухаммед-Ханафия» и др. В них мистифицируется ряд исторических личностей, основавших ислам. Книжки такого содержания сочинялись казахскими поэтами и муллами: А. Сабаловым, Ш. Жангировым, Аубакиром и распространялись в народе. Однако, как справедливо отмечает профессор К. Бейсембиев, «пропаганда религиозных догм не имела в среде казахского населения того успеха, на который рассчитывали панисламисты. Передовые казахские интеллигенты на страницах газет и журналов показывали вред деятельности мулл, пытавшихся отравить сознание масс религиозным ядом».

Казахские писатели-демократы конца XIX — начала XX в. С. Торайгыров, С. Кубеев, С. Донентаев и М. Сералин, осуждая издателей религиозной литературы, призывали интеллигенцию распространять в народе светское образование, издавать книги общеобразовательного и светского содержания, выпускать газеты и журналы.

Рассматривая содержание религиозных книг, нельзя не отметить, что среди них встречаются и такие, в которых осуждается скупость богатых и прославляется щедрость бедных: «Хатымтай Жомарт», «Касым Жомарт».

Если около половины казахских книг, изданных в конце XIX в., — это произведения религиозно-мистического, реакционного характера, то вторая ее часть — это сочинения, отражающие настроения, помыслы, стремления народных масс. К их числу относятся сказания и поэмы, написанные казахскими авторами на восточные сюжеты: «Тахир и Зухра» (11 изданий) А. Оразаева; «Зарлык хан» и «Куламерген» в записи Бектасова, «Шахмарал» и «Бозжигит». В них воспеты любовь, честность, правдивость, стремление к свободе и осуждены вероломство, подлость и коварство людей. Выражая мечты народа о справедливости и необходимости борьбы с общественным злом, эти книги играли положительную роль в жизни казахов.

Дореволюционное культурное наследие казахского народа нельзя представить без богатейшего устного народного творчества, воплощенного в форме различных эпических сказаний и поэм, легенд, преданий, айтысов, сказок и пословиц и т. д. В репертуаре казахских книг конца XIX в. эпос занимал особое место.

Особенно много печатных эпических поэм и сказаний появилось в последнее десятилетие. Они издавались в типографиях Казани, Оренбурга и Ташкента. В это время увидели свет образцы героического эпоса «Алпамыс», «Ер-Таргын», «Камбар», лирические поэмы «Кыз-Жибек», «Айман — Шолпан», «Козы-Корпеш и Баян-слу» и др.

Таким образом, во второй половине XIX в., после завершения присоединения Казахстана к России, в крае произошли коренные перемены как в экономике, так и в культуре казахского общества. Эти перемены благотворно сказались и на развитии казахского книгопечатания. Из среды казахского народа вышли ученые и просветители, педагоги и писатели, редакторы и издатели, которые внесли свой посильный вклад в дело образования и просвещения казахского народа, его культуры и литературы, а также развития национального книгопечатания.

Посвящены подвигам народным

Богата памятниками истории и культуры земля Семиречья. Многовековая история этого региона оставила нынешнему поколению немало бесценных реликвий прошлого: городища, курганы, наскальные изображения, архитектурные сооружения и т. д. В них нашла отражение культура племен и народов, некогда живших здесь. Бережно сохраняются в Семиречье и памятники, связанные с событиями Великого Октября, гражданской и Великой Отечественной войн, трудовыми подвигами тружеников региона, с именами выдающихся деятелей науки, литературы и искусства Казахстана: Ильяса Джансугурова, Мукана Тулебаева, Абылхана Кастеева, Гали Орманова...

Готовясь к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, областной и районные Советы ООПИК провели значительную работу по приведению в порядок историко-революционных памятников.

За пределами республики известно событие, которое вошло в историю под названием Черкасская оборона. Победа Октября пришла в наш край в феврале — марте 1918 г. Но уже в июне — июле в Лепсинский и Капальский уезды вторглись белогвардейские и буржуазно-националистические банды. Пламя гражданской войны охватило Семиречье. Неувядаемой славой покрыли себя защитники Советской власти в нашем крае. Село Черкасское стало цен-

тром района, в котором сосредоточились десятки тысяч крестьянских семей, бежавших от белогвардейского террора. Черкасцы, окруженные войсками атамана Анненкова и остро нуждавшиеся в оружии и в продовольствии, с августа 1918 г. и до середины октября 1919 г. героически сражались с врагом. Возглавляемая большевиками Черкасская оборона так и не позволила сибирской белогвардейщине соединиться со среднеазиатской контрреволюцией. Оборона пала, но уже тогда, когда чаша весов перевесила в пользу Советской власти. Вскоре банды были окончательно разбиты, а их остатки бежали за кордоп.

В селе Черкасское Саркандского района, на холме, где когда-то и находился наблюдательный пункт участников знаменитой обороны, в 1973 г. сооружен мемориальный памятник. Он состоит из трех трехгранников, олицетворяющих собой Верность, Мужество и Вечность. Трехгранники стали как бы естественным продолжением холма, утверждением незыблемости. На центральной обелиске надпись: «В памяти народной не померкнет слава героев Черкасской обороны». На другом на лицевой стороне перечислены названия сел, сражавшихся против белогвардейцев. В сентябре 1978 г. в дни празднования 60-летия Черкасской обороны в селе был открыт музей.

В городском парке Талды-Кургана установлен памятник командиру Первого Семиреченского полка Карпу Лукьяновичу Майстриюку. В дни героической Черкасской обороны, в походах на Джаркент, Пржевальск, Ташкент его отряд не раз одерживал блестящие победы. Весной 1921 г. в бою под Хивой Майстриюк был смертельно ранен. Его похоронили в Талды-Кургане.

Широко известно имя красного летчика А. А. Шаврова, отдавшего свою жизнь за установление Советской власти в Семиречье. Его смелость и отвага раздражали анненковцев. Они распространяли о Шаврове нелепые слухи, стараясь опорочить его в глазах своих, но безуспешно. Вскоре врагам удалось схватить Шаврова на ст. Абакумовской (ныне п. Джансугурово) и в июне 1919 г. растерзать его. На месте гибели «красного летчика» в 1967 г. установлен обелиск. Его именем названы улицы в городах и поселках области.

Начало 30-х годов... Советская республика, залечив раны, нанесенные гражданской войной, стала на прочные рельсы индустриализации. Не по нутру закордонным белогвардейцам, баям, кулакам были успехи Советской власти. В приграничных с Китаем районах сосредоточиваются большие банды. Одна из них временами появлялась в Аксуском и Капальском районах. Бандиты решили захватить аул Кзыл-Агач, в котором был организован новый кооператив.

Его защищали десять молодых пограничников во главе с командиром отделения Павлом Ивановичем Слесаревым. Шесть героических суток они держали оборону. С помощью местных жителей пограничники отразили нападение. Командир отряда был

удостоен награды — ордена Красного Знамени. Сейчас здесь красивый поселок, в нем находится усадьба крупного совхоза. Две улицы поселка носят имена героев обороны — Павла Слесарева и Дмитрия Воронина. В 1981 г. в центре Кызыл-Агача вырос 15-метровый обелиск Славы — символ нерушимой дружбы пограничников и труженников села в борьбе за социализм. На мраморном постаменте — барельеф с надписью: «Здесь 27 марта по 3 апреля 1930 года молодые пограничники во главе с командиром отделения Слесаревым при активной поддержке местных жителей отстаивали поселок Кызыл-Агач от басмаческой банды, защитили семенной фонд семиреченцев для большевистского весеннего сева».

Таких примеров немало. На территории области в память о борцах за Советскую власть установлено 37 памятников. В одном ряду с ними — памятники трудовой и воинской славы.

До Великой Октябрьской социалистической революции Казахстан был краем бездорожья. 3 декабря 1926 г. Совет Труда и Обороны СССР принял постановление о строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги. Сооружение ее началось в апреле 1927 г. с двух сторон: на северо-востоке от Семипалатинска и на юге — от ст. Луговая. 25 апреля 1930 г. на 17 месяцев раньше срока рельсы северного и южного участков сомкнулись на станции Огуз-Окурген (ст. Айнабулак). В день стыковки первый поезд провёл казах-машинист Кошкенбаев. В 1977 г. на этом месте поставили обелиск строителям Турксиба.

Боевыми успехами приумножили талдыкурганцы свою славу в годы Великой Отечественной войны. Более 22 тысяч наших земляков за воинскую доблесть и отвагу были удостоены высоких наград Родины.

Всему миру известен подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев. Мы гордимся, что одиннадцать из них — наши земляки. Это Герои Советского Союза Г. М. Безродный, Я. А. Бондаренко, И. Р. Васильев, П. Д. Дутов, Н. Есебулатов, Д. М. Калейников, А. Кожабергенов, Н. А. Митченко, И. М. Натаров, М. Сенгирбаев и И. Д. Шадрип. В честь земляков гвардейцев-панфиловцев г. Джаркент переименован в г. Панфилов, а Кугалинский район — в Гвардейский. Имена героев присвоены улицам, школам, пионерским дружинам.

Талды-Курганская область дала Родине 38 Героев Советского Союза, 4 полных кавалеров ордена Славы, 131 Героя Социалистического Труда.

С 1976 г. аул Чубар — центр колхоза имени XXII партсъезда — стал называться Алдабергеново. В центре его привлекает внимание Аллея Героев Социалистического Труда, в начале которой стоит бюст дважды Героя Социалистического Труда Нурмолды Алдабергенова, талантливого организатора колхозного движения в нашем крае.

Он прожил яркую жизнь. Обладая незаурядными организаторскими способностями и живым творческим умом, Н. Алдабергенов

многое сделал, чтобы превратить колхоз в передовое многоотраслевое хозяйство. За большую плодотворную работу по выращиванию высоких урожаев сахарной свеклы и других сельскохозяйственных культур в 1948 г. 16 передовикам колхоза было присвоено почетное звание Героя Социалистического Труда, в том числе и Нурмолде Алдабергенову. В 1958 г. Н. Алдабергенов был удостоен второй Золотой Звезды.

На центральной усадьбе колхоза им. XXII съезда партии, в двухэтажном особняке, где раньше жил Н. Алдабергенов, открыт мемориальный музей. В нем собраны личные вещи дважды героя труда, документы, фотографии и другие экспонаты, рассказывающие об истории колхоза. Здесь же фотографии 20 полеводов и животноводов, удостоенных звания Героя Социалистического Труда: Н. Нурпеисова, Б. Асанбаева, Т. Айдарбековой, К. Тергеуовой, К. Есболатовой, Н. Жидебаевой и др.

Сегодня в селе живут и трудятся Герои Социалистического Труда: чабан Дубек Батырбаев, знатные свекловоды Гайворонская и Шайжан Тергеуова. Передовики труда достойно продолжают славные традиции старшего поколения.

А. ОРДАБАЕВ, член Союза архитекторов СССР

Изучение, охрана и проблемы реставрации памятников в республике

Возросший интерес к истории и культуре прошлого и расширение работ по охране и реставрации памятников — одна из черт духовной жизни сегодняшнего Казахстана. Забота о сохранении культурного наследия в республике, как и во всем Союзе ССР, опирается на государственное законодательство и находит широкую поддержку у общественности. В настоящее время примерно в половине областей республики функционируют специальные научно-производственные мастерские, входящие в объединение Казреставрация. В Алма-Ате создан специализированный проектный институт Казпроектреставрация. Все эти учреждения относятся к системе Министерства культуры Казахской ССР, ведающего охраной и реставрацией памятников, которые имеются в нашей республике. Значительную финансовую и методическую помощь в этом деле оказывает Центральный совет Общества охраны памятников истории и культуры Казахстана. В вопросах исследования

памятников и их охраны велика роль Академии наук Казахской ССР.

Развитие дела охраны и реставрации памятников Казахстана было бы невозможным без их изучения, начатого русскими учеными и краеведами в последней четверти XIX в. В районах Северного и Западного Казахстана выявлением и исследованием памятников занималась Оренбургская ученая архивная комиссия, а в Южном Казахстане и Семиречье, по административному делению входивших в Туркестанское генерал-губернаторство, Туркестанский кружок любителей археологии. Памятники Восточного и Северо-Восточного Казахстана изучал Западно-Сибирский отдел Русского географического общества. Работа этих обществ проходила в тесном контакте с археологической комиссией.

Октябрьская революция положила начало новому этапу в деле изучения и охраны древностей. С первых же лет своего существования Советское государство стало уделять внимание этим вопросам. Расширился диапазон исследований, которые в плане архитектуры уже не ограничивались репрезентативными средневековыми объектами. Памятники юга Казахстана до 1928 г. находились в ведении Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис), а затем Среднеазиатского (Средазкомстарис). В 30-е годы после ликвидации последнего работой по охране древностей занялось Общество краеведения и Комитет по охране памятников культуры Казахстана. В то же время научные и практические связи с Ташкентом, в основном в делах реставрации архитектурных памятников юга Казахстана, не прекращались.

Особенно усилились исследовательские и реставрационные работы памятников старины в республике в последние десятилетия. Если 15—20 лет назад изучались 2—3 памятника в основном на юге, то теперь не только увеличилось число реставрируемых объектов, но и расширилась география работ. В этот период продолжались сложные и комплексные работы по предотвращению осадки, усилению конструкций и реставрации мемориала Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане, были отреставрированы мавзолей Бабаджи-хатун около г. Джамбула, мавзолей Домбаули в Центральном Казахстане, Ак-уюк на Мангышлаке, мечети в Семипалатинске, Панфилово и др. В начале 80-х годов принято решение о создании трех историко-культурных заповедников: один на основе средневековых городов Отрара и Тараза, два других на основе культовых и мемориальных памятников Мангышлака и Устюрта. Многие объекты последнего — это комплексы археологических и архитектурных памятников, начиная от каменного века и до нового времени.

Отмечая успехи в деле охраны и реставрации памятников, необходимо указать на ряд проблем, которые выдвигает практика. Еще Кастанье подчеркивал, что главная особенность степных памятников — великое многообразие форм и разновидностей погреб-

бальных построек, разбросанных на степных и пустынных просторах. Нахождение их вдали от населенных мест затрудняет их учет и охрану, а поэтому нередко обрекает на разрушение.

Довольно однообразный типологический функциональный состав памятников (мемориальные сооружения), невозможность их использования в современных условиях, оторванность от населенных мест являются причиной, сдерживающей выделение средств на их поддержание. Некоторые считают выходом из создавшегося положения крайнюю меру: предлагают разбирать лучшие из памятников и собирать их в музее под открытым небом в Алма-Ате.

Четкое осознание памятника как документа эпохи, нерасторжимость его архитектуры с окружающей средой обуславливают несогласие специалиста с требованием вырвать памятник из природного и исторического контекста. В случаях, когда памятник в силу каких-то объективных причин должен быть перенесен, не следует считать идеальным для этого искусственную просторную среду музея под открытым небом. Во-первых, материал большинства казахстанских построек не таков, чтобы их можно было разбирать и собирать, подобно памятникам деревянного зодчества; во-вторых, собирая объекты из различных областей Казахстана, мы соединим несоединимое — слишком велико различие в формах, материалах, к тому же ландшафт предгорий Тянь-Шаня весьма специфичен. Создание музея архитектуры может идти двумя путями. Первый — экспозиция макетов, уражей, декоративных фрагментов; второй, более дорогой и менее чистый, — экспонирование построек, собранных в нейтральном музейном интерьере (наподобие архитектурных экспонатов Берлинского музея).

Удаленность многих памятников от населенных пунктов, слабая изученность некоторых регионов республики (особенно пустынных) затрудняют проведение охранных и реставрационных работ, удорожают их. В таких условиях целесообразно следовать принципу предпочтительности консервации, провозглашенному ЮНЕСКО. Часто даже минимальные по объему и затратам средств предупредительные ремонтные работы могут спасти памятник от разрушения. Это может быть решено путем создания передвижных производственно-исследовательских колонн. Они выявляли бы новые памятники, фиксировали их, вели контроль за техническим состоянием взятых на учет памятников и осуществляли бы предупредительные меры. Итогом их работы была бы консервация памятников. Разумеется, необходима разработка положения о деятельности колонн. Для начала такую колонну можно было бы создать при Мангышлакском историко-культурном заповеднике. В Арало-Каспийском регионе на территории, почти равной по площади Италии, но с населением около 400 тыс. человек, в последнее время зафиксировано более тысячи некрополей и памятников. В общей сложности здесь насчитывается более

10 тысяч образцов каменной архитектуры от эпохи бронзы до начала XX в.

Расположение небольшого количества репрезентативных памятников вблизи крупных городов республики облегчает их реставрацию. Но это не значит, что она выполняется на должном уровне. В ряде случаев налицо рецидивы стилизаторских реставраций, например, проект реставрации мавзолея Айша-Биби, восстановление крепостных стен цитадели г. Туркестана. От такой практики необходимо отказаться.

Сложной и до сих пор не решенной остается проблема консервации сырцовых конструкций. Пахса и сырцовый кирпич — основные материалы, из которых сложены сооружения южной части в Казахстане и Средней Азии. Эту задачу надо решать научными силами Казахской и Узбекской республик.

По-прежнему остра проблема подготовки квалифицированных кадров реставраторов и создания полноценной производственной базы для ведения всех видов работ в целях сохранения памятников.

Это только некоторые из важнейших проблем охраны и реставрации памятников Казахстана, на решение которых должны быть направлены усилия республиканских органов охраны памятников и специалистов разных профилей.

Н. МУСТАФАЕВ, научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
АН Казахской ССР

Так это начиналось

В дореволюционном Казахстане научных обществ было крайне мало, и их состав малочислен. Краеведческую и научную работу в основном вели три отдела Русского географического общества: Оренбургский (с центром в Оренбурге), Туркестанский (Ташкент) и Западно-Сибирский (Омск), созданные во второй половине XIX в. В состав Западно-Сибирского отдела Русского географического общества входил Семипалатинский подотдел, организованный в 1902 г. в одноименном городе.

Отделы общества имели свои периодические издания — «Записки» и «Известия». В них печатались научные статьи по вопросам археологии, истории, этнографии и географии края.

Членами Оренбургского, Туркестанского, Западно-Сибирского отделов и Семипалатинского подотдела Русского географического общества состояли Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Н. М. Бекчурин, И. Алтынсарин, Г. С. Карелин, Н. Н. и В. Н. Белослюдовы и другие энтузиасты исследования края. Они внесли значительный вклад в изучение культурного наследия народов Средней Азии и Казахстана.

Наряду с отделами РГО в дореволюционном Казахстане действовали также Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.) и Оренбургская ученая архивная комиссия (1888—1917 гг.). Они занимались изучением памятников древности, в основном ар-

хеологии и архитектуры. Статьи В. А. Каллаура, Н. Н. Пантусова, А. А. Диваева, И. А. Кастанье, опубликованные в изданиях этих обществ, представляют большой интерес. Вышедшие в свет отдельными изданиями в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» монографии И. А. Кастанье («Древности Киргизской степи и Оренбургского края», «Надгробные сооружения киргизских степей») были, по существу, сводом изученных, известных к тому времени и малоизвестных археологических памятников и памятников культовой архитектуры. Несмотря на описательный характер этих монографий и статей по археологии, «работы Русского географического общества, Туркестанского кружка любителей археологии, Оренбургской ученой архивной комиссии... имеют большое значение в археологическом изучении Казахстана», — отмечает известный казахстанский археолог К. Акишев.

Сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане были национализированы памятники архитектуры, искусства, библиотеки, музеи, архивы. 7 февраля 1921 г. Наркомпрос КазАССР издал приказ «Об охране памятников старины». В нем говорилось: «В целях сбережения остатков старины и сохранившихся в степи курганов, имеющих громадное значение в историко-археологическом отношении при изучении Киргизского (Казахского.— Н. М.) края, настоящим объявляется, что все курганы подлежат охране местных властей. Власти на местах строго должны следить за тем, чтобы ни один курган, ни один памятник старины не раскапывался и не расхищался...»

В январе 1922 г. был организован Центральный государственный архив Казахстана (ЦГА), утверждено положение о нем и о губернских архивах.

Центром краеведческой работы в республике стало Общество изучения Казахстана, с 1920 по 1925 г. оно называлось Обществом изучения Киргизского края.

Еще в декабре 1919 г. при штабе Казвоенкомата в Оренбурге был создан Историко-статистический отдел, прообраз будущего Общества изучения Казахстана. Отдел состоял из четырех человек: А. П. Чулошникова (историк), А. А. Четыркиной (филолог, этнограф), Е. А. Яковлевой (юрист) и К. П. Шафаева (статистик). В апреле 1920 г. все члены Историко-статистического отдела перешли в Наркомпрос и образовали там так называемую Ученую комиссию, а затем Научный отдел.

Учредительное собрание отдела состоялось 15 октября 1920 г., на нем присутствовало 38 человек. В Уставе общества и отчете за 1920 г. говорилось, что «Общество изучения Киргизского края существует на правах Ученого общества и является прямым преемником Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского отдела Российского географического общества».

Общество ставило перед собой цель — изучение «республики и сопредельных с ней областей... в отношениях: историко-археологическом, естественно-историческом, этнографическом и др. Соответ-

С. И. Руденко провел большой объем работ. Материалы по антропологии, этнографии, культуре казахского, русского, украинского населения, представителей других этнических групп республики составили пять томов и были использованы при районировании.

В 1928 г. Семипалатинский отдел Русского географического общества был преобразован в отдел Общества изучения Казахстана. Этот отдел являлся крупной научной организацией Казахстана в первой четверти XX в. Активными его членами являлись краевед Б. Г. Герасимов, казахский советский писатель М. О. Ауэзов, этнограф И. А. Чеканинский, краевед А. Н. Белослюдов, географ А. А. Адрианов и др. Включение Семипалатинского отдела в Общество изучения Казахстана значительно укрепило его. В конце 20-х годов отделения Общества действовали в Алма-Ате, Семипалатинске, Уральске, Чимкенте, Петропавловске, Кустанае, Усть-Каменогорске.

В его работе деятельное участие принимал первый казахский историк-марксист Санджар Джафарович Асфендияров. В 1930 г. он стал председателем совета Общества изучения Казахстана, позднее был избран председателем Центрального бюро краеведения республики.

В 1930 г. состоялся Первый всеказахстанский краеведческий съезд. На нем были подведены итоги работы прошлых лет, определены основные направления развития краеведения как важной составной части культурного строительства республики. В 1931 г. Общество изучения Казахстана было преобразовано в Оргбюро краеведения. В 1932 г. созданное в системе Наркомпроса Казахстана Центральное бюро краеведения приняло функции основного, ведущего центра краеведения. Завершение деятельности Общества истории Казахстана как крупнейшей научной, краеведческой организации республики было тесно связано с ростом сети научно-исследовательских учреждений, возникновением в 1932 г. Казахстанской базы Академии наук СССР.

В 20-х годах, когда в республике еще не было государственных научных учреждений, Общество изучения Казахстана объединяло в своих рядах значительную часть научной и творческой интеллигенции. В Обществе активно сотрудничали историки А. П. Чулошников, А. Ф. Рязанов, С. Д. Асфендияров, этнографы А. А. Диваев, А. Л. Мелков, А. А. Четыркина, ботаник И. М. Крашенинников, композитор А. В. Затаевич, художник С. И. Калмыков, писатели С. С. Сейфуллин, М. О. Ауэзов. Своей деятельностью Общество изучения Казахстана определило дальнейшее развитие краеведения в республике.

Музей борца за Советскую власть

В Тургае — центре района, носящего имя Алиби Джангильдина, пламенного борца за Советскую власть, создан его историко-мемориальный музей. Около пятисот экспонатов рассказывают о жизни и борьбе степного комиссара.

В 1915 г. А. Джангильдин вступил в партию большевиков. Он активно участвовал в революционном движении. В 1916 г. вместе с Амангельды Имановым руководил народно-освободительным восстанием в Тургайской области, направленным против царизма и феодалов. Беспрецедентный подвиг совершил отряд А. Джангильдина в июле — ноябре 1918 г. По заданию В. И. Ленина его отряд, пройдя тысячекilометровый путь через безводные степи, солончаки и пески, доставил оружие отрезанным от Центральной России красным бойцам Актюбинского фронта.

Позднее он участвовал в боях за освобождение от белогвардейцев и интервентов Челябинска, Орска и Кустаная. Был государственным деятелем республики. Именем большевика-ленинца названы многие улицы городов и поселков, хозяйства, школы Казахстана.

Внимание посетителей музея привлекают многочисленные реликвии, фотокопии документов, хранящихся в музеях Москвы, Оренбурга, Алма-Аты, личные вещи, книги, в том числе тома первого издания Собрания сочинений В. И. Ленина, оружие А. Джангильди-

на, подаренные музею сыновьями и женой. Картины, стенды ярко отображают его встречу с В. И. Лениным, годы учебы в Москве, зарубежные путешествия, боевые схватки. В кинозале демонстрируются копии фильмов, снятых А. Джангильдиным в поездках, ленты о его жизни и деятельности, о социально-экономических преобразованиях в крае, где боролся и трудился Чрезвычайный комиссар Степного края.

Новый музей, перед которым установлен бюст А. Джангильдина, станет одним из центров патриотического, идейно-нравственного воспитания молодежи района и области.

В Постоянной комиссии Верховного Совета Казахской ССР

Постоянная комиссия по народному образованию и культуре Верховного Совета Казахской ССР обсудила доклад Министерства культуры республики о соблюдении Закона Казахской ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Депутаты отметили, что требования закона выполняются далеко не в полной мере. Многие Советы народных депутатов не уделяют должного внимания этому вопросу. В ряде областей не разработаны перспективные планы ремонта, консервации и реставрации памятников. Имеются факты самовольного сооружения памятников монументального искусства с нарушением установленных правил, однако никаких мер к виновным организациям, должностным лицам не принимается.

Недостаточен общественный контроль за сохранностью и использованием памятников. Шефство предприятий, учреждений и организаций над ними зачастую формальное. Еще нередки факты порчи, разрушения, необоснованного сноса памятников.

Институт Казпроектреставрация неоперативен в решении задач реставрации, задерживает подготовку проектно-сметной документации. Трест Казреставрация, его подведомственные специальные научно-реставрационные производственные мастерские допускают низкое качество реставрационных работ, отклоняются от проектов, нарушают финансовую и трудовую дисциплину. Не решены вопросы обеспечения мастерских транспортом, оборудованием, качественными строительными материалами. Не ведется подготовка и переподготовка кадров реставраторов.

Крайне неудовлетворительно обеспечены техническими средствами реставрационные работы по архивным документам.

Центральный и областные советы Казахского общества охраны памятников истории и культуры слабо связаны с исполкомами местных Советов народных депутатов, управлениями и отделами культуры и активистами ООПИК.

В принятом Постоянной комиссией решении определены меры по безусловному выполнению законодательства о памятниках, даны рекомендации Советам народных депутатов республики, Казахскому обществу охраны памятников истории и культуры по устранению недостатков.

Улучшать работу музеев

Заметная роль в идейно-нравственном, патриотическом воспитании трудящихся принадлежит музеям республики. О том, как повысить уровень идеологического воздействия этих культурно-просветительных центров на воспитательный процесс, шел разговор на совещании в ЦК Компартии Казахстана.

Отмечалось, что музеи республики накопили немалый опыт работы с различными группами и категориями населения, совершенствовалась их научно-экспозиционная, выставочная деятельность, укреплялись контакты с трудовыми учебными коллективами. Однако во многих музейных учреждениях слабо ведется работа по созданию новых экспозиционных комплексов и разделов, посвященных истокам дружбы народов СССР, утверждению ленинских принципов национальной политики партии и Советского государства. Не налажен регулярный обмен выставками с музеями союзных республик.

Явно недостаточен еще вклад музеев в атеистическую пропаганду. Следует также в уникальных зданиях архитектуры проводить концерты фольклорных и камерных ансамблей.

На совещании обращалось внимание на необходимость поиска новых форм и средств музейной работы. Надо систематически проводить музейные праздники, театрализованные представления, конкурсы знатоков истории и др.

Требует качественного улучшения научно-методическое руководство со стороны Министерства культуры республики деятельностью музеев, в том числе ведомственных и действующих на общественных началах на предприятиях, в учебных заведениях и учреждениях. Партийным и советским органам рекомендовано шире использовать возможности музеев в воспитании трудящихся.

Казахское отделение Советского фонда культуры

12 апреля 1987 г. в Алма-Ате состоялась учредительная конференция Казахского отделения Советского фонда культуры.

Делегаты — секретарь Уральского горкома партии Ю. В. Баев, секретарь правления Союза писателей республики А. Кекильбаев, народный художник Казахстана С. А. Мамбеев, вице-президент Академии наук Казахской ССР Ж. М. Абдильдин, заместитель председателя Советского фонда культуры В. Д. Новожилов и другие говорили о необходимости содействовать более глубокому освоению трудящимися богатств отечественной и мировой культуры, патриотическому, интернациональному и эстетическому воспитанию советских людей. Надо активнее выявлять и вовлекать в общественное пользование произведения искусства, исторические реликвии, редкие книги и другие ценные материалы. И в то же время заботиться о сохранности тех предметов и духовных ценностей, которые завтра могут стать историческими памятниками.

Важной сферой деятельности республиканского отделения фонда должно стать содействие взаимообогащению национальных культур, формированию у людей высокой гражданской ответственности за рост общенационального культурного достояния.

Алма-Атинский коллекционер А. М. Каимбаев передал в дар фонду культуры 50 экспонатов уйгурского народного декоративно-прикладного искусства. 30 своих работ внесли в него ведущие художники Казахстана. 100 тыс. рублей перечислило на счет новой организации Казахское общество ОПИК.

Председателем Казахского отделения Советского фонда культуры избран писатель А. Т. Алимжанов, его заместителями — Ю. А. Пачин и С. Б. Кумарова.

Рассказывают экспозиции

Богата яркими событиями история Каскеленского района Алма-Атинской области. Здесь выросли и оставили зримый след замечательные организаторы революционного движения, герои революции и гражданской войны Магазы Масанчи, Ураз Джандосов, Токаш Бокин, Жубаныш Бармбаев, Рахмалы Байжарасов, Павел Михайлович Виноградов.

Немало в районе и тех, кто заслужил почет и уважение боевыми подвигами, своим трудом. Это семь Героев Социалистического Труда: бывший разведчик, полный кавалер орденов Славы Н. Ф. Кужелев, кавалер ордена Трудовой Славы трех степеней А. Дюсембекова — доярка племзавода «Аксай», защитник Брестской крепости У. Гаджиев, военный фельдшер 8-й гвардейской Панфиловской дивизии Д. Селянина и др.

Об истории района, о мужестве и трудовой доблести земляков рассказывают экспозиции недавно открытого в райцентре музея. Организаторы его по крупицам собирали сведения о подвигах земляков в период становления и укрепления Советской власти, индустриализации и коллективизации, в огненные годы Великой Отечественной войны, в период восстановления народного хозяйства и развернутого коммунистического созидания в наши дни.

Активную помощь в сборе материалов оказали школьники, студенты, пенсионеры.

Много сил отдал созданию историко-краеведческого музея председатель его общественного совета Н. Н. Кириенко. Он руководил отбором материалов, изучал различные архивы.

Советско-французский симпозиум в Алма-Ате

В октябре 1987 г. в Алма-Ате состоялся советско-французский симпозиум по археологии Центральной Азии и соседних регионов, посвященный проблеме взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций. В его работе приняли участие историки и ар-

хеологи Казахской, Узбекской, Таджикской и Киргизской ССР, Ленинграда, Кемерово и других городов — всего более 300 специалистов различного профиля, а также группа известных французских специалистов из Национального центра научных исследований. Научная программа симпозиума была насыщенной. На семи заседаниях заслушаны 30 докладов.

О начальном этапе сложения двух хозяйственно-культурных систем в среднеазиатско-казахстанском регионе и их взаимоотношениях говорилось в докладах В. Ф. Зайберга (Петропавловск) «Природно-экологические и общественные факторы и развитие производящего хозяйства в степях Казахстана» и У. И. Исламова (Самарканд) «Оседлые общины юга и протоскотоводческий неолит севера (истоки межзональных взаимодействий)». Osteологический материал из пос. Ботай был проанализирован в докладе Л. А. Макаровой и Т. Н. Нурумова (Алма-Ата) «К проблеме коведства и неолит — энеолите Казахстана».

В докладе В. М. Массона (Ленинград) «Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействия» внимание было акцентировано на специфике процесса взаимодействия в процессе развития номадизма как особого социо-культурного явления. Если на ранних стадиях эпохи пастушеского скотоводства археологически фиксируются заимствования, направленные из зоны древних цивилизаций в регион культуры степной бронзы, то на завершающих этапах возникают условия для интенсивных миграций пастушеских племен в зоны оседло-земледельческих культур. С возникновением номадизма изменился и характер взаимодействия двух, ставших ведущими, хозяйственно-культурных типов.

Общие закономерности сложения номадических культур в степях Казахстана обстоятельно раскрыты в докладе К. А. Акишева (Алма-Ата) «Конные номады древнего Казахстана». Обобщив многочисленные свидетельства археологических источников, автор выделил в этом процессе три этапа: XVII—XV вв. до н. э. (ранняя бронза) — развитие оседлого пастушеского скотоводства и первобытного земледелия; XV—XII вв. до н. э. (развитая бронза) — постепенный переход к яллажному скотоводству, увеличение подвижности общин; XII—X вв. до н. э. (заключительный этап эпохи бронзы) — период коренных изменений в формах хозяйства, образе жизни, культуре, что явилось результатом перехода к круглогодичному кочеванию.

Новая интерпретация археологических источников степной зоны Евразии предложена в докладе А. И. Маргынова (Кемерово) «О степной цивилизации I тысячелетия до н. э.». Опираясь на достижения кочевниковедения, автор выдвинул тезис о существовании в VI—II вв. до н. э. степных цивилизаций. По его мнению, очаги такой цивилизации располагались по всему великому поясу степей от Скифии до Ордоса.

Методологическим проблемам археологических источников

посвятил свой доклад «Археологические признаки номадизма — исследования в Бактрии» проф. Ж. К. Гарден (Париж). Он поставил под сомнение, в частности, выводы авторов о проникновении кочевников в Бактрию, основанные лишь на анализе «кочевнической» керамики, встречающейся в слоях поселений.

Вопросы взаимоотношений кочевников и Согда в различные хронологические периоды обстоятельно рассмотрены в докладе Б. И. Маршака и В. И. Распоповой (Ленинград).

В докладе «Основные условия взаимодействия кочевников и оседлого населения» проф. Ж. П. Дигар (Париж) осветил проблему взаимоотношений кочевничества и земледелия в социально-экономической плоскости.

Этнической истории Средней Азии посвящены доклады Ю. А. Заднепровского (Ленинград) «Взаимодействие кочевников и древних цивилизаций и этническая история Средней Азии» и Н. Н. Негматова (Душанбе) «Сакогодийский синтез на Сырдарье», в которых отмечена интенсивность этнокультурного синтеза в период кочевнической инвазии последней трети I тыс. до н. э.

В докладе «Бактрийско-юэчжйские и согдийско-кангюйские взаимопроникновения в художественной культуре» Г. А. Пугаченкова (Ташкент) показала взаимный и творческий характер обмена, определившего своеобразие художественной культуры Бактрии — Тохаристана в предкушанское время.

Присырдарьинский регион, начиная в эпохи древности и в течение всего средневековья, являлся ключевой зоной активного взаимодействия кочевых и оседло-земледельческих культур. Его природно-географические различия обусловили своеобразие процесса взаимопроникновения и этнокультурных ситуаций на данной территории. Однако активное взаимодействие кочевников и земледельцев в различных формах определило многие общие моменты в истории и облике культуры этого обширного региона. Рассмотрению этих сложных процессов на основе новых материалов, полученных археологами Узбекистана и Казахстана, были посвящены доклады Ю. Ф. Бурякова (Самарканд) «Кочевнические аспекты урбанизации в контактных зонах (по материалам бассейна Средней Сырдарьи)», М. И. Филанович (Самарканд) «Культурные взаимодействия оседлого и кочевого мира и формирование архитектурных традиций (по материалам Шаштепа в Ташкентском регионе)» и К. М. Байпакова (Алма-Ата) «Город и степь Южного Казахстана и Семиречья в эпоху средневековья (аспекты взаимодействия)».

Большой интерес вызвали доклады французских ученых А. П. Франкфора «Проблема прототипа Великого шелкового пути во II—I тыс. до н. э. Роль номадов»; М. Р. Безенвала «Кочевники и добыча полезных ископаемых в пустынях и полупустынях: данные этнологии и археологические проблемы»; К. Дебэн-Франкфор «Саки в провинции Синьцзянь до периода Хань. Критерии идентификации».

Советские специалисты отметили новизну подхода последнего автора к проблеме. Так, по мнению К. А. Акишева, новые материалы еще раз подтверждают научную версию о вхождении Синьцзяня в ареал культур сакского круга.

Участники симпозиума ознакомились с достижениями и новыми материалами казахстанских археологов в Музее археологии Академии наук Казахской ССР, совершили экскурсию по Алма-Ате и ее окрестностям. Гости посетили институт «Казпроектреставрация», музеи столицы Казахстана, ряд учреждений.

На заключительном заседании была принята резолюция советско-французского симпозиума, в которой отмечается перспективность развития научных контактов между археологами СССР и Франции в исследовании ключевых проблем истории центрально-азиатского региона.

Градостроительство и охрана памятников

В Алма-Ате 15 октября 1986 г. состоялась региональная конференция инициативных групп республик Средней Азии и Казахстана Советского комитета Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС). Заслушаны доклады председателя региональной инициативной группы республик Средней Азии и Казахстана Г. А. Пугаченковой и директора института Казпроектреставрация Б. Т. Туякбаевой.

Тема конференции — «Проблемы изучения и сохранения памятников градостроительного искусства и архитектуры в структуре развивающихся городов». Выступавшие подчеркнули важность постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию изобразительного искусства и повышению его роли в коммунистическом воспитании трудящихся». Улучшение облика городов требует приложения сил не только архитекторов, градостроителей, скульпторов, дизайнеров, историков, но и геологов, сейсмологов. При разработке генеральных планов застройки необходимо предусматривать охрану памятников, усиление роли пропаганды историко-культурного наследия в воспитании трудящихся, особенно подрастающего поколения.

Музей Курмангазы в Астраханской области

В конце 1986 г. в селе Алтынжаре Володарского района Астраханской области состоялось торжественное открытие музея великого казахского композитора и домбриста Курмангазы Сагирбаева. В этом селе прошли последние годы жизни классика казахской музыки. Здесь находится и его могила, на которой установлен мрачный памятник. По инициативе колхоза имени Курмангазы теперь в Алтынжаре построен дом-музей композитора. Земляки из

Денгизского района Гурьевской области передали музею личные вещи Курмангазы, картины, рисунки и т. д. Экспонаты одного из разделов музея рассказывают о продолжателях творческих традиций композитора в наше время.

В церемонии открытия музея приняли участие первый секретарь Володарского райкома КПСС В. Турченков, ректор Астраханской государственной консерватории Г. Славников, представители творческой общественности Астрахани. В колхозном Доме культуры состоялся концерт из произведений Курмангазы.

Семинар-совещание в Джамбуле и Уральске

Центральный совет ООПИК Казахской ССР провел в г. Джамбуле семинар-совещание работников областных и городских отделений Общества. Участники семинара заслушали доклад члена президиума Центрального совета ООПИК Казахской ССР А. Ш. Ботпаева «О мероприятиях по реализации постановления IV съезда Общества охраны памятников истории и культуры Казахской ССР в свете решений XXVII съезда КПСС и XVI съезда Компартии Казахстана» и содоклады «О подготовке к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции», «Об опыте работы по охране и пропаганде памятников истории и культуры в Джамбулской области» и др.

Участники семинара-совещания осмотрели памятники древнего и средневекового зодчества в г. Джамбуле, посетили спектакль областного казахского театра драмы «Айша-Биби», созданный на основе старинной легенды о любви батыра Карахана и девушки Айши.

Обмену опытом работы областных, городских и районных советов Казахского ООПИК был посвящен семинар-совещание, проведенный Центральным советом Общества в Уральске. С докладом выступил председатель президиума ЦС Казахского ООПИК С. С. Джиенбаев. Отметив, что в условиях расширения социалистической демократии и перестройки возрастает социальная роль культуры, он проанализировал работу организаций Общества охраны памятников по сохранению, использованию и пропаганде историко-культурного наследия, формированию высокого чувства советского патриотизма, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания.

С содокладами и сообщениями на семинаре-совещании выступили ответственный секретарь президиума ЦС Казахского ООПИК Р. Л. Наурызбаева, заведующий отделом охраны памятников ЦС Казахского ООПИК А. Р. Сатаев, старший инспектор управления охраны памятников Министерства культуры республики Н. К. Смаилов и др.

Участники совещания рассказали о новых формах организации охраны, устной и печатной пропаганды памятников.

Новые секции

При Центральном совете Казахского ООПИК созданы новые секции, работающие на общественных началах. Одну из них, занимающуюся пропагандой памятников истории и культуры, возглавляет главный редактор журнала «Билим жане әнбек», писатель А. Сейдимбеков. В секцию входят историки, журналисты, писатели и другие активисты Общества. В периодической печати, по телевидению и радио они ведут разностороннюю пропаганду памятников истории и культуры. На страницах журнала «Билим жане әнбек» печатаются очерки и статьи по проблемам их выявления, охраны и реставрации.

Развернула свою работу и секция по надзору и инспекции, возглавляемая доктором исторических наук К. М. Байпаковым. В качестве общественных инспекторов в эту секцию вошли историки, археологи, этнографы, архитекторы, литераторы, музыковеды и другие специалисты. Сейчас при Центральном совете ООПИК действуют 8 секций.

Конкурс плакатов

Центральный совет ООПИК Казахской ССР провел конкурс на лучший плакат на темы охраны памятников истории и культуры. На конкурс было представлено более 50 работ художников Москвы, Алма-Аты и других городов. Первая премия присуждена В. М. и Е. М. Грущаквым, вторая — В. В. Паку и В. С. Айзенбергу, третья — Д. А. Мухамеджанову. Поощрительными премиями отмечены работы Л. Г. Мироненко, В. Т. Ткаченко, Б. Е. Омарова и Э. А. Парашенко.

С о д е р ж а н и е

IV съезд Казахского общества охраны памятников истории и культуры

<i>С. Джиенбаев.</i>	Культурное достояние народов республики . . . Из выступлений делегатов	3 17	
	Из резолюции IV съезда Казахского общества ОПИК	32	
Великому Октябрю — 70			
<i>С. Пресняков.</i>	Здесь проезжал Ленин .	33	
<i>В. Прескурин.</i>	О памятных местах Алматы в романе «Мятеж» . .	37	
<i>А. Изотов.</i>	Почин прекрасный! . .	46	
<i>П. Осипов.</i>	Вечно живая память . .	56	
<i>М. Еремеев.</i>	Веки незабываемых дней	62	
Размышления у памятника			
<i>А. Яндаров.</i>	Поборник прогресса и дружбы народов . . .	65	
Связано с выдающимися именами			
<i>А. Сагаев.</i>	«Прощупав землю ногами...»	73	
Поиски и находки			
<i>К. Байпаков.</i>	Древний и средневековый Отрар	83	
<i>Е. Смагулов.</i>	Сколько лет Туркестану?	93	
<i>Б. Волчков.</i>	На склонах Киргизского хребта	97	
<i>Р. Бурнашева.</i>	Монеты с зимовки Каратон	100	
Выдающиеся деятели науки и литературы о памятниках истории и культуры			103
Наследие старых мастеров			
<i>С. Аджигалиев.</i>	Зодчество Арало-Каспия: ареал, хронология, традиции	105	
<i>Т. Тепловодская.</i>	О гончарстве Отрара . . .	117	
Музеи Казахстана			
<i>В. Шестериков.</i>	«...Люблю этот край сыновей любовью...»	121	

Архивы рассказывают

<i>В. Познанский.</i>	«Мы много сделали...» .	127
<i>В. Юдин.</i>	Неизвестная версия гибели Урус-хана	131

Из истории казахской книги

<i>Ж. Шалгумбаева.</i>	У истоков	137
------------------------	---------------------	-----

Память сносу не подлежит

<i>Б. Сакауова.</i>	Посвящены подвигам на- родным	145
<i>А. Ордабаев.</i>	Изучение, охрана и пробле- мы реставрации памятни- ков в республике	148

К истории охраны памятников в Казахстане

<i>Н. Мустафаев.</i>	Так это начиналось	152
----------------------	------------------------------	-----

Панорама

Музей борца за Советскую власть	157
В Постоянной комиссии Верховного Совета Казахской ССР	158
Улучшать работу музеев	159
Казахское отделение Советского фонда куль- туры	—
Рассказывают экспозиции	160
Советско-французский симпозиум в Алма- Ате	—
Градостроительство и охрана памятников .	163
Музей Курмангазы в Астраханской области	—
Семинар-совещание в Джамбуле и Уральско	164
Новые секции	165
Конкурс плакатов	—

На 1-й странице обложки: памятник в Алма-Ате борцам Вели-
кой Октябрьской революции. Скульптор *Н. Журавлев*, архитекторы
Б. Ворони и *И. Токар*.

На 4-й странице обложки: плакат работы художников *В. Г. Хе-
на* и *В. Т. Хвана*.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СБОРНИКА «ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА»

Рукописи для сборника «Памятники истории и культуры Казахстана» принимаются в отпечатанном на машинке через два интервала виде в 2-х экземплярах с приложением необходимых слайдов, фотографий и рисунков. Автор должен указать фамилию, имя и отчество, должность и место работы, ученую степень и звание, а также адрес и номер телефона. Рукописи, предъявленные с нарушением этих требований, считаются не принятыми.

Адрес редакции: 480100, г. Алма-Ата,
ул. Калинина, 71. Телефон: 61-81-88.

Научно-популярное издание

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА

ВЫПУСК 3

Редактор *Н. Н. Королева*
Мл. редактор *И. В. Хромушина*
Художник *Д. А. Безруков*
Художественный редактор *Г. М. Горелов*
Технический редактор *Л. И. Конькова*
Корректор *Р. Г. Ермошкина*

ИБ № 3482

Сдано в набор 28.04.87. Подписано в печать 20.03.88.
УГ 28006. Формат 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 1. Гарни-
тура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл.
печ. л. 10,5+1,0 вкл. Усл. кр.-отг. 16,13. Уч.-изд. л.
12,58. Тираж 11 500 экз. Заказ № 664. Цена 65 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан»
Государственного комитета Казахской ССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124,
г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения поли-
графических предприятий «Кітап» Государственного
комитета Казахской ССР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата,
проспект Гагарина, 93.